

АБРАХАМ МЕРРИТ

КОЛЕСО СТРАХА

3 ПРОИЗВЕДЕНИЯ В ОДНОЙ
КНИГЕ

Абрахам Меррит

Колесо страха (сборник)

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
1924, 1932, 1934

УДК 821.111(73)
ББК 84.7США

Меррит А. Г.

Колесо страха (сборник) / А. Г. Меррит — Книжный Клуб
«Клуб Семейного Досуга», 1924, 1932, 1934

Уже семь человек стали жертвами загадочной эпидемии. Перед смертью все они впадали в странное оцепенение, а на их лицах навсегда застывало выражение крайнего ужаса... Выяснилось, что накануне каждый из погибших побывал в кукольном магазинчике мадам Мэндилип. Многие считают, что тут не обошлось без колдовства... Доктор Лоуэлл не склонен верить мистическим объяснениям, но после покушения на одного из пациентов вынужден изменить свое мнение. Потому что на того напала... кукла! («Гори, ведьма, гори!») В издание также вошли романы «Тень, ползи!» и «Корабль Иштар».

УДК 821.111(73)
ББК 84.7США

© Меррит А. Г., 1924, 1932, 1934
© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга», 1924, 1932, 1934

Содержание

Гори, ведьма, гори!	6
Предисловие	6
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	28
Глава 6	32
Глава 7	35
Глава 8	40
Глава 9	50
Глава 10	53
Глава 11	60
Глава 12	66
Глава 13	71
Глава 14	77
Глава 15	85
Глава 16	89
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Абрахам Меррит

Колесо страха (сборник)

Публикуется при содействии Literary Agency EDITIO DIALOG, Dr. Michael Wenzel, Lille, France

Публикуется при содействии AA Merritt LLC, the sole owner of the rights to the A. Merritt works

Переведено по изданиям:

Merritt A. *Burn, Witch, Burn!*: A Novel / Abraham Merritt. – New York: Liveright, 1933. – 190 p.

Merritt A. *Creep, Shadow!*: A Novel / Abraham Merritt. – New York: Doubleday Doran, 1934. – 263 p.

Merritt A. *The Ship of Ishtar*: A Novel / Abraham Merritt. – New York: Avon, 1973. – 309 p.

Перевод с английского *Олеси Малой* («Гори, ведьма, гори!», «Тень, ползи!») и *Вероники Архонтовой* («Корабль Иштар»)

© A. Merritt, 1933. Copyright renewed: AA Merritt LLC, 2003

Burn, Witch, Burn! © A. Merritt, 1926. Copyright renewed: AA Merritt LLC, 2003

Creep, Shadow! © A. Merritt, 1934. Copyright renewed: AA Merritt LLC, 2003

The Ship of Ishtar © A. Merritt, 1943. Copyright renewed: AA Merritt, 2003

© Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2015

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2015

* * *

Гори, ведьма, гори!

Предисловие

Я врач. Моя специализация – неврология и заболевания мозга, также я считаю себя экспертом в вопросах патологии психики. Я сотрудничаю с двумя лучшими больницами Нью-Йорка и удостоился признания как в этой стране, так и за рубежом. Я пишу все это, рискуя раскрыть свое имя, не из пустого бахвальства, но чтобы доказать свою способность проанализировать события, о которых мне предстоит поведать, и квалифицированно оценить их с научной точки зрения.

Я утверждаю, что рискую раскрыть свое имя, поскольку Лоуэлл – лишь псевдоним. Имена всех остальных героев сего повествования также являются вымышленными. Причины этой подмены имен вскоре станут очевидными для вас.

И все же мне представляется несомненным, что факты и наблюдения, объединенные в моих заметках, нужно прояснить, изложить в хронологическом порядке и донести до широкой публики.

Очевидно, я мог бы опубликовать их в форме статьи в одном из многочисленных медицинских научных журналов, но я слишком хорошо понимаю, как мои коллеги восприняли бы такую работу, с каким подозрением, разочарованием, даже отвращением они в дальнейшем относились бы ко мне, ведь многие из описанных мною фактов и наблюдений противоречат общепринятым представлениям о причинно-следственных связях в нашем мире.

Но теперь, сколь глубока ни была бы моя вера в медицинские закономерности, я вынужден предположить, что могут существовать законы бытия, отличные от уже известных нам. Могут существовать силы и явления, которые мы упорно отрицаем, поскольку наши теперешние знания о мире ограничены и в рамках этих ограничений подобным силам и явлениям не находится объяснений. Явления, существование которых отражается в фольклоре и древних преданиях всех народов. Мы же, чтобы оправдать наше неведение, называем их мифами и суевериями.

Я говорю о мудрости, мудрости невероятно древнего научного знания. Знания, зародившегося еще в доисторические времена и с тех пор не исчезнувшего, не утраченного до конца. О тайнах, темное пламя которых хранили и раздували век от века жрецы и жрицы. Темное пламя запретного знания полыхало в Египте еще до строительства пирамид, и его угли ныне тлеют в храмах, погребенных песками Гоби. Им обладали Шен-бен-Ад¹, которых Аллах, как верят мусульмане, превратил в камень за колдовство за десять тысяч лет до того, как по улицам Ура Халдейского ходил Авраам. Оно горело в Китае, им владели ламы Тибета, бурятские шаманы степных народов и колдуны Полинезии.

Темное пламя зловещего знания... Оно скрывалось в тени величественных камней Стоунхенджа, взметнулось к небесам от подношений римских легионеров, померкло и – никто не знает почему – вновь набрало силу в средневековой Европе. Это пламя еще горит, еще полыхает, еще пылает.

Но довольно вступлений. Я начну свой рассказ с того дня, когда темное пламя – если то было оно – впервые опалило меня.

¹ Шен-бен-Ад (сыны Ада) – языческая секта, упомянутая в «Книге об идолах» раннесредневекового исламского историка Хишама ибн ал-Калби. (Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное.)

Глава 1

Странная смерть

Поднимаясь по ступеням ко входу в больницу, я услышал, как пробили часы. Был час ночи. Обычно в такое время я спал в своей кровати, но меня очень заинтересовал медицинский случай одного из пациентов. Брейль, мой ассистент, позвонил мне, чтобы сообщить об изменении симптомов, и я решил понаблюдать за развитием болезни. Невзирая на начало ноября, ночь выдалась ясная, и я остановился у двери больницы, засмотревшись на усеянное звездами небо. В это время ко входу в больницу подъехал автомобиль. Пока я озадаченно раздумывал над тем, что бы мог значить столь поздний визит, из машины вышел какой-то человек. Внимательно осмотрев безлюдную улицу, он широко распахнул дверцу. Из автомобиля выбрался второй мужчина, и они завозились с чем-то на заднем сиденье. Когда они выпрямились, я увидел, что они поддерживают с двух сторон третьего – не помогают ему идти, а несут его. Голова третьего поникла, тело обмякло.

Четвертого мужчину, вышедшего из автомобиля, я узнал. Это был Джулиан Рикори, известный гангстер, поднявшийся на волне последствий «сухого закона». Мне приходилось пару раз видеть его лично, но даже без этого я узнал бы его, поскольку в газетах часто мелькали его фотографии. Высокий, худощавый, седовласый, всегда безукоризненно одетый, он скорее напоминал праздного респектабельного представителя высшего общества, чем главу преступной группировки.

Я вышел из тени на крыльце больницы, и троица замерла на месте – скорости их реакции позавидовали бы гончие псы. Первый и второй мужчины потянулись к карманам пальто, в их движениях сквозила скрытая угроза.

– Я доктор Лоуэлл, – поспешно представился я. – Работаю в больнице. Пойдемте за мной.

Они не ответили, не отвели глаз, не двинулись. Вперед вышел Рикори, пряча руки в карманах. Посмотрев на меня, он кивнул, и я почувствовал, как напряжение двух других спало.

– Я вас помню, доктор, – подчеркнуто вежливо произнес он, и я не уловил в его речи и следа акцента. – Должен отметить, вы рисковали. Позвольте дать вам совет. Не стоит совершать резких движений, встретив ночью людей, о которых вы ничего не знаете. Особенно в нашем городе.

– Однако же я вас знаю, мистер Рикори, – возразил я.

– Полагаю, вы неверно оценили ситуацию, доктор. – Гангстер улыбнулся. – И мой совет все еще остается в силе.

Повисло неловкое молчание.

– Учитывая, кто я такой, мне было бы намного комфортнее за этой дверью, а не перед ней, – наконец прервал тишину Рикори.

Я пустил их внутрь, и странная пара внесла свой груз, за ними двинулись и мы. Профессиональные привычки взяли верх, и я подошел, чтобы осмотреть человека, которого принесли люди Рикори. Те покосились на своего босса. Рикори кивнул, и я принялся за осмотр.

Увиденное меня ошеломило. Глаза пострадавшего были широко распахнуты. Он был жив и не потерял сознание, но на его лице застыло выражение беспредельного ужаса. Ничего подобного я не видел ни у здоровых, ни у больных людей, ни у людей на грани безумия. То был не просто страх, а острый испуг, переходящий в безысходный ужас. Расширившиеся зрачки почти скрывали голубизну его глаз, служа проводниками иступления, впечатавшегося в его разум. Он смотрел на меня, сквозь меня, взгляд устремлялся прочь, и все же несчастный будто заглядывал и внутрь себя – словно кошмар, который узрели эти глаза, находился и внутри, и извне.

– Вот именно. – Рикори наблюдал за моими действиями. – Вот именно, доктор Лоуэлл. Что мой друг мог увидеть? Или чем его напичкали? Что довело его до такого состояния? Мне необходимо выяснить это, и я готов хорошо заплатить за такую услугу. Да, я хочу, чтобы его вылечили. Но буду откровенен с вами, доктор Лоуэлл. Я отдал бы последний пенни за гарантии того, что случившееся с ним не повторится со мной. Кто бы ни поступил с ним так, я хочу быть уверенным, что они не смогут сделать того же со мной, не заставят меня увидеть то, что видит он, не заставят меня почувствовать то, что чувствует он.

Я вызвал санитаров, и они уложили пациента на носилки. Подошел и дежурный врач.

– Я много слышал о вас, доктор Лоуэлл. – Рикори тронул меня за локоть. – И хотел бы, чтобы этим человеком занялись именно вы.

Я помедлил.

– Вы сможете отложить все свои дела? Посвятить этому все свое время? – с серьезным видом продолжил гангстер. – Если посчитаете необходимым, вы можете пригласить и других специалистов для консультаций. Не думайте о расходах...

– Подождите, мистер Рикори, – перебил его я. – У меня есть пациенты, которых я не могу бросить. Я уделю этому случаю все свободное время, как и мой ассистент доктор Брейль. Ваш друг будет находиться под наблюдением врачей, которым я полностью доверяю. Вы согласны, чтобы я взялся лечить его на таких условиях?

Рикори кивнул, хотя я видел, что такой ответ не вполне его удовлетворил. Отправив пациента в отдельную палату, я взялся за заполнение бумаг, улаживая все необходимые формальности. Рикори указал, что пострадавшего зовут Томас Петерс, заверил меня, что ему неизвестно о каких-либо близких родственниках пациента, и потому всю ответственность он, как ближайший друг потерпевшего, берет на себя. Достав из кармана пачку денег, гангстер отслюнявил купюру в тысячу долларов и положил на стол со словами: «Это на предвзятые расходы».

Я предложил Рикори присутствовать при осмотре, он согласился и, проинструктировав своих людей, вошел в палату. Двое его спутников встали по обе стороны от двери, охраняя вход, я же проследовал за ним. Санитары уже раздели пациента и, уложив на кровать с передвижной спинкой, укутали одеялом. Подоспел и вызванный мною Брейль – мой ассистент склонился над Петерсом, напряженно вглядываясь. Он явно был обескуражен. Я с удовлетворением отметил, что к Петерсу приставили медсестру Уолтерс, необычайно талантливую и знающую свое дело девушку.

– Похоже, какой-то наркотик, – предположил Брейль.

– Может быть, – согласился я. – Но если так, то я еще никогда не сталкивался с подобным веществом. Посмотрите на его глаза.

Я опустил веки Петерса, но стоило мне убрать руку, как он вновь медленно открыл глаза. Я попытался закрыть их несколько раз, но они открывались вновь и вновь. И выражение цепящего ужаса в них оставалось неизменным.

Я продолжил осмотр. Все тело было расслаблено, каждая мышца, и мне подумалось, что Петерс сейчас похож на тряпичную куклу. Возникало ощущение, что все участки мозга, отвечающие за моторную координацию и мышечный тонус, отключились, тем не менее я не заметил ни одного из обычных симптомов паралича. Петерс не реагировал на сенсорную стимуляцию, хотя я кольнул иглой ряд периферических нервов. Единственной реакцией, которой я сумел добиться, было слабое сужение зрачков под воздействием яркого света.

Хоскинс, наш биохимик, пришел и взял у пациента образцы крови. После этого я опять тщательно осмотрел тело, но не нашел ни единого следа от укола, ни одной ранки, синяка или ссадины. С разрешения Рикори я распорядился полностью удалить все волосы с тела Петерса – побрить ему грудь, плечи, ноги, даже голову, но так и не обнаружил никаких признаков того, что ему ввели какой-то наркотик. Пациенту промыли желудок и взяли образцы

мочи, кала и слюны, а также сделали кожный соскоб. Я проверил его нос и горло, все казалось в пределах нормы, но я взял соскоб и оттуда. Артериальное давление было пониженным, температура тела – чуть ниже нормы, но это могло ничего не значить. Затем я вколол пациенту адреналин. Никакой реакции. А вот это уже что-то значило.

– Бедняга, – пробормотал я себе под нос. – Ничего, я найду способ избавить тебя от этого кошмара.

После этого я ввел ему небольшую дозу морфина. Никаких изменений – будто я ему физраствор вколол. Я поэкспериментировал и с другими препаратами. Никаких изменений пульса и дыхания. Глаза все так же широко распахнуты. И тот же жгучий ужас во взгляде.

Рикори пристально наблюдал за всеми моими манипуляциями. На тот момент я сделал все, что мог, и так ему и сказал.

– До получения результатов анализов больше ничего предпринять нельзя, – заявил я. – Скажу вам откровенно, я ничего не понимаю. Мне неизвестно ни одно заболевание или вещество, которое вызвало бы такое состояние.

– Но доктор Брейль упомянул какой-то наркотик...

– Это было лишь предположение, – поспешно заверил его мой ассистент. – Как и доктору Лоуэллу, мне ничего неизвестно о наркотике, который вызвал бы такие симптомы.

Посмотрев на Петерса, гангстер содрогнулся.

– Мне необходимо задать вам ряд вопросов, – продолжил я. – Этот человек страдал от каких-либо заболеваний? Если да, то наблюдался ли он у врача? Если нет, то не припомните ли вы, чтобы он жаловался на недомогание? Может быть, вы заметили что-то необычное в его поведении или внешнем виде?

– На все эти вопросы у меня один ответ. Нет. Я постоянно общался с Петерсом всю последнюю неделю. Он был совершенно здоров. Сегодня вечером мы встретились у меня дома и сели поужинать. Петерс был в прекрасном расположении духа. А потом, прервавшись на полуслове, он склонил голову к плечу, будто прислушиваясь к чему-то. Мгновение – и он упал со стула на пол. Я бросился к нему. Он был в таком же состоянии, как сейчас. Это случилось ровно в половине первого ночи. Я сразу же привез его сюда.

– Что ж, – отметил я. – По крайней мере, мы знаем точное время, когда все началось. Сейчас вам нет смысла оставаться здесь, мистер Рикори. Если вы не хотите посидеть с больным, конечно.

Гангстер перевел взгляд на свою руку, разглядывая наманикюренные пальцы.

– Доктор Лоуэлл... Если этот человек умрет, а вы так и не выясните, что убило его, я оплачу ваши услуги и покрою больничные расходы. Если он умрет, а после его смерти вы установите причину этого состояния, я передам сто тысяч долларов в любую благотворительную организацию, которую вы назовете. Но если вам удастся установить причину до его смерти – я заплачу эту сумму вам лично.

Мы с Брейлем потрясенно уставились на него. Осознав смысл его слов, я едва сдержал гнев.

– Рикори... Мы с вами живем в разных мирах, и потому я отвечу вам вежливо, хотя, признаться, мне это нелегко. Я сделаю все возможное, чтобы выяснить, что случилось с вашим другом. И я приложу все усилия, чтобы вылечить его. Я поступил бы точно так же, если бы вы с ним были нищими. Этот случай представляет для меня интерес как для врача. Но вы меня нисколько не интересуете. Как и ваши деньги. Как и ваше предложение. Я решительно отказываюсь. Мы с вами друг друга поняли?

Если Рикори и не понравились мои слова, он скрыл свое недовольство.

– Безусловно. И я все еще настаиваю на том, чтобы именно вы были его лечащим врачом и взяли на себя всю ответственность за этого пациента, – заявил он.

– Хорошо. Как мне с вами связаться, если ваше присутствие будет здесь необходимо?

– С вашего позволения, я предпочел бы оставить в этой комнате... скажем так, моих представителей. Их будет двое. Если вам будет нужно поговорить со мной, сообщите им, и я не заставлю себя ждать.

Я улыбнулся. Он же оставался серьезным.

– Вы напомнили мне, что мы живем в разных мирах. Вы следуете правилам своего мира, чтобы оставаться в безопасности, я же следую правилам моего. Я не стал бы советовать вам, как избежать опасностей вашей лаборатории, доктор Лоуэлл. Но я вижу опасности моего мира. И защищаюсь, как могу. *Bene?*²

Конечно, его просьба была необычна, но в чем-то мне нравился Рикори, и я прекрасно понимал, что он имеет в виду. А он это знал и продолжал стоять на своем:

– Мои люди не помешают вам. Они ни во что не станут вмешиваться. Если мои подозрения верны, то они защитят вас и ваших коллег. Но и они, и те, кто сменит их, должны находиться в палате круглосуточно. Если Петерса придется куда-то переместить, они будут сопровождать его, куда бы он ни отправился.

– Это можно устроить.

По моей просьбе один из санитаров сходил за спутником Рикори, дежурившим у палаты. Гангстер что-то шепнул ему, и тот удалился. Вскоре приехало двое других. Тем временем я объяснил ситуацию главврачу и управляющему больницей и добился разрешения на круглосуточную охрану пациента.

Приехавшие были хорошо одеты, благовоспитанны, сосредоточенны и настороженны. Холодный взгляд одного из телохранителей упал на Петерса.

– О господи... – пробормотал человек Рикори.

Палата была угловой, с двумя окнами. Одно выходило на проспект, другое – на боковую улочку. Кроме двери в коридор и окон, проемов в стенах больше не было. К палате прилегал санузел, там было только вентиляционное отверстие. Рикори и его люди обследовали комнату, держась, как я заметил, подальше от стекол. Гангстер спросил, можно ли выключить свет. Я заинтриговано кинул. Лампы погасли, и троица подошла к окнам. Открыв их, телохранители тщательно обследовали окружение. Палата располагалась на седьмом этаже, забраться сюда с улицы не представлялось возможным. Со стороны проспекта открывался вид на парк, с другой стороны возвышалась церковь.

– Установите наблюдение здесь. – Рикори указал на церковь. – Вы можете включить свет, доктор.

Он направился к выходу и остановился в дверном проеме.

– У меня много врагов, доктор Лоуэлл. Петерс был моей правой рукой. Если удар нанес кто-то из этих врагов, их целью было ослабить меня. Или у них просто не нашлось возможности нанести удар непосредственно мне. Я смотрю на Петерса, и впервые в жизни я, Рикори, в ужасе. Я не желаю стать следующей жертвой. И не желаю видеть этот ад!

Я хмыкнул. Да уж, Рикори очень верно описал то, о чем я думал.

В очередной раз застыв в дверном проеме, гангстер медлил.

– И еще кое-что. Если кто-то будет звонить и спрашивать о состоянии Петерса, пусть ответит один из моих людей или их сменщиков. Если кто-то придет лично, чтобы проверить, как он, позвольте ему войти. Если этот человек придет не один – впускайте их поодиночке. Если появится кто-то, кто назовет себя родственником Петерса, впустите его и позвольте моим людям его допросить.

Он пожал мне руку и наконец вышел в коридор. За порогом его ждали еще два телохранителя, столь же грозные, как и прежние. Один встал впереди, другой сзади, и троица двинулась к выходу. Я заметил, что Рикори перекрестился.

² Хорошо? (итал.) (Примеч. пер.)

Закрыв дверь, я вернулся к постели больного и посмотрел на Петерса. Будь я верующим, я тоже, пожалуй, перекрестился бы. Выражение лица пациента изменилось. Ужас исчез из его взгляда. Петерс все еще смотрел и сквозь меня, и внутрь самого себя, но теперь я чувствовал в его взгляде злорадство. Он будто выжидал, и я невольно оглянулся, словно что-то кошмарное готово было наброситься на меня.

Но ничего подобного я не обнаружил. Один из людей Рикори сидел в углу у окна, наблюдая за церковной крышей напротив, другой устроился у двери. Брейль и сестра Уолтерс тоже замерли у кровати, потрясенно глядя на Петерса. Мой ассистент, как и я, оглянулся, проверяя комнату.

И вдруг взгляд Петерса прояснился. Мне показалось, что больной увидел нас, осознал, где находится. Его глаза блеснули. Зловещий блеск – взгляд не маньяка, но самого дьявола, изгнанного из его родной преисподней и вдруг получившего позволение вернуться. Или же дьявола, взирающего на нас из ада, чтобы подчинить своей воле любого, кто не устоит перед искушением.

Я осознаю, насколько фантастическими, ненаучными кажутся такие сравнения. Но я не могу подобрать других слов, чтобы описать странные перемены в моем пациенте.

А затем молниеносно, как вспышка фотокамеры, это выражение исчезло, вновь сменившись ужасом. Я украдкой вздохнул с облегчением – мне почудилось, будто зло отступило. Медсестра дрожала.

– Может быть, сделаем еще укол? – напряженным голосом предложил Брейль.

– Нет. Нужно понаблюдать, как симптомы будут развиваться без лекарств. Я пока спущусь в лабораторию, а вы проследите за ним, пока я не вернусь.

В лаборатории меня уже ждал Хоскинс.

– Пока что мне не удалось установить каких-либо отклонений от нормы. Я бы сказал, что у парня отличное здоровье. Конечно, сейчас у меня есть результаты самых простых анализов.

Я кивнул. Во мне уже зародились неприятные подозрения: другие анализы тоже ничего не покажут. Я не готов был в этом признаться, но меня потрясла смена выражений на лице Петерса – безысходный ужас, беспредметная злоба, дьявольское довольство. Работая с этим пациентом, я словно очутился в пространстве кошмара, застыл перед дверью, которую необходимо отпереть, но у меня не было ключа, и даже замочную скважину я найти не мог.

Зная, что, когда я сосредоточен на работе в лаборатории, мне думается привольнее, я взял пару мазков крови Петерса и склонился над микроскопом. Я не ожидал добиться каких-то результатов, просто хотел прояснить сознание. На четвертом образце я заметил кое-что удивительное. Стоило мне вставить предметное стекло, как мой взгляд наткнулся на лейкоцит. Обычная белая кровяная клетка – но в ней что-то флуоресцировало, точно крошечная электролампа!

Вначале я подумал, что со мной сыграло злую шутку освещение, но никакие мои манипуляции со светом не изменили сияния в лейкоците. Я протер глаза, еще раз заглянул в микроскоп и позвал Хоскинса.

– Скажите, вы не замечаете тут чего-то необычного?

Биохимик заглянул в окуляр, вздрогнул и поменял освещение, как и я.

– Что вы видите, Хоскинс?

– Лейкоцит, в котором что-то светится, – не отрывая глаз от окуляра, произнес он. – Свет не приглушается, когда я повышаю мощность ламп, и не усиливается, когда я снижаю освещение. Кроме этого свечения, клетка в целом выглядит нормально.

– А это, безусловно, невозможно.

– Именно так, – согласился он, выпрямляясь. – Но так и есть!

Я перенес предметное стекло с образцом под микроманипулятор, надеясь изолировать лейкоцит, и коснулся его кончиком манипуляционной иглы. В этот момент клетка, казалось, взорвалась. Фосфоресцирующий шарик будто расплющился, и что-то похожее на миниатюрную молнию ударило в сторону.

И на этом все закончилось. Свечение угасло.

Мы подготовили и проанализировали образец за образцом. Еще дважды мы обнаружили свечение, каждый раз с тем же результатом: взрыв клетки, странная крошечная молния – и угасание.

В лаборатории зазвонил телефон, и Хоскинс снял трубку.

– Это Брейль. Просит вас подняться в палату. Срочно.

– Продолжайте искать, Хоскинс, – сказал я и поспешил к Петерсу.

Войдя, я увидел, что медсестра Уолтерс отвернулась от кровати и зажмурилась. Ее лицо побелело как мел. Брейль склонился над пациентом, держа в руках стетоскоп. Взглянув на Петерса, я застыл на месте, чувствуя, как во мне поднимается паника: под моим взглядом на лице пациента выражение злорадства – на этот раз злоба усилилась – сменилось дьявольским довольством. И эта зловещая радость тоже возросла. Теперь выражения менялись каждые пару секунд: злорадство – восторг, злорадство – восторг. Они мелькали на лице Петерса... напоминая мерцание светящихся шариков в его лейкоцитах.

– Его сердце остановилось три минуты назад! Он должен быть мертв... но сами видите... – едва шевеля губами, прошептал Брейль.

Тело Петерса вытянулось, все мышцы напряглись. Кошмарный звук сорвался с его губ – короткий смешок, хриплый, пугающий, нечеловеческий, будто какой-то демон расхохотался в преисподней, и отголоски этого смеха достигли наших ушей. Телохранитель, сидевший у окна, вскочил, его стул с грохотом перевернулся. Повисла тишина, тело Петерса обмякло.

Я услышал, как открылась дверь в палату.

– Как он, доктор Лоуэлл? Я не мог уснуть... – Рикори вошел в комнату и, увидев лицо Петерса, упал на колени. – Матерь Божья...

Я видел его лишь краем глаза – не мог отвести взгляда от Петерса. В смерти его лицо исказила ухмылка – ухмылка врага, празднующего победу. Больше всего он походил сейчас на демона, сошедшего с картин безумного средневекового художника, словно ничего человеческого не осталось больше в его чертах. Голубые глаза, источая злобу, взирали на Рикори. Мертвые ладони шевельнулись, руки согнулись в локтях, пальцы скрючились, тело дернулось... И наваждение кошмара спало. Впервые за несколько часов я понимал, что же происходит. *Rigor mortis*, трупное окоченение. Только оно наступило необычайно быстро и развивалось с беспримерной скоростью.

Подойдя, я опустил покойнику веки и накрыл жуткое лицо простыней.

Затем я перевел взгляд на Рикори. Гангстер все еще стоял на коленях, погрузившись в молитву и лихорадочно крестясь. Рядом с ним, опустив руку ему на плечо, стояла медсестра Уолтерс. Она тоже молилась.

Часы пробили пять.

Глава 2

Данные

Я предложил Рикори сопроводить его домой, и, к моему удивлению, он, не раздумывая, согласился. Бедняга не мог прийти в себя от потрясения. Мы ехали молча, встревоженный телохранитель все время оглядывался. Перед моим внутренним взором все еще стоял образ Петерса.

Получив разрешение на вскрытие Петерса, я ввел Рикори сильное успокоительное и, дождавшись, пока он уснет, уехал, оставив с ним его человека.

Вернувшись в больницу на машине Рикори, я обнаружил, что тело Петерса уже унесли в морг. Брейль сообщил мне, что трупное окоченение полностью вступило в свои права меньше чем за час, то есть необычайно быстро. Я подготовил все необходимое для вскрытия и отправился домой хоть немного поспать. Брейль поехал со мной. Трудно передать словами, насколько гнетущее впечатление на меня произвело все случившееся. Скажу лишь, что я был очень благодарен Брейлю за его компанию, не меньше, чем он мне.

Когда я проснулся, ощущение кошмара не отступило, но немного ослабело. Около двух часов дня мы приступили к вскрытию. С некоторой опаской я снял простыню с тела Петерса и ошеломленно уставился на его лицо. Никакой дьявольщины. Петерс казался спокойным, безмятежным, будто умер во сне, без агонии тела или духа. Я поднял его руку. Мышцы были расслаблены, окоченение прошло.

Именно тогда, полагаю, я впервые подумал, что имею дело с совершенно новой или по крайней мере неизвестной причиной смерти – неведомой болезнью или чем-то еще. Как правило, окоченение наступает по прошествии шестнадцати – двадцати четырех часов после смерти, в зависимости от состояния пациента при жизни, температуры и десятка других параметров. В норме оно не проходит от двух до трех дней. При этом ускоренное окоченение обычно означает, что пройдет оно столь же быстро, и наоборот, если *rigor mortis* завершился быстрее обычного, значит, и наступил раньше. Тело диабетика окоченеет быстрее. Еще быстрее – при травме мозга, например от пулевого ранения. В нашем же случае *rigor mortis* начался сразу после смерти и завершился за пять часов – потрясающе короткое время. Сотрудник морга сказал мне, что осматривал тело около десяти утра и подумал, что окоченение еще не наступило. На самом же деле оно уже прошло.

Результаты вскрытия можно описать двумя предложениями: у Петерса не обнаружено ни одной причины смерти. А он был мертв!

Результаты анализов, полученные Хоскинсом, тоже не пролили свет на происходящее. Ни одной причины смерти. И все же – Петерс мертв. Если загадочные фосфоресцирующие шарики и имели какое-то отношение к наступлению смерти пациента, их следов обнаружить не удалось. Все органы были в идеальном состоянии, все на своих местах. Петерс был исключительно здоровым человеком. А Хоскинсу после моего ухода больше не удалось обнаружить клеток крови со свечением.

Тем вечером я написал письмо, вкратце изложив симптомы Петерса. Я не стал вдаваться в подробности, описывая выражения его лица, упомянул лишь «необычные гримасы» и «сильный испуг». Мы с Брейлем размножили мое послание и отправили всем врачам в нью-йоркской агломерации. Я же принялся лично обходить больницы и говорить с врачами о пациентах с подобными симптомами. В письме я интересовался, не приходилось ли врачам в своей практике сталкиваться с похожими случаями, и если так, то не откажутся ли они предоставить мне информацию об этих пациентах: особенности течения болезни, имена, адреса, профессии, важные детали анамнеза – с условием соблюдения профессиональной этики, разумеется. Я без лишней скромности предполагал, что врачи, получившие мой

запрос, не подумают, будто мой интерес к данным пациентов обусловлен праздным любопытством или в какой-либо мере неэтичными мотивами.

В ответ я получил семь писем, а один из врачей, ответивших мне, даже навестил меня лично. В каждом послании, за одним-единственным исключением, со значительной долей скепсиса, свойственного ученым, излагались необходимые мне данные. Теперь у меня не было сомнений, что за прошедшие полгода так же, как и Петерс, погибли семь пациентов. И все они очень отличались друг от друга как по биологическим, так и по социальным параметрам.

Хронология этих случаев такова:

1. 25 мая, Рут Бейли, 50 лет, старая дева среднего достатка, социальный работник, безукоризненная репутация, занималась благотворительностью, оказывала помощь детям.

2. 20 июня, Патрик Макилрейн, каменщик, женат, двое детей.

3. 1 августа, Анита Грин, 11 лет, родители – представители среднего класса, оба с высшим образованием.

4. 15 августа, Стив Стэндиш, 30 лет, акробат, женат, трое детей.

5. 30 августа, Джон Дж. Маршалл, 60 лет, банкир, выступал в защиту прав детей.

6. 10 сентября, Финеас Димотт, 35 лет, гимнаст, женат, маленький ребенок.

7. 12 октября, Гортензия Дарнли, 30 лет, безработная.

Все они проживали в разных концах города, кроме двух пациентов, живших неподалеку друг от друга. В каждом письме отмечалось необычно быстрое наступление *rigor mortis* и столь же быстрое расслабление мышц. Во всех случаях смерть наступила примерно через пять часов после начала припадка. В пяти письмах упоминалась смена гримас, столь ошеломившая меня. Врачи писали об этом очень сдержанно, но между строк читалось их изумление. «Глаза пациентки оставались широко открытыми, – сообщал врач, лечивший Бейли. – Она не распознавала ничего вокруг, взгляд оставался расфокусированным, не было признаков того, что пациентка что-либо видит. На лице сохранялось выражение сильного испуга, непосредственно перед смертью сменившееся чередой необычных гримас. После наступления смерти обезображивание лица усилилось. Трупное окоченение наступило и прошло в течение пяти часов».

Врач, лечивший Макилрейна, каменщика, ничего не сообщил о течении болезни, зато подробно описал состояние тела после смерти: «Наблюдаемое мной явление не имело ничего общего с натяжением кожи при так называемом симптоме “маска Гиппократ”, не было и судорог лица, как при столбняке. Не было и агонии. После смерти лицо пациента исказила необычная гримаса, которую я назвал бы злобной».

Письмо врача, лечившего акробата Стэндиша, было коротким, но там упоминалось следующее: «После смерти пациента из его рта вырвалось несколько отчетливых неприятных звуков». Я предположил, что это мог быть такой же демонический смех, как и в случае Петерса. Если так, то было понятно, почему мой коллега не захотел вдаваться в подробности.

С врачом, лечившим банкира, я был знаком лично. Он был отличным специалистом, работавшим на самых богатых людей города, но при этом человеком самоуверенным и напыщенным. «Причина смерти не представляется мне загадочной, – писал он. – Безусловно, пациент умер от тромботического инсульта, при этом закупорка сосудов затронула некий участок головного мозга. Я не придаю значения ни гримасам пациента, ни времени трупного окоченения. Вы же понимаете, дорогой мой Лоуэлл, – снисходительно добавил он, – что *rigor mortis* может служить доказательством чего угодно в отчетах патологоанатома. Это аксиома».

Мне хотелось ответить ему, что тромбоз – универсальный диагноз, которым прикрываются врачи, не зная истинной причины болезни. Но такие слова задела бы его самолюбие.

Врач Димотта ничего не писал о гримасах или посмертных звуках, а вот доктор, лечивший малышку Аниту, не стеснялся ненаучных выражений.

«Девочка была прелестна. Мне кажется, она не страдала от боли, но в начале болезни меня глубоко поразило выражение ужаса на ее лице. Кошмарный случай. Несомненно, девочка оставалась в сознании до самой смерти. Введение морфина – вплоть до максимальной дозы – не привело к изменению симптомов и не повлияло на сердечный ритм и дыхание. Впоследствии гримаса ужаса исчезла, и лицо девочки выражало другие эмоции, которые мне не хотелось бы описывать в этом послании. Тем не менее я не откажусь от личного разговора с вами, если у вас возникнут дополнительные вопросы. После смерти с телом девочки произошло кое-что невероятное, но, повторюсь, я предпочел бы обсудить это лично».

Внизу письма я увидел постскрипtum. Мой коллега колебался до конца, но потребность поделиться с кем-то этой ношей победила. Наверное, дописав последнее слово, он побежал отправлять письмо, опасаясь, что передумает.

«P.S. Я написал, что девочка оставалась в сознании до самой смерти. Однако же я убежден, что она сохраняла сознание и некоторое время после физической смерти! Нам непременно нужно поговорить!»

Я удовлетворенно кивнул. Этот вопрос я не осмелился задать в письмах к коллегам. Но если именно так обстояли дела и в других случаях – а я был уверен, так они и обстояли, – то все мои коллеги, кроме врача, лечившего Стэндиша, разделяли мой консерватизм в убеждениях. Или просто не смели написать о подобном.

Я сразу же позвонил врачу Аниты. Он был весьма взвинчен, все повторял:

– Милое дитя, настоящий ангелочек. А превратилась в демона!

Все симптомы совпадали со случаем Петерса.

Я пообещал держать его в курсе моих изысканий, если будут какие-то результаты.

После этого я нанес визит молодому доктору, лечившему Гортензию Дарнли.

Доктор И. – так я буду его называть – не сообщил мне ничего нового касательно симптомов, но разговор с ним натолкнул меня на мысли о том, как подходить к возникшей проблеме дальше.

Врачебный кабинет И. находился в том же здании, что и квартира Гортензии Дарнли. И. в тот день работал допоздна. В десять вечера за ним пришла служанка девушки, чернокожая, и позвала в квартиру Дарнли. И. обнаружил пациентку на кровати и сразу обратил внимание на выражение ужаса на ее лице, а также необычную расслабленность всех мышц. По описанию И., Гортензия была голубоглазой блондинкой, «куколкой», как он выразился.

В квартире, кроме пострадавшей и служанки, находился какой-то мужчина. Вначале он отказался назвать свое имя, заявив, что он просто приятель этой девушки. При первичном осмотре доктор И. подумал, что девушка подверглась насилию, но затем не обнаружил на ее теле ни синяков, ни каких-либо других следов грубого обращения. «Прия-тель» сказал, что они ужинали вместе, когда «мисс Дарнли упала на пол, будто у нее все кости из тела пропали. Мы никак не могли привести ее в чувство». Служанка подтвердила его слова. На столе стоял недоеденный ужин. И «приятель», и чернокожая утверждали, что Гортензия была в отличном настроении и ни с кем не ссорилась. Через какое-то время «приятель» сознался, что припадок начался три часа назад и они пытались «растормошить ее», обратившись за помощью только тогда, когда началась смена гримас, как в случае Петерса.

При появлении новых симптомов служанка впала в истерику и сбежала. Мужчина же оказался не робкого десятка и оставался с врачом до самого конца. Его, как и доктора И., потрясло посмертное состояние тела. Когда врач заявил о своем намерении вызвать coronera, «приятель» сдался. Наконец-то представившись – его звали Джеймс Мартин, – он потребовал полного вскрытия. Причину такого решения Мартин утаивать не стал: Дарнли была его любовницей, а ему не хотелось бы «схлопотать обвинение в убийстве», как он выра-

зился. При вскрытии не удалось обнаружить ни следов каких-либо заболеваний, ни отравления. Если не считать легкого порока сердца, Гортензия Дарнли была совершенно здорова. В качестве причины смерти записали сердечную недостаточность, но доктор И. был уверен, что сердце тут ни при чем.

Безусловно, представлялось очевидным, что Гортензия Дарнли умерла по той же причине, что и остальные пациенты из моего списка. Но меня поразило тот факт, что ее квартира находилась в том же доме, в котором, как Рикори указал в бумагах Петерса, проживал мой пациент. Более того, если у доктора И. сложилось верное впечатление, то этот Мартин тоже был недалеко от преступного мира. Между этими двумя случаями вырисовывалась связь. Чего, правда, нельзя было сказать об остальных.

Я решил обратиться к Рикори, рассказать ему обо всем и, если возможно, заручиться его поддержкой. Мое расследование длилось около двух недель. За это время я успел довольно хорошо узнать Рикори. Во-первых, он вызывал мое любопытство как личность, сформированная современными условиями. Во-вторых, невзирая на его репутацию гангстера, он мне нравился. Рикори был очень начитан, обладал высоким интеллектом, отрекался от любых моральных ограничений и впечатлял тонкостью натуры, но при этом отличался суеверностью. В старые добрые времена, он, пожалуй, был бы кондотьером, готовым за звонкую монету поставить свою шпагу и ум на службу любому. Интересно, кем были его предки?

После смерти Петерса Рикори несколько раз навещал меня. Очевидно, наша симпатия была взаимной. Его все время сопровождал тот самый телохранитель, который в ту злополучную ночь сидел у окна палаты. Я узнал, что этого человека зовут Макканн. Рикори полностью доверял ему, а он, в свою очередь, был крайне предан своему седому боссу. Макканн тоже оказался прелюбопытнейшей личностью. Похоже, он одобрял наше с Рикори знакомство. Растягивая слова на манер южан, он поведал мне, что «разводил коров в Аризоне, а потом немного напортачил на границе».

– Я за вас, док, – говорил он. – Вы хорошо влияете на босса. Отвлекаете его от забот вроде как. И я как к вам прихожу, то руки в карманах-то мне держать без надобности. А ежели вас кто только заденет, так вы мне сразу скажите. Я у босса выходной возьму.

Как-то он невзначай сообщил мне, что «в четвертак шесть пуль со ста футов всадить способен, так-то!». Я так и не понял, шутил он или нет.

Как бы то ни было, Рикори никуда не выходил без него, а значит, он очень ценил Петерса, раз уж оставил именно Макканна охранять его.

Тем вечером я пригласил Рикори отобедать со мной и Брейлем у меня дома. Рикори приехал в семь, попросив шофера забрать его в десять. Как и всегда, мы сели за стол. Макканн остался в гостиной, вгоняя в краску двух моих медсестер, – в доме у меня частный врачебный кабинет, а во флигеле – палата для пациентов. Ему нравилось разыгрывать перед девушками гангстера, точно сошедшего с киноплёнки.

Закончив есть, я отпустил дворецкого и перешел к делу. Вскоре я изложил Рикори все данные, которые мне удалось получить от коллег, заявив, что я обнаружил семь случаев совпадения симптомов. Я расспросил его о Гортензии Дарнли и Мартине, сославшись на соседство с Петерсом. Но, как оказалось, Рикори при заполнении бумаг в больнице указал не совсем правду. Квартира в том доме действительно принадлежала Петерсу, но проживала там его сестра вместе с мужем и маленькой дочкой. Петерс обожал племянницу и часто бывал у них дома. Итак, слова Рикори об отсутствии у пациента ближайших родственников также оказались ложью. Извинившись, Рикори предложил поговорить с Макканном – тот был знаком как с Гортензией, так и с ее любовником. Доктор И. не ошибся – Мартин вращался в тех же кругах, что и люди Рикори. Но Макканн не поведал нам ничего нового, сказав лишь, что Гортензия и сестра Петерса были подругами. По словам южанина, Дарнли

часто приходила к соседке и «аж тряслась над ее малявкой». Отправив Макканна обратно в гостиную, я задумался.

– Как бы то ни было, вы можете выбросить из головы мысль о том, что смерть Петерса связана с вами, – заявил я. – В том числе и появление свечения в клетках крови.

При этих словах лицо гангстера побелело. Рикори перекрестился.

– *La strega!* – пробормотал он. – Ведьма! Ведовской огонь!

– Глупости, друг мой. Забудьте об этих предрассудках. Мне нужна ваша помощь.

– Ничего-то вы не знаете, доктор Лоуэлл! Есть вещи, которые... – Рикори осекся. – Что от меня требуется?

– Во-первых, – сказал я, – давайте проанализируем эти восемь случаев. Брейль, у вас уже сложилась какая-то точка зрения по этому поводу?

– Безусловно. – Мой ассистент кивнул. – Я полагаю, что все восемь жертв были убиты.

Глава 3

Смерть медсестры Уолтерс

Я почувствовал, как во мне нарастает раздражение. Да, такая мысль мелькала и у меня в голове, но Брейль осмелился высказать ее вслух, не имея ни малейших доказательств своей правоты!

– Надо же, я и не знал, что вы у нас Шерлок Холмс, – саркастически хмыкнул я.

Ассистент покраснел, но продолжал настаивать на своей правоте:

– Они были убиты.

– *La strega!* – прошептал Рикори.

Я недовольно покосился на него и опять повернулся к Брейлю.

– Хватит ходить вокруг да около. Каковы ваши доказательства?

– Вас не было с Петерсом почти два часа, я же находился рядом практически от начала приступа до смерти бедняги. При осмотре у меня сложилось впечатление, что вся проблема в его сознании. Отказывались служить не тело, не нервная система, не мозг. А воля. Ну... не совсем так, наверное. Скорее, в результате волевого усилия вся деятельность организма оказалась направлена не на поддержание своих функций, а на самоуничтожение!

– Тогда вы пришли к выводу, что это не убийство, а самоубийство. Что ж, такое случилось и раньше. Я видел, как пациенты умирали, утратив волю к жизни...

– Я имел в виду не это, – перебил меня ассистент. – В этом случае пациенты ведут себя пассивно, просто отказываются от жизни. Тут же речь идет об активном действии.

– О боже, Брейль! – опешил я. – Не говорите мне, будто предполагаете, что все восемь пациентов умерли, силой воли заставив себя покинуть этот мир. И среди них одиннадцатилетний ребенок!

– Я этого не говорил, – покачал головой Брейль. – Мне показалось, что Петерс не сам принял это решение. Его воля покорила кому-то другому. Чуждая воля подавила его сознание. Чуждая воля, которой он не мог или не хотел противиться. До самой смерти.

– *La maledetta strega!*³ – вновь пробормотал Рикори.

Подавив раздражение, я задумался. В конце концов, я уважал Брейля, он был человеком слишком разумным и здравомыслящим, чтобы сходу отменить его идеи.

– У вас есть версии того, как были совершены эти убийства, если это вообще были убийства? – вежливо спросил я.

– Ни одной.

– Хорошо. Давайте обсудим эту теорию. Рикори, у вас в таких вопросах больше опыта, поэтому послушайте, пожалуйста, и забудьте о своей ведьме, – довольно неучтиво потребовал я. – В любом убийстве ключевую роль играют три фактора: метод, возможность, мотив. Давайте рассмотрим их по порядку. Итак, метод. Чтобы отравить кого-то или заразить смертельным заболеванием, можно использовать три пути: через нос (в том числе мы говорим о ядовитом газе), через рот и через кожу. Да, есть еще два-три способа. Отца Гамлета, например, отравили, влив яд ему в ухо, хотя у меня такой метод всегда вызывал сомнение. Я полагаю, что мы можем отбросить все иные варианты, кроме введения опасных веществ через рот, нос и кожу, рассматривая гипотезу убийства. Жертвы могли поглотить эти вещества, либо их могли ввести. Были ли на теле следы чего-то подобного – на коже, мембранах дыхательных путей, в горле, внутренних органах, в крови, нервной системе, мозге?

– Вы и сами знаете, что не было, – ответил Брейль.

³ Проклятая ведьма (итал.). (Примеч. пер.)

– Именно так. Значит, кроме специфического свечения лейкоцитов, у нас нет никаких доказательств, связанных с методом. Таким образом, по первому пункту у нас нет ничего, на чем можно было бы основать теорию убийства. Рассмотрим второй пункт – возможность. Жертвами стали распутная девица, гангстер, респектабельная старая дева, каменщик, одиннадцатилетняя школьница, банкир, акробат и гимнаст. Люди с настолько разным образом жизни, насколько это вообще возможно. Судя по всему, между ними вообще не было ничего общего – если не принимать во внимание двух работников цирка и Петерса с Дарнли. Как могло случиться, что кто-то сумел подступиться к гангстеру Петерсу настолько же близко, как и к социальной работнице Рут Бейли? Как кто-то смог сблизиться и с банкиром Маршаллом, и с акробатом Стэндишем? И так далее. Вы видите, в чем тут сложность? Чтобы совершить убийство – если это было убийство, – злоумышленник должен был подобраться ко всем жертвам. А это предполагает определенную степень близости. Вы согласны?

– Частично.

– Если бы все жертвы жили в одном квартале, мы могли бы предположить, что они каким-либо образом сталкивались с гипотетическим убийцей. Но это не так.

– Простите, доктор Лоуэлл, – вмешался Рикори, – предположим, у них было общее увлечение, которое и свело их с убийцей.

– Но что может объединять столь разношерстную группу?

– Одно общее увлечение указано в ответах ваших коллег.

– Что вы имеете в виду, Рикори?

– Дети.

– Да, я заметил. – Брейль кивнул.

– Подумайте о полученных вами данных, – продолжил Рикори. – Мисс Бейли занималась детской благотворительностью. Полагаю, что при этом она лично помогала детям. Банкир Маршалл выступал в защиту прав детей. У каменщика, акробата и гимнаста были дети. Анита сама была ребенком. Насколько мне известно от Макканна – а он, как вы помните, был знаком с Дарнли, – и Петерс, и Гортензия обожали детей.

– Но если мы говорим об убийствах, то убийца – один, – возразил я. – А мне представляется невозможным, чтобы все восемь жертв интересовались одним ребенком или группой детей.

– Безусловно, – согласился Брейль. – Но всех их мог объединять интерес к какой-то одной вещи, которая понадобилась бы их ребенку или детям. И эту вещь, допустим, можно раздобыть только в одном месте. Если бы мы могли подтвердить эту гипотезу, то такое место свяжет все убийства.

– Да, несомненно, стоит рассмотреть эту версию, – задумчиво кивнул я. – Но мне кажется, что можно посмотреть на эту проблему с другой стороны. Не один интерес привлек все жертвы в одно место, а дома убитых почему-то стали доступны убийце. Например, он мог чинить радиоприемники. Быть сантехником. Или налоговым инспектором. Или электриком. И так далее.

Брейль пожал плечами. Рикори не ответил. Он погрузился в глубокие раздумья и, казалось, не слышал меня.

– Прошу вас, не отвлекайтесь, Рикори. Итак, по методу убийства у нас ничего. По возможности убийства – нужно найти людей, чьи профессиональные обязанности привели бы их в дома жертв или привлекли бы жертв к ним домой. Особое внимание стоит обратить на профессиональные услуги, связанные с детьми. Теперь – о мотиве. Ревность, прибыль, любовь, ненависть, зависть, самозащита? Ничто не указывает на это, судя по разному социальному статусу жертв.

– Может быть, мотивом стало само стремление к убийству? – вдруг спросил Брейль.

Рикори подался вперед, пристально глядя на моего ассистента. Вот теперь он был весь внимание.

– Да, я думал о том, что убийства мог совершить маньяк, – с некоторым раздражением согласился я.

– Я не совсем это имел в виду. Помните слова Лонгфелло: «Стрелу из лука я пустил. Не знал я, где она упала»⁴. Я никогда не соглашался с тем, что метафора Лонгфелло несет в себе позитивный смысл, мол, выпустить стрелу – это как отправить корабль в неизвестные земли и получить, как говорится, «золото и серебро, и слоновую кость, и обезьян, и павлинов»⁵. Мне думается, есть люди, которые не могут выглянуть из окна или с крыши небоскреба, увидеть людную улицу и устоять перед искушением швырнуть что-нибудь вниз. Они чувствуют азарт, не зная, в кого попадет брошенный предмет. Это будто дарит им власть. Так боги насылают чуму и на невинных, и на грешников – без разбора. Должно быть, этот азарт был ведом и Лонгфелло. В глубине души поэт хотел бы пустить стрелу из настоящего лука, а потом угадывать, попала ли она кому-нибудь в глаз, сердце или вообще пролетела мимо, лишь спугнув бездомного пса. Продолжу свою мысль. Дайте такому человеку власть и возможность убить кого угодно, убить так, чтобы причина смерти никогда не была установлена. И вот наш герой сокрыт завесой тайны, он в безопасности. Бог смерти. Он не желает зла кому-то лично, просто «стрелу из лука он пустил», как лирический герой Лонгфелло. Забавы ради.

– И вы не назовете такого человека маньяком? – сухо осведомился я.

– Не обязательно. Скорее, у него нет предубеждений против убийства. Возможно, он вообще не осознает, что совершает злодеяние. Все, кто родился в этом мире, уже уготованы смерти, и где она подстерегает нас, неведомо. Быть может, этот убийца считает себя столь же естественным, как и сама смерть. Люди, верящие во всемогущего и всеведущего Бога, не считают Его маньяком. Тем не менее Он, по их мнению, насылает войны, чуму, голод, болезни, наводнения, землетрясения как на верующих, так и на безбожников, не делая между ними различий. А если вы верите, что все предопределяет судьба – то назовете ли вы судьбу маньяком?

– Ваш гипотетический лучник выпускает стрелы не лучшего образца, Брейль. К тому же в этой дискуссии стало слишком много метафор для такого простого ученого, как я. Рикори, я не могу пойти с этим делом в полицию. Они вежливо выслушают меня, а после моего ухода разразятся гомерическим хохотом. Если же я изложу свои рассуждения медикам, они посочувствуют мне, сожалея о том, что рассудок столь уважаемого специалиста повредился. А нанимать частных детективов для расследования мне не хотелось бы.

– Что требуется от меня? – повторил свой вопрос Рикори.

– Вы обладаете несколькими необычными ресурсами, – ответил я. – Я хочу, чтобы вы установили все перемещения Петерса и Гортензии Дарнли за последние два месяца. Если у вас есть такая возможность, то и остальных тоже... – Я помедлил. – Я хочу, чтобы вы отыскали связь между жертвами, обусловленную их любовью к детям. Хотя рассудок подсказывает мне, что ни у вас, ни у Брейля нет ни одного доказательства, которым можно было бы обосновать ваши подозрения, я – пусть и с неохотой – вынужден признать, что в глубине души согласен с вами.

– Это уже прогресс, доктор Лоуэлл, – вежливо улыбнулся Рикори. – Полагаю, пройдет не так много времени, прежде чем вы с такой же неохотой признаете существование моей ведьмы.

⁴ Цитата из Лонгфелло приведена в переводе Д. Л. Михаловского по изданию Лонгфелло Г. У. Песнь о Гайавате; Поэмы; Стихотворения: Пер. с англ. – М.: Художественная литература, 1987. – С. 318. (Примеч. пер.)

⁵ Цитата из Библии приведена в синодальном переводе, 3 Царств, 10:22. (Примеч. пер.)

– Сейчас я настолько ошеломлен, что готов буду поверить и в это.

Рассмеявшись, Рикори взялся переписывать данные из писем моих коллег. В десять часов к нам заглянул Макканн – машина уже приехала. Мы провели Рикори до двери, и они с Макканном уже вышли на лестницу, когда я подумал кое о чем еще.

– С чего вы намерены начать, Рикори?

– Поговорю с сестрой Петерса.

– Она знает, что ее брат умер?

– Нет, – поморщившись, сказал он. – Она думает, что он уехал. Петерс часто подолгу отсутствовал, и она понимала, что он не всегда может с ней связаться. В такое время я обычно говорил ей, как обстоят дела у ее брата. Я ничего не сказал ей о смерти Петерса, поскольку она очень любила его и такое известие станет для нее ударом. А бедняжка беременна. Роды где-то через месяц.

– Она знает о смерти Дарнли?

– Мне это неизвестно. Возможно. Они ведь жили рядом.

– Что ж, не представляю, как вы намерены утаить от нее смерть Петерса. Но это ваше дело.

– Вот именно.

Кивнув, Рикори последовал за Макканном к машине.

Едва мы с Брейлем вернулись в библиотеку, как зазвонил телефон. Брейль взял трубку, ругнулся... Я увидел, как дрогнула его рука.

– Мы сейчас придем.

Он медленно положил трубку и повернулся ко мне. Его лицо побелело.

– Медсестра Уолтерс заразилась.

Я был глубоко потрясен. Как я уже писал, Уолтерс была отличной медсестрой, а кроме того, доброй и красивой девушкой. Типичная шотландка: черные волосы с синеватым оттенком, голубые глаза с длинными ресницами, молочно-белая кожа. Настоящая красавица.

– Что ж, Брейль, вот и провалилась ваша теория убийства. Дарнли заразила Петерса, а он – Уолтерс. Мы явно имеем дело с каким-то инфекционным заболеванием.

– Вот как? – мрачно осведомился он. – Я не согласен с вами. Видите ли, Уолтерс тратит большую часть своего заработка на племянницу. Девочка больна и живет с Уолтерс. Малышке всего восемь лет. Случай Уолтерс вполне укладывается в схему, предложенную Рикори.

– Тем не менее я намерен принять все меры предосторожности, чтобы не началась эпидемия.

К тому времени, как мы надели пальто и шляпы, уже подъехало такси. Больница находилась всего в двух кварталах от моего дома, но я не хотел тратить ни минуты.

По моему распоряжению Уолтерс переместили в отдельную палату, где обычно содержали пациентов с подозрительными болезнями. Первичный осмотр показал такую же расслабленность всех мышц, как и у Петерса. Но, в отличие от него, на лице Уолтерс не отражался ужас. Лишь отвращение, но ни следа паники. Ее взгляд тоже был направлен как наружу, так и внутрь, но при осмотре я заметил узнавание в ее глазах, тут же сменившееся мольбой. Я покосился на Брейля. Мой ассистент кивнул – он тоже это увидел.

Тщательный осмотр тела ничего не дал – единственное, что мне удалось обнаружить, так это свежий шрам на правой щиколотке. Присмотревшись, я решил, что повреждение было несерьезным – то ли потертость, то ли легкий ожог. Кожа полностью зажила.

Во всем остальном ее симптомы совпадали с припадком Петерса, как и всех прочих. От другой медсестры я узнал, что Уолтерс как раз собиралась уходить из больницы домой и упала в раздевалке. Мой разговор прервал вскрик Брейля. Повернувшись, я увидел, что Уолтерс медленно подняла руку. Пальцы подрагивали, будто для этого жеста девушке

приходилось прикладывать колоссальные усилия. Присмотревшись, я понял, что Уолтерс указывает на шрам у себя на ноге. Ее взгляд прояснился, но напряжение было слишком сильным. Рука вновь обмякла, в глазах вспыхнул страх. Однако девушка явно пыталась нам что-то сообщить. Что-то, связанное с зажившей раной.

Я расспросил других медсестер, не говорила ли Уолтерс о том, как повредила ногу. Никто ничего не знал, но оказалось, что медсестра Роббинс снимает квартиру с Гарриет Уолтерс и ее маленькой племянницей Днейрой. Сегодня у Роббинс был выходной. Распорядившись, чтобы она связалась со мной, как только появится на работе, я позвал Хоскинса взять у Уолтерс анализ крови. Я попросил его особенно тщательно исследовать ее кровь под микроскопом и поставить меня в известность, если и у нее обнаружится свечение лейкоцитов.

К счастью, сегодня в больнице дежурили Бартано, выдающийся специалист по тропическим болезням, и Соммерс, превосходный нейрохирург. Я собрал их на консилиум, умолчав о восьми других жертвах. Пока они осматривали Уолтерс, позвонил Хоскинс. Ему удалось обнаружить один светящийся лейкоцит. Я попросил Бартано и Соммерса сходить в лабораторию и поделиться со мной своим мнением о результатах анализов.

Вскоре они, озадаченные и раздраженные, вернулись. Хоскинс сказал им, что обнаружил «лейкоцит с фосфоресцирующим ядром». Они взглянули на образец, но ничего подобного не увидели. Соммерс посоветовал мне поговорить с Хоскинсом и настоять на том, чтобы тот проверил зрение. Бартано же ехидно заявил, что если сегодня Хоскинс видит свечение в лейкоцитах, то завтра не стоит удивляться его отчетам о крошечных русалках, плещущихся в венах пациентов. По этим замечаниям я понял, как мудро поступил, не посвятив коллег в суть дела.

Ожидаемая смена гримас так и не началась. Лицо Уолтерс по-прежнему выражало страх и отвращение, Бартано и Соммерс отметили, что это «необычно». Они пришли к выводу, что состояние нашей сотрудницы вызвано каким-либо повреждением головного мозга. Тем не менее никаких признаков инфекции, наркотического опьянения или отравления они не обнаружили. Согласившись, что этот случай представляется весьма интересным, коллеги вернулись на свои рабочие места, попросив меня держать их в курсе течения болезни. На четвертый час после начала припадка лицо Уолтерс изменилось, но не так, как я ожидал. В ее глазах теперь читалось только отвращение. В какой-то момент мне почудилось, что в них мелькнул зловещий восторг, но если и так, то это сразу же прекратилось. Через четыре с половиной часа взгляд Уолтерс опять прояснился. Сердечный ритм заметно замедлился, но Уолтерс будто собралась с силами.

А потом ее ресницы начали подниматься и опускаться, медленно, будто это давалось ей нелегко. Но она осознавала, что делает.

— Она пытается нам что-то сказать, — прошептал Брейль. — Но что?

Пять взмахов ресниц... долгая пауза... один взмах... короткая пауза... пять взмахов... долгая пауза... шесть взмахов...

— Она умирает, — пробормотал Брейль.

Я опустился на колени рядом с кроватью, приложил к груди девушки стетоскоп. Ее сердце билось все медленнее... медленнее... медленнее... И остановилось.

— Она мертва, — сказал я, поднимаясь.

Мы склонились над ее кроватью, ожидая последнего спазма, конвульсии, что бы это ни было.

Но ничего подобного не случилось. На лице Уолтерс так и застыло выражение отвращения, ни звука не слетело с ее губ. Коснувшись ее руки, я почувствовал, как начался *rigor mortis*.

Та же загадочная смерть сразила медсестру Уолтерс, но почему-то во мне росло смутное, едва ли объяснимое подозрение, что болезни не удалось ее одолеть. Она разрушила тело Уолтерс, но не сломила ее волю!

Глава 4

Кое-что в автомобиле Рикори

Подавленный и разбитый, я вернулся домой с Брейлем. Трудно описать, как повлияла на меня череда событий, о которых я повествую с самого начала до конца – и дальше.

На меня будто упала тень чуждого мира, нервы были напряжены до предела, словно за мной следил кто-то невидимый, неведомый, нездешний. Бессознательное пыталось достучаться к сознанию, призывая мое Я быть настороже, всегда настороже. Станные слова для приверженца научных традиций медицины? Что ж, пусть так.

На Брейля больно было смотреть – я даже заподозрил, что его и погибшую девушку связывали не только профессиональные отношения. Но если и так, то он не стал изливать мне душу.

В четыре часа мы вернулись домой. Я настоял на том, чтобы Брейль сегодня переночевал у меня. Перед сном я позвонил в больницу, но от медсестры Роббинс не было вестей. На пару часов я забылся беспокойным сном.

Роббинс позвонила мне около девяти, чуть не плача от горя. Я попросил ее прийти ко мне в кабинет, чтобы мы с Брейлем могли поговорить с ней.

– Около трех недель назад, – рассказала она, – Гарриет принесла Днейре изумительную куклу. Девочка была в восторге. Я спросила у Гарриет, где она купила эту прелестную вещицу. Она сказала, мол, в странной лавке в центре города. «Джо, – говорила она (меня Джобина зовут), – владелица лавки такая странная. Я ее даже немного испугалась, Джо». Тогда я не обратила на это внимания. Кроме того, Гарриет была не из болтушек. Вот и тогда мне показалось, что она пожалела о своих словах. Теперь я понимаю, что после того случая Гарриет начала как-то странно себя вести. То веселая была, то какая-то... задумчивая. А десять дней назад пришла с повязкой на ноге. Что? Ну да, на правой. Сказала, что пила чай с той женщиной, у которой купила куклу для Днейры. Чашка упала, и горячий чай пролился ей на щиколотку. Та женщина тут же нанесла на ожог какую-то мазь. Гарриет сказала, что после этого боль сразу прошла. «Но я, пожалуй, лучше все-таки помажу ногу каким-нибудь знакомым мне лекарством». Она сняла чулок и принялась разматывать повязку. Я же тем временем пошла на кухню. И вдруг Гарриет меня позвала. «Чудно как-то, – сказала. – Такой ожог был, Джо. А теперь и следа почти нет. А ведь мазь оставалась на коже всего около часа». Я посмотрела на ее ногу. На щиколотке была розовая полоса, но кожа вокруг ничуть не воспалилась. Я подумала тогда, что не такой уж и горячий был тот чай. «Но я действительно очень обожглась, Джо, – сказала она. – То есть даже кожа пузырями покрылась». Она посмотрела на бинт, потом на ногу. Мазь была голубоватой и как-то странно поблескивала. Я такого сроду не видела. Что? Нет, запаха не было. Гарриет дала мне тот бинт и сказала: «Джо, брось его в огонь». Ну, я и бросила. Помню, он еще так вспыхнул. То есть не прогорел. Вспыхнул – и исчез. Гарриет это как увидела, так аж побледнела вся. А потом опять на ногу уставилась. «Джо, я никогда не видела, чтобы ожоги так быстро заживали. Та женщина, должно быть, ведьма». «Да что ты такое говоришь, Гарриет?» – спросила я. «Да так, ничего. Знаешь, мне сейчас хочется взрезать кожу на щиколотке и ввести в рану противоядие, будто меня змея укусила». Она рассмеялась, и я подумала, что это она так, дурачится. В общем, Гарриет намазала ногу йодом и наложила антисептическую повязку. А на следующее утро разбудила меня и говорит: «Ты только посмотри, Джо! Вчера я пролила себе на ногу целую чашку кипятка. А теперь только покраснение осталось. Даже волдырей нет. Ох, Джо, хотела бы я, чтобы они были!» Вот и все, доктор Лоуэлл. Она об этом больше не заговаривала, а я и не спрашивала. Она будто и забыла о том случае. Что? Да, я у нее спросила, где та лавка и что это за женщина, да только она мне не ответила. Уж не знаю

почему. И потом она все время такая веселая была, беззаботная. Счастьем так и лучилась. Ну почему она умерла? Почему? Почему?!

– Вам что-то говорят цифры 5-15-6, Роббинс? Может быть, напоминают адрес какого-нибудь знакомого Гарриет?

Женщина задумалась, потом покачала головой. Я рассказал ей о том, как Уолтерс пыталась связаться с нами.

– Она явно хотела что-то нам сообщить, передавая эти цифры. Подумайте.

И вдруг Роббинс начала что-то бормотать, загибая пальцы, а потом кивнула.

– Может, это очередность букв в алфавите? Пятая, пятнадцатая, шестая? Получается Д-Н-Е. Это первые три буквы имени Днейры.

– Безусловно, это все объясняет. Она просила нас, чтобы мы позаботились о ребенке, – предположил я.

Брейль покачал головой.

– Она и так знала, что я не брошу малышку в беде. Нет, тут что-то другое.

Вскоре после ухода Роббинс мне позвонил Рикори. Я сообщил ему о смерти Уолтерс. Это потрясло и его тоже.

Затем мы с грустью приступили к вскрытию. Результат был таким же, как и в случае Петерса. Причину смерти установить не удалось.

На следующий день около четырех опять позвонил Рикори.

– Вы будете сегодня дома с шести до девяти, доктор Лоуэлл? – В его голосе слышалось плохо скрываемое волнение.

– Несомненно, если это важно. – Я заглянул в свой ежедневник. – Вам удалось что-то выяснить, Рикори?

Он помедлил.

– Не знаю. Мне кажется, да.

– То есть... – Теперь и я разволновался. – Вы нашли ту связь между жертвами, о которой мы говорили?

– Возможно. Я хочу вначале все проверить. Сейчас я отправлюсь в то место, которое, я полагаю, и связывает жертвы.

– Что вы надеетесь найти там, Рикори?

– Кукол! – ответил он.

И, не дожидаясь дальнейших расспросов, он повесил трубку.

Кукол...

Я задумался. Уолтерс купила куклу. И в той же лавке, где она купила подарок племяннице, Уолтерс получила столь обеспокоивший ее ожог. Вернее, не так ожог встревожил ее, как странности в заживлении раны. Услышав историю Роббинс, я не сомневался, что Уолтерс связывала припадок с тем ожогом и пыталась сообщить нам об этом. Мы не ошиблись в трактовке ее жеста, стоившего девушке стольких усилий. Конечно же, она могла заблуждаться. Ожог, вернее, мазь, могли быть никак не связаны с ее состоянием. Но Уолтерс очень любила племянницу. Любовь к детям – вот общая черта, объединявшая все жертвы. А все дети любят игрушки. Что же нашел Рикори?

Я набрал номер Брейля, но так до него и не дозвонился. Тогда я позвонил Роббинс и попросил ее принести мне куклу, купленную Уолтерс.

Игрушка действительно была прелестна. Куклу вырезали из дерева, а потом покрыли гипсом. Она была удивительно похожа на настоящего годовалого ребенка, особенно удачно создателю удалось передать озорное выражение на ее личике. Платье украшала роскошная вышивка, оно походило на какой-то национальный костюм, но какой страны, я так и не понял. В целом мне подумалось, что такой кукле место скорее в музее, чем на полке магазина игрушек. Вряд ли Уолтерс могла себе позволить столь дорогую вещь. На кукле

не было никаких отметин, по которым можно было бы установить производителя или продавца. Бегло осмотрев диковинку, я положил ее в ящик стола. Мне не терпелось поговорить с Рикори.

В семь вечера кто-то настойчиво позвонил в дверь. Выглянув из кабинета, я услышал голос Макканна.

Посмотрев на южанина, я сразу понял: что-то случилось. Загорелая кожа казалась серой, губы растянулись в тонкую линию, глаза остекленели.

– Пойдемте в машину. – Язык у него заплетался. – Босс вроде как преставился.

– Он мертв?! – Я помчался к машине.

Шофер стоял у автомобиля. Он открыл дверцу, и я увидел Рикори на заднем сиденье. Пульс не прощупывался, а когда я поднял его веко, зрачок не сузился. Но тело было еще теплым.

– Заносите, – распорядился я.

Макканн и шофер перенесли его на стол в моем кабинете. Обнажив Рикори грудь, я прослушал сердце стетоскопом, но ничего не услышал. Дыхания тоже не было. Я провел еще несколько тестов. Судя по всему, Рикори был мертв. И все же что-то меня настораживало. Я произвел все манипуляции, используемые в спорных случаях, но безрезультатно.

Макканн и шофер не отходили от босса. По моему выражению лица они поняли, что не ошиблись. Я заметил, как они переглянулись. Оба были в панике, особенно шофер.

– Это мог быть яд? – ровным голосом спросил Макканн.

– Да, мог... – Я осекся.

Яд! И загадочный телефонный звонок Рикори! И возможность отравления в других восьми случаях! Но смерть Рикори, все еще вызывавшая у меня сомнение, не походила на остальные.

– Макканн, где и когда вы заметили, что что-то не так?

– В шести кварталах отсюда. Босс сидит, значит, рядом со мной. И вдруг говорит: «О господи!» Будто испугался чего-то. Прижимает руки к груди. Стонет. Я ему: «Что с вами, босс, болит что-то?» Он не отвечает. А потом вроде как заваливается на меня. Я глядь – а глаза-то у него открыты. Усоп, значит. Ну, я и ору, чтоб Паоло, значит, остановился. Мы на него посмотрим. И пулей сюда.

Я подошел к бару и налил им бренди. Сейчас им не помешало бы успокоиться. Потом я накрыл Рикори простыней.

– Садитесь, – сказал я. – А вы, Макканн, расскажите мне, что произошло с того момента, как вы с мистером Рикори вышли сегодня из дома. Не упускайте ни одной детали.

– Значит, как было. Босс, значит, идет к Молли. Ну, сестре Петерса. Сидит у нее час. Выходит, едет домой, говорит Паоло, чтобы тот подъехал в полпятого. Потом все трезвонит куда-то, говорит по телефону аж до пяти. Мы едем на какую-то улочку рядом с Бэттери-парком. Босс говорит Паоло на улочку не заезжать, остановить машину у парка. А мне говорит: «Макканн, я сам туда пойду. Не хочу, чтоб они знали, что я не один». Говорит: «У меня есть на то причины. А ты будь рядом, заглядывай внутрь время от времени, но не заходи, пока я не позову». Ну, я вроде как и спрашиваю: «Босс, вы уверены?» А он мне: «Я знаю, что делаю. А ты поступай, как сказано». Ну, с ним же не поспоришь. Мы идем туда, а Паоло остается у парка. Босс останавливается, значит, у лавки. А на витрине – сплошь куклы. Я заглядываю, света там маловато, но я вижу кучу других кукол. И худющую девку за прилавком. Белая, что рыбе брюхо. Босс, значит, стоит у лавки, да и заходит, а я такой медлехонько прохожу мимо, чтоб на девку посмотреть-то. Никогда не видал, чтоб девки такие бледные были, прям как в гробу. Босс говорит с девкой, она ему кукол показывает. Я все вокруг ошиваюсь, в окно заглядываю. Глядь – а там уже баба какая-то. Толстая, я аж у окна остановился, никогда таких толстых баб не видел. Морда темная, вытянутая, как у лошади, куча бородавок, усы. Чуда-

коватая баба, еще чудней девки. Высоченная, жирная. И тут я ее глаза вижу. Ух, ну и глазища! Огромные, черные, блестят. Очень мне ее глаза не понравились. Прохожу в следующий раз – а босс уж в углу с той бабищей стоит, все ей под нос чеки какие-то тычет. А девка вся перепуганная. Я же знай круги наворачиваю. Смотрю – ни босса, ни бабищи нет. Я, значит, останавливаюсь, не люблю я, когда босс-то не под присмотром. Глядь – а он уж из лавки выходит, злой, как черт, и тащит что-то. А бабища тоже рвет и мечет, все несет какую-то околесицу. И руками как-то странно машет. И босс что-то бормочет, да только я ни слова не разберу. Руками? Ну, говорю ж, странно как-то размахивает. Босс за дверь, гляжу – а у него под пальто кукла. Он ее прячет, пальто застегивает, только я заприметил, как у нее нога дернулась. Большая кукла, аж пальто оттопырилось. – Помолчав, Макканн скрутил сигарету, но, взглянув на тело, выбросил ее. – Никогда босса таким злым не видел. Он как к машине шел, все бубнел что-то на итальянском, «*strayga*», кажись. Ну, я ж вижу, ему нынче не до разговоров, вот и иду за ним, как воды в рот набрал. А он и говорит – да не мне говорит, а будто себе: «В Библии сказано: ворожею не оставляй в живых»⁶. Все бормочет и бормочет, да куклу рукой придерживает. Подходим мы к машине, а босс Паоло и говорит, мол, гони к Лоуэллу, и к черту светофоры – так же и было, верно, Паоло? Ну вот. Мы как в машину сели, так он сразу бормотать перестал, сидит тихо. А потом слышу, он говорит: «О господи». Ну, это я уже рассказывал. Выходит, все, верно, Паоло?

Шофер не ответил, только взглянул на Макканна, будто прося его о чем-то. Я заметил, как громила покачал головой.

– Я магазин не виданто. – Паоло говорил на ломаном английском с сильным итальянским акцентом. – Но что Макканн говоритто, все правда.

Встав, я подошел к телу Рикори и уже собирался убрать простыню, когда что-то привлекло мое внимание. Алое пятно размером с десятицентовую монету – кровь. Придержав его одним пальцем, я осторожно приподнял простыню. Пятно было точно над сердцем Рикори. Взяв свои самые мощные очки и самый тонкий зонд для обследования ран, я склонился над телом и увидел крошечный прокол, как от подкожной инъекции. Я осторожно ввел зонд – он дошел до сердца. Дальше я продвигаться не стал. Очевидно, Рикори ударили прямо в сердце каким-то невероятно тонким, как игла, клинком. Я с сомнением посмотрел на тело. Такое ранение никак не могло привести к мгновенной смерти. Если, конечно, оружие не было отравлено. Или речь не шла о шоке, усугубившем повреждение. Но, учитывая характер Рикори, шок скорее привел бы его в специфическое ментальное состояние, которое, напротив, придало бы ему сил бороться со смертью.

Итак, невзирая на результат осмотра, я все еще не верил в то, что Рикори был мертв. Но Макканну я говорить об этом не стал. В любом случае ему предстояло объяснить одну зловещую деталь. Я повернулся к подручным Рикори.

– Так вы говорите, что были в машине вдвоем?

Они опять переглянулись.

– Там была эта кукла, – будто оправдываясь, пробормотал Макканн.

Но я только отмахнулся.

– Повторяю, вы были в машине вдвоем?

– Да, нас было трое.

– Тогда, – мрачно продолжил я, – вам многое предстоит объяснить. Рикори закололи. Мне придется позвонить в полицию.

Макканн встал, подошел к телу, взял мои очки и посмотрел на крошечный след от укола. Затем он повернулся к шоферу.

– Я ж тебе говорил, это чертова кукла сделала, Паоло!

⁶ Цитата приведена в синодальном переводе, Исход, 22:18. (Примеч. пер.)

Глава 5

Что же произошло в машине Рикори?

– Макканн, вы же не думаете, что я вам поверю? – опешив, спросил я.

Он, не ответив, скрутил другую сигарету, но на этот раз выбрасывать не стал. Шофер подошел к телу Рикори, опустился на колени и начал молиться. Макканн же удивительным образом пришел в себя. Будто понимание того, как именно погиб Рикори, вернуло ему бывшее хладнокровие.

– Я вроде как намерен доказать вам это, – закурив, торжественно сообщил он.

Я направился к телефону. Макканн преградил мне путь.

– Обождите, док. Если я такая крыса, что готов пырнуть ножом своего босса, который меня, между прочим, нанял для своей защиты, то вам не пришло в голову, что вам стоит подумать о собственном здоровье? Что помешает мне и Паоло укокошить вас и смыться отсюда?

Признаться, такое мне в голову не приходило. Только сейчас я осознал, в какой щекотливой ситуации оказался. Я перевел взгляд на шофера. Паоло поднялся и пристально смотрел на Макканна.

– Ага, вижу, вы поняли. – Громила печально улыбнулся. Он подошел к итальянцу. – Давай пушки, Паоло.

Шофер молча сунул руки в карманы и достал пару пистолетов. Макканн положил их на мой стол, а потом достал из кобуры свои два.

– Присядьте-ка туда, док. – Южанин указал на стул за столом. – Больше игрушек у нас нет. Возьмите пушку в руку. Если мы дернемся – стреляйте. Все, о чем я, значит, прошу, – это чтоб вы не звонили копам, пока нас не выслушаете.

Я сел, подтянув к себе все пистолеты. Они были заряжены.

– Док, – сказал Макканн, – я хочу, чтоб вы обдумали три момента. Значит, во-первых, если бы я замочил босса, то разве стал бы ломать тут перед вами комедию? Во-вторых, я сидел справа от него. На нем было толстое пальто. Как бы я проткнул такой тонкой штукой пальто, куклу, его пиджак и рубашку, а потом еще и тело – и все это время Рикори не сопротивлялся бы, по-вашему? Босс был сильным. Да и Паоло заметил бы...

– Какая разница? – перебил его я. – Если Паоло был вашим сообщником?

– И то верно, – согласился Макканн. – Паоло в этом дерьмище тоже по уши завяз. Так, Паоло?

Шофер кивнул.

– Ладно. Пока не будем об этом. Перейдем к третьему, значит, пункту. Если бы я убил босса, а Паоло был в этом замешан, неужто мы привезли б его к вам? К человеку, который сразу поймет, что к чему? А когда вы поняли, так подставиться? Боже, док, я ж не псих, чтоб вытворять такое! – Его лицо дрогнуло. – И зачем мне его убивать? Да я бы за ним в преисподнюю полез, и босс это знал. И Паоло тоже ради него что угодно вытерпел бы.

Я чувствовал, что он говорит искренне. Где-то в глубине души во мне росла упрямая уверенность в том, что Макканн говорит правду или по крайней мере то, что он считает правдой. Это не он заколол Рикори. Но приписывать такое злодеяние кукле представлялось слишком фантастическим предположением. В машине было всего три человека...

Макканн внимательно наблюдал за мной.

– Может, это механическая кукла была. Ее нарочно так сделали, чтоб она штрыкалась.

– Макканн, сходите и принесите ее мне, – резко сказал я. В конце концов, это было бы отличное и разумное объяснение случившегося.

– Нету ее там. – Громила опять грустно улыбнулся. – Смылась.

– Что за нелепое... – начал я.

– Это так, – вмешался Паоло. – Что-то выскакиванто. Когда я дверь открыватто. Я думатто – кот, пес. Я говоритто: «Что за черт?!» Я увиданто. Побежанто со всех ног. Оно останавливанто. Спрятанто в тени. Я только на минута ее увиданто. Я говоритто Макканн: «Что за черт?!» Макканн обыскиванто машина. Говоритто, мол, это кукла! Кукла убиванто босс! Я говоритто: «Кукла? Что означанто кукла?!» Он мне рассказыванто. Я о кукла до того ничего не знаванто. Я виданто, как босс что-то носитто под пальто, *si*. Но я не знаванто. Я виданто какой-то тварь, и оно не выгляданто как кот или пес. Оно выпрыгиватто из машина мимо мой нога, *si*!

– И вы полагаете, Макканн, что эту механическую куклу сделали так, чтобы она не только всаживала в жертву иглу, но бегала? – саркастично осведомился я.

Телохранитель покраснел, но от своего не отступался.

– Я не говорю, что это была механическая кукла, – тихо сказал он. – Но любая другая мысль была бы... вроде как... сумасшествием, нет?

– Макканн, чего вы от меня хотите? – отрывисто спросил я.

– Док, я когда в Аризоне жил, умер у нас как-то один мужик на ранчо. Внезапно скончался. И был один парнишка, который, похоже, приложил к этому свою руку. Шериф ему и говорит: «*Hombre*⁷, я не думаю, что ты это сотворил. Но кто, кроме меня, тебе поверит? Что ж тут поделаешь?» Тогда этот парнишка и говорит: «Шериф, дайте мне две недели, и если я не приведу вам ублюдка, который это сделал, то болтаться мне в петле». Шериф ему на это: «Справедливо. Тогда временно объявлю, что он скончался от шока». А он и впрямь от шока скончался. Как тут без шока, когда в тебя пулю всадили? Ну вот. И через неделю возвращается наш парнишка уже с убийцей.

– Я понял, к чему вы клоните, Макканн. Но тут не Аризона.

– Знаю. Но, может, вы бы написали, что у него случился сердечный приступ? Пока что? И дали бы мне неделю? А ежели я вам убийцу не приведу, то запускайте свою шарманку. Я убежать не стану. Тут как дела обстоят, док. Если вы расскажете копам, то лучше вам меня с Паоло тут прям на месте пристрелить. Ежели мы копам расскажем о кукле, так они животы от смеха надорвут, а нас в Синг-Синг⁸ упрячут. А если и не расскажем, все равно нам конец. Не копы нас прихлопнут – так кто-то из людей босса скоро нам это припомнит, так-то. Верно вам говорю, док, вы так двух ни в чем не повинных людей на смерть отправите. А главное, вы никогда не узнаете, кто на самом деле босса убил, потому что никто настоящего убийцу искать-то не станет. С чего им?

В этот момент я усомнился в невиновности Макканна и Паоло. Сколь бы наивным ни казалось предложение громилы, на самом деле в нем легко было усмотреть коварный умысел.

Согласись я с ним, телохранитель Рикори и шофер получили бы целую неделю на то, чтобы спрятаться, если в этом заключался их план. В том случае, если Макканн не вернется, а я расскажу правду о случившемся, то меня сочтут их сообщником и обвинят в убийстве. Если же я скажу, что обнаружил колотую рану спустя столько времени, то это поставит под удар мою репутацию как специалиста. Если их поймают и Макканн расскажет о нашей договоренности, то я опять-таки окажусь сообщником. Я понял, что Макканн поступил очень умно, сдав оружие. Я не смогу заявить, что на меня оказывали давление. Кроме того, так он мог укрепить мою уверенность в безопасности, чтобы смягчить меня. Но откуда мне было знать, что у них с Паоло нет при себе других пистолетов? И они не воспользуются этим оружием, если я откажусь помогать им?

⁷ Здесь: парень (*исп.*).

⁸ Синг-Синг – тюрьма с максимально строгим режимом в городе Оссининг, штат Нью-Йорк, США.

Пытаясь найти выход из этой ловушки, я подошел к телу Рикори, спрятав пистолеты в карман. Тело уже остыло, но это был не трупный холод. Я еще раз тщательно осмотрел его и... вдруг услышал слабое сердцебиение! В уголке рта блеснула слюна. Рикори был жив!

Еще никогда бег моих мыслей не был столь стремителен. Да, Рикори жив. Но это не устраняло нависшую надо мной угрозу, напротив, обостряло ее. Если это Макканн заколол его... Если Паоло в сговоре с телохранителем... Если они поймут, что удар не был смертельным... То разве не захотят завершить начатое? Рикори жив, он заговорит, он обвинит их в содеянном, и тогда их ждет смерть страшнее, чем казнь по закону. Смерть по приказу Рикори, от рук его пособников. А если Макканн и Паоло добьются Рикори, то вынуждены будут убить и меня...

Все так же склонившись над телом, я сунул руку в карман, достал пистолет и резко развернулся.

– Руки вверх! Оба! – скомандовал я.

На лице Макканна отразилось изумление, на лице шофера – испуг. Но оба подняли руки.

– Нам незачем заключать столь хитроумную сделку, Макканн. Рикори жив. Когда он заговорит, то расскажет о том, что случилось.

Я не был готов к их реакции на мои слова. Если Макканн притворялся, то он был гениальным актером. Широкие плечи расправились, точно с них свалился невидимый груз, глаза засияли, слезы покатались по смуглым щекам. Он был счастлив. Шофер упал на колени и вознес молитву Небесам. Он тоже плакал.

Мои сомнения развеялись. Представлялось немыслимым, чтобы оба притворялись. Мне даже стало немного стыдно.

– Можете опустить руки, Макканн, – сказал я, пряча пистолет в карман.

– Он выживет? – хрипло спросил телохранитель.

– Думаю, у него на это есть все шансы. Если в рану не внесли инфекцию, то я уверен, он выздоровеет.

– Слава Богу! – прошептал Макканн. – Слава Богу!

Брейль, зайдя в кабинет, застыл в недоумении.

– Рикори ранен. Я все объясню позже, – сказал я. – Кольнули в сердце, возможно, повреждена сердечная мышца, но отверстие крохотное. В основном он пострадал от шока. Оправится. Отнесите его во флигель и позаботьтесь о нем, пока я не подойду.

Я поспешно изложил Брейлю, что я уже сделал, и предложил дальнейший план лечения. Когда Рикори унесли, я повернулся к его подручным.

– Макканн, я сейчас не буду говорить о случившемся. Пока что не буду. Вот ваше оружие. Я даю вам шанс.

Взяв пистолеты, Макканн с любопытством посмотрел на меня.

– Не скажу, что мне неинтересно, с чего это вы передумали, док. Но я за вас обеими руками – лишь бы вы босса на ноги поставили.

– Несомненно, кого-то еще нужно уведомить о его состоянии. Предлагаю вам заняться этим. Он направлялся ко мне. У него случился сердечный приступ. Вы его довезли. Теперь я его лечу. От сердечного приступа. Вот что я скажу. Но если Рикори умрет – тогда другое дело.

– Я сообщу нашим, – ответил Макканн. – Они вам надоедать не станут. А как разберусь с ними, то попробую найти эту чертову куклу, так-то. И выбью правду из той бабищи. – Его глаза сузились.

– Нет, – твердо сказал я. – Еще рано. Установите наблюдение за той лавкой. Если женщина куда-то пойдет, выясните, куда именно. Следите и за девушкой. Если вам покажется, что кто-то из них или они обе собираются сбежать – не останавливайте, но проследите

за ними. Я не хочу, чтобы их спугнули до того, как Рикори сможет рассказать, что же случилось.

– Хорошо, – неохотно согласился громила.

– Ваша история о кукле не покажется столь убедительной полиции, ведь они не успели проникнуться к вам таким доверием, как я. Не допустите, чтобы они вмешались в это дело. Пока Рикори жив, не нужно никого ни во что посвящать.

Потом я отвел Макканна в сторону.

– Вы уверены, что шофер не проговорится?

– Паоло – наш человек, – пожал плечами громила.

– Надеюсь, что так. Иначе вам несдобровать, – предупредил я.

Они ушли, я же направился к Рикори. Сердцебиение уже нормализовалось, дыхание было еще слабым, но в целом ему стало лучше. Температура тела все еще была пониженной, но не настолько, как раньше. Как я и сказал Макканну, если в рану не занесли инфекцию, если на игле, которой укололи Рикори, не было яда, то гангстер выживет.

Через некоторое время мне нанесли визит два крайне любезных джентльмена. Они выслушали мой отчет о состоянии здоровья Рикори, попросили разрешения войти в палату, удостоверились в моих словах и ушли. Они заверили меня, что «при любом исходе» мне не следует волноваться о гонораре. Если потребуются, они готовы были оплатить услуги любых консультантов, даже самых дорогих специалистов. Также они попросили не пускать к Рикори никого, кроме них самих, Макканна и медицинского персонала. Чтобы не возникло недоразумений, они предложили – «коль скоро меня это не затруднит» – выставить охрану у двери в коридоре. Я сказал, что несколько не возражаю. Поразительно быстро у двери Рикори объявились двое неразговорчивых громил – в точности, как в ситуации с Петерсом.

Той ночью мне снились куклы: они плясали вокруг, преследовали меня, угрожали мне. Не лучший из моих снов.

Глава 6

Странная история констебля Шевлина

Утром состояние Рикори значительно улучшилось. Из комы он так и не вышел, но температура, дыхание и сердечный ритм полностью нормализовались. Мы с Брейлем так разделили обязанности, чтобы кто-то один всегда мог подойти к больному.

После завтрака охранников сменили другие. Один из моих столь обходительных ночных гостей явился посмотреть на Рикори и с видимым удовлетворением выслушал мой благоприятный прогноз.

Предыдущим вечером мне пришла в голову мысль о том, что Рикори мог делать какие-то заметки о своем расследовании, но мне было неловко его обыскивать. Теперь же у меня, казалось, появилась возможность проверить свои подозрения. Я предложил посетителю посмотреть, не было ли при Рикори каких-нибудь записей, объяснив, что нас с ним интересовало одно дело и мы собирались его обсудить, когда Рикори направлялся ко мне. Поскольку у Рикори случился припадок, мы не смогли поговорить, но, возможно, мне удастся что-то узнать из его бумаг? Мой гость согласился. Медсестра принесла пальто и пиджак Рикори, и мы осмотрели карманы. Там действительно были какие-то бумаги, но они не имели отношения к расследованию.

Зато в нагрудном кармане пальто я обнаружил прелюбопытнейшую вещицу – тонкую нить длиной дюймов в восемь. Нить была завязана в девять узлов, расположенных на различных расстояниях друг от друга. Узлы тоже показались мне странными, я таких еще не видел. Я внимательно осмотрел нить. Не знаю почему, но при этом меня охватила какая-то смутная тревога. Я посмотрел на своего гостя и увидел любопытство в его глазах. А потом я вспомнил о суевериях Рикори и решил, что эта нить с узлами была, наверное, каким-то талисманом или оберегом. Я положил ее обратно в карман.

Когда мой гость ушел, я достал нить и еще раз осмотрел ее, уже внимательнее. Нить на самом деле оказалась сплетена из человеческих волос, пепельно-русых и, безусловно, женских. Теперь я заметил, что каждый узел отличается от остальных, но все они были весьма сложными. Разница между ними почему-то напомнила мне расположение букв в слове или слов в предложении.

И когда я рассматривал этот оберег, мне вновь почудилось, будто я стою перед запертой дверью, которую так важно открыть. То было такое же наваждение, как и в ночь смерти Петерса. Повинуясь смутному порыву, я не вернул нить в карман, а бросил в ящик стола, где лежала принесенная медсестрой Роббинс кукла.

Около трех часов дня мне позвонил Макканн. Я был очень рад его звонку – при свете дня история о случившемся в машине Рикори показалась мне сущей нелепицей, и мои сомнения вернулись. Как и мысли о моей незавидной участи в случае исчезновения Макканна. Должно быть, громила догадался о моем смятении, услышав неподдельную радость в моем голосе.

– Думали, меня уже и след простыл, док? – рассмеялся Макканн. – Нет, вам так просто от меня не отделаться. Я тут для вас вроде как кое-что раскопал, так-то!

Я с нетерпением ждал его приезда. Макканн привез с собой румяного толстяка с большим бумажным пакетом. В толстяке я с некоторым удивлением узнал констебля, которого пару раз встречал на бульваре у больницы. Раньше я не видел его без формы. Следуя моему приглашению, полицейский смущенно присел на краешек стула, опустив пакет себе под ноги. Я выжидательно посмотрел на Макканна.

– Это Шевлин. – Громила махнул рукой в сторону констебля. – Сказал, что знаком с вами, док. Но я в любом случае его привел бы.

– Если б я не знал доктора Лоуэлла, я б сюда не пришел, Макканн, дружище, – мрачно заявил Шевлин. – Но у дока мозги в голове, а не картофельное пюре, как у нашего чертова лейтенанта.

– Ну, это не помешает доку тебе чегой-то прописать, Тим, – насмешливо хмыкнул Макканн.

– Да не надо мне ничего прописывать, говорю ж тебе! – рявкнул Шевлин. – Я все своими глазами видел, говорю ж тебе! А если мне доктор Лоуэлл скажет, мол, я был пьян или с катушек слетел, то я его к чертям собачьим пошлю, как я нашего лейтенанта послал. И тебя пошлю, как пить дать, говорю ж тебе!

Я ошеломленно наблюдал за их перебранкой.

– Ну, Тим, я же тебе верю. Ты себе вроде как даже не представляешь, настолько я хочу тебе верить. И почему, так-то! – успокоил его Макканн.

Он украдкой покосился на меня, и я понял, что, по какой бы причине он ни привел сюда этого констебля, громила не рассказывал ему о Рикори.

– Тут как дела обстоят, док. Когда я вам рассказывал о той кукле, как она взяла и выпрыгнула из машины, вы вроде как решили, что я псих. Ладно, значит, думаю я. Может, она далеко не ушла. Может, это такая механическая кукла, заводная, но завод-то у нее рано или поздно кончится, верно я говорю? Ну, я и взялся искать, может, кто что видел. И вот, значит, сегодня утром встречаю Шевлина. Он мне и рассказывает... Ну же, Тим, расскажи-ка доку то же, что и мне.

Шевлин, моргнув, осторожно отодвинул от себя пакет и начал свой рассказ. Судя по всему, он уже не в первый раз делился этой историей, но его слушатели были настроены не особенно благожелательно: толстяк то и дело с вызовом поглядывал на меня и временами воинственно повышал голос.

– Это случилось сегодня ночью, в час. Я как раз дежурил, когда услышал, как кто-то вопит: «Помогите! Убивают! Спасите!» Так и вопит. Я туда бегу, а на лавку вскарабкался какой-то выпендренчик в смокинге и цилиндре, лупит тростью по лавке и орет благим матом. Я подхожу, тыкаю его дубинкой в голень, чтоб он на меня внимание обратил. А он поворачивается ко мне и как навалится на меня! Ну, я душок-то от него сразу учуял. Думаю, ага, вот оно что. Беру его под локоток и говорю: «Пойдемте, дружище, допились до зеленых чертиков. Ну да ничего, скоро они разбегутся. Вы мне адрес свой скажите, я вас в такси посажу. Или, может, в больничку?» А он стоит такой, в меня вцепился, сам трясется и говорит: «Думаете, я пьян?» А я ему: «Еще как!» А потом смотрю на него – а он будто и не пьян уже. Этот франт шлепается на лавку и задирает штанину, и я вижу много маленьких проколов, а из них кровь сочится. «По-вашему, это зеленые чертики натворили?» – спрашивает он. Я смотрю, пальцем трогаю – точно, кровь. Будто его кто-то булавкой кольнул.

Я ошеломленно посмотрел на Макканна, но тот отвернулся, невозмутимо скручивая сигарету.

– Я и говорю: «Кто, черт побери, это сделал?» Он отвечает: «Кукла!»

Меня бросило в холод. Я посмотрел на громилу. На этот раз наши глаза встретились. Лицо констебля начало наливаться краской.

– «Кукла», говорит! – Шевлин уже кричал. – Он сказал, что это сделала кукла!

Макканн хихикнул, и Тим возмущенно повернулся к нему.

– Я понимаю, – поспешно заверил я. – Он сказал вам, что это кукла его ранила. Удивительное заявление, без сомнения.

– То есть вы мне не верите? – взвился Шевлин.

– Я верю, что он вам это сказал, – ответил я. – Прошу вас, продолжайте.

– Ну ладно. Вы, небось, решите, что я тоже был пьян, раз поверил ему? Потому что мой тупица-начальник так и сказал.

– Нет-нет, – успокоил его я.

Откинувшись на спинку стула, Шевлин продолжил:

– Я у этого франта спрашиваю: «Как ее зовут?» А он смотрит на меня: «Кого зовут?» «Куколку, – говорю. – Могу поспорить, блондинка. Хочет, чтобы ее смазливое личико было во всех газетах. Брюнетки булавками не орудуют, они обожают ножи». «Послушайте, констебль, – мрачно говорит он. – Это сделала кукла. Настоящая игрушка. То есть когда я говорю “кукла”, то я именно это и имею в виду. Я вышел прогуляться, подышать свежим воздухом. Не стану отрицать, я немного выпил сегодня, но вдрызг не напивался. Иду по улице, помахиваю тростью. Она у меня из руки и вылетела. Упала вон в тот куст, – говорит он, показывая на аллею. – Я нагибаюсь, чтобы ее подобрать, и вижу куклу. Большая кукла валяется в кустах, будто ее кто-то выбросил. Я протягиваю руку, чтобы ее подобрать. И стоило мне ее коснуться, как кукла подпрыгивает, будто пружина разжалась. И бросается прямо мне через плечо. Я, конечно, удивился. Опустился на четвереньки, пытаюсь найти эту куклу. И вдруг чувствую адскую боль в ноге. Будто меня ножом пырнули. Я вскакиваю и вижу эту куклу с большой булавкой в руке». Я говорю франту: «Может, на вас карлик напал?» «Какой, к черту, карлик?! – орет он. – Это была кукла. И она кольнула меня булавкой. Глаза голубые, сама фута два в высоту, стоит и ухмыляется. Я как эту ухмылку увидел, так у меня кровь в жилах застыла. И пока я пытался понять, что к чему, она меня еще раз ударила. И еще. И еще. Я понял, что она пытается меня убить, и завопил. А кто б смолчал? – спрашивает. – А потом вы пришли, а кукла вон в те кусты шмыгнула. Бога ради, констебль, проводите меня до такси, я домой поеду, а то, врать не стану, страшно до одури». И я беру этого выпивоху под руку, думая: «Вот бедняга, что ж это тебе в пьяном угаре мерещится». Но сам гадаю: откуда же у него раны на ногах? Мы выходим на бульвар, франт все еще дрожит, я жду такси. И вдруг он как завопит: «Вон она! Смотрите, вон она!» Я смотрю, куда он показывает, и вижу, как что-то бежит по тротуару. Там довольно темно, и я подумал, что это кошка или собачонка. На обочине припаркована машина, к ней-то эта кошка – или что там было – и идет. Франт знай надсаживается, я пытаюсь разглядеть, что же там такое, и тут на улицу выезжает грузовик. Сбивает животину и скрывается из виду. Я даже свисток к губам поднести не успел. Бедолага еще шевелится – я-то уверен, это кошка, – и я бегу туда, доставая пистолет. «Пристрелю, чтоб не мучилась», – думаю. И стоило мне ступить на дорогу, как машина, которая стояла на обочине, легковушка такая двухместная, срывается с места. Только ее и видели. Я подхожу... – Он развернул пакет. – И вот что там было.

Ирландец достал из пакета куклу, вернее, то, что от нее осталось. Колесо грузовика проехало по туловищу, расплющив его. Одна нога оторвалась, другая висела на нитке, одежда порвалась и испачкалась в дорожной пыли. Это была кукла, но странным образом она действительно напоминала изуродованного карлика. Голова безвольно свисала на грудь. Макканн, подойдя, поднял ее голову. А я смотрел... смотрел, обмирая... Меня бросило в дрожь. У куклы было лицо Петерса! И в его чертах, приглушенное, точно сокрытое тончайшей вуалью, проступало выражение дьявольского восторга. То же выражение, которое исказило его лицо после смерти!

Глава 7

Кукла Петерс

Шевлин внимательно наблюдал за мной. Похоже, он был доволен произведенным впечатлением.

– Ну и мерзкая вещичка, да, док? – спросил он. – Доктор все понял, Макканн. Я же тебе говорил, у него мозги что надо!

Он посадил куклу себе на колени, будто побагровевший от натуги чревовещатель, и я не удивился бы, если бы с этих изогнутых в зловещей ухмылке губ слетел дьявольский смех.

– Так вот, доктор Лоуэлл, – продолжил Шевлин. – Стою я там, смотрю на эту куклу. Поднимаю ее. Говорю себе: «Тут что-то нечисто, Тим». Оглядываюсь на франта. Он стоит, где и стоял. Я иду к нему, а он мне и заявляет: «Ну что, это кукла? Я же говорил! Ха! Я же говорил, что это была кукла! Ха! Это она!» Я ему и говорю: «Дружище, тут что-то не так. Давайте пройдем в участок, и вы расскажете лейтенанту все то, что рассказали мне. И покажете ему свои ноги». «Я не против, – соглашается он. – Только держите эту мерзость от меня подальше, констебль». И мы идем в участок. Там сидит мой лейтенант, сержант и пара патрульных. Я иду к лейтенанту и кладу куклу ему на стол. А этот тупица знай ухмыляется. «Это что еще такое? – спрашивает. – Ты где куклу свистнул?» «Покажите ему ноги», – говорю я франту. «Что-то не похож он на цыпочку с Бродвея, чтобы ноги напоказ выставлять», – смеется этот придурок. Точно вам говорю, у него вместо мозгов картошка! В общем, франт задирает штанину и показывает ему раны. «Это что за чертовщина?» – настораживается лейтенант. «Меня кукла исколола», – говорит франт. Лейтенант смотрит на него, глаза выпучил. Ну, я ему и изложил, как услышал вопли этого парнишки, что он мне сказал, что сам видел. Сержант хохочет, патрульные хохочут, а лейтенант красный сидит, говорит, мол: «Пытаешься меня разыграть, Шевлин?» А я ему: «Никак нет, я вам говорю то, что он мне сказал и что сам видел. И куклу вам принес». А он говорит: «Да, белая горячка – штука серьезная, только я не знал, что это заразно». Тычет в меня пальцем и говорит: «Ну-ка подойди сюда, дыхни!» И я понимаю, что мне крышка, потому что у франта с собой была бутылка, ну я и хлебнул по дороге. Всего разочек приложился. Но лейтенант-то унюхал. «Так я и знал, – говорит. – Ну-ка присядь». И как напустился на франта: «Ах ты гад, смокинг напялил, шляпой разжился, вроде с виду приличный человек, а сам что вытворяешь? Мне полицейских спаивать будешь? Приперся сюда мне голову морочить?! Ну, констебля ты, может, и подпоил, да только нечего мне тут баки забивать!» Орет, аж стены трясутся. «Швырните его в камеру, пусть проспится, – вопит. – И куклу туда же запроторьте, чтоб ему там скучно не было». Франт как взвизгнет. И на пол повалился. Так и лежит в обмороке. Тогда лейтенант говорит: «О боже, этот бедняга поверил в собственную выдумку! Приведите его в чувство и отпустите». А мне говорит: «Ты хороший парень, Тим, а то я б тебя выгнал за такое. Забирай свою дурацкую куклу и иди домой. Тебя кто-нибудь сменит. А завтра возьми выходной и проспись». «Хорошо, – говорю я. – Только я знаю, что я видел. Ну вас всех к черту». Патрульные уже животы надорвали со смеху. А я лейтенанту говорю: «Хотите – увольняйте меня за это, но не пошли бы вы к черту, сэр?» Но они все только смеялись. А я забрал куклу и пошел домой. – Шевлин помолчал. – Забрал, значит, куклу, принес ее Мэгги, моей жене, и все ей рассказал. И что она мне говорит? «Ох, Тим, ты же завязал с выпивкой. Капли в рот не брал. Что на тебя нашло? Куклы с булавками мерещатся, лейтенанта обругал. А что, если тебя теперь в какое-нибудь захолустье переведут? Дженни только в колледж поступила! Иди-ка спать, Тим. Проспись. А куклу выброси». Я к тому моменту совсем взбеленился. Куклу ей выбросить не дал. А сегодня утром встретил Макканна. Оказывается, он тоже о таком слышал. Вот он и привел меня сюда, уж не знаю зачем.

– Вы хотите, чтобы я поговорил с вашим лейтенантом? – поинтересовался я.

– Что вы ему скажете? – рассудительно заметил Шевлин. – Если вы скажете, что тот франт был прав, что я был прав и действительно видел, как та кукла перебежала улицу, то что он подумает? Подумает, что вы спятили, как и я. А если вы скажете, мол, я был не в себе вчера ночью, он меня к мозгоправу пошлет. Нет, док. Я вам очень признателен, но теперь мне остается помалкивать о случившемся. А если парни начнут надо мной подшучивать, пара оплеух решит дело. Но я благодарен вам за то, что вы меня выслушали. Мне от этого как-то на душе легче стало.

Шевлин, тяжело вздохнув, встал.

– Что думаете, док? О том, что сказал франт? И что я видел? – нервно осведомился он.

– Я ничего не могу сказать о том юноше, пребывавшем в состоянии алкогольного опьянения, – осторожно ответил я. – Что касается вас, то могу предположить, что кукла лежала на проезжей части, а кошка или собака пробежала прямо по ней, когда на улицу выехал грузовик. Животному удалось избежать столкновения, но его движение привлекло ваше внимание к соответствующему участку дороги. Вы увидели куклу и подумали...

Шевлин махнул рукой.

– Ладно. Ладно. Хватит, док. Я оставляю вам куклу в оплату консультации.

Гордо вскинув голову и еще сильнее покраснев, Шевлин вышел из комнаты. Макканн трясся от беззвучного смеха.

Подняв куклу, я положил ее на стол и всмотрелся в злобную ухмылку на ее лице. Мне отнюдь не было смешно.

Сам не знаю почему, я вытащил куклу Уолтерс из ящика и положил на стол, а между двумя куклами бросил нить с узлами. Макканн, внимательно наблюдавший за мной, присвистнул.

– Где вы это взяли, док? – Он указал на оберек.

Я ему рассказал, и он опять присвистнул.

– Босс не знал, что эта дрянь лежит у него в кармане, это уж точно. Интересно, кто ему это подбросил? Та толстая карга, конечно. Но как?

– О чем вы говорите? – нетерпеливо осведомился я.

– Это «ведьмина петля». – Громила указал на нить. – Так ее называют в Мексике. Черное колдовство. Ведьма ее вам подбрасывает и обретает над вами власть. – Макканн склонился над ниткой. – Да, точно, ведьмина петля. Девять узлов, шнур из женских волос. И в кармане босса, надо же!

Он глядел на нить, но не прикасался к ней.

– Поднимите ее и рассмотрите получше, Макканн, – предложил я.

– Ни за что! – Он отпрянул. – Я ж вроде как вам сказал, док. Это черное колдовство, оно порчу наводит!

В последнее время едкий туман суеверий неуклонно сгущался вокруг меня, и теперь я утратил терпение:

– Послушаете, Макканн. Что вы, как Шевлин выразился бы, баки мне забиваете? Всякий раз, сталкиваясь с вами, я слышу антинаучные бредни. Это какое-то попрание здравого смысла. Вначале ваша кукла в машине. Потом Шевлин. Теперь «ведьмина петля». Что у вас на уме?

Глаза Макканна сузились, на скулах проступили красные пятна.

– У меня только одно на уме, – вкрадчиво протянул он. – Как босса на ноги поставить. И как разобраться с тем, кто, значит, на него напал. А Шевлин... Вы же не думаете, что он врет?

– Не думаю. Но я помню, что это вы были рядом с Рикори в машине, когда он потерял сознание. И мне кажется несколько удивительным, что вам так быстро удалось найти констебля Шевлина.

– В каком смысле?

– Я о том, что этот подвыпивший франт как сквозь землю провалился. И вполне возможно, что он был с вами в сговоре. Вполне возможно, что наш легковёрный Шевлин попался в коварно подстроенную вами ловушку. Актерский талант вашего подельника, кукла на проезжей части, внезапно выезжающий из-за поворота грузовик, тщательно спланированный маневр со срывающимся с места легковым автомобилем – и результат обеспечен. В конце концов, мне остается полагаться только на ваше с Паоло слово, что кукла вообще была в машине Рикори. Вполне возможно... – Я осекся, осознав, что просто срываю на нем накопившуюся от череды бессмыслиц злость.

– Выходит, это вроде как я все сам подстроил, верно говорю, док? – Его лицо побелело от злости. – Повезло вам, что вы мне нравитесь, док. Еще больше вам повезло, что вы с боссом на короткой ноге. А больше всего вам повезло, что только вы можете ему помочь. Если ему вообще кто-то может помочь. Так-то, док! – заявил он, играя желваками.

– Макканн... Мне очень жаль. Я не прошу у вас прощения за свои слова, но мне жаль, что пришлось произнести их. В конце концов, в сложившейся ситуации уместны определенные сомнения. И они вполне обоснованы. Вы не можете с этим не согласиться. И лучше при таких обстоятельствах говорить откровенно, чем скрывать свои мысли.

– Но какой мне смысл ломать эту комедию?

– У Рикори есть влиятельные враги. Кроме того, у него есть влиятельные союзники. Врагам Рикори сыграла бы на руку его гибель, которая ни у кого не вызвала бы подозрений, учитывая, что врач с безупречной репутацией и высочайшей квалификацией объяснил бы его смерть проблемами со здоровьем. А я без ложной скромности готов заверить вас, что я именно такой врач, Макканн.

Громила кивнул, его лицо смягчилось. Напряжение спало.

– Я с вами не спорю, док. Я ж с вами вроде как во всем согласен. Мне даже, чего уж тут, лестно, что вы, значит, такого высокого обо мне мнения. Это ж каким башковитым парнем нужно быть, чтобы все так подстроить? Прямо как в фильмах, когда злодей мастерит хитроумную машинку из кучи всякого хлама, чтобы, значит, ровно в два часа двадцать минут и шестнадцать секунд пополудни кому-то на голову шлепнулся кирпич! Да я прямо гений, чего уж тут!

Я улыбнулся, но промолчал. Взяв куклу-Петерса, Макканн принялся разглядывать ее, я же направился к телефону, чтобы выяснить, не изменилось ли состояние Рикори. Правда, позвонить я так и не успел – меня отвлек возглас громилы.

Макканн подозвал меня и, вручив мне куклу, указал на воротник ее наряда. Я сунул руку ей за ворот и нащупал шероховатую головку большой булавки. Будто из ножен, я вытащил из подкладки тонкую металлическую иглу девяти дюймов в длину. Она была намного острее и уже обычной шляпной булавки, которыми пользуются модницы, чтобы шляпка не сползала набок. Я тут же понял, что смотрю на то самое оружие, которое чуть не пронзило сердце Рикори.

– Ну вот, вроде как еще один вызов здравому смыслу, – протянул Макканн. – Может, это я ее туда подбросил, а, док?

– Может, и вы, Макканн.

Он рассмеялся, я же принялся осматривать это странное оружие, ибо, безусловно, то было оружие. Мне показалось, что лезвие сделано из стали, хотя я не разбираюсь в металлах. Как бы то ни было, эта игла оказалась невероятно прочной. Полудюймовое расширение в основании иглы напоминало не столько булавоочную головку, сколько рукоять кин-

жала. Взяв увеличительное стекло, я увидел на расширении крошечные насечки – чтобы рука не соскальзывала. Рука куклы. И кукольная шпага. На лезвии я заметил какие-то пятна. Я не сомневался, что это кровь, но нужно было проверить. В любом случае, даже если то была кровь, это не доказывало невероятное – что этой смертоносной иглой управляла рука куклы.

Взяв куклу-Петерса, я принялся изучать ее более тщательно. Из чего она сделана, выяснить так и не удалось. Это было не дерево, как в случае куклы Уолтерс. Больше всего этот материал напоминал нечто среднее между резиной и воском. Мне такое вещество было незнакомо. Сняв ее одежду, я обнаружил, что неповрежденная часть куклы с удивительной достоверностью воспроизводит все анатомические особенности человеческого тела. Волосы были человеческими, их по одному наклеили на голову игрушки. В глазницах поблескивали какие-то голубые кристаллы. Теперь я понял, что наполовину оторванная нога держится не на нитке, а на пружинке. Очевидно, в игрушке действительно был скрыт сложный пружинный механизм. Подойдя к сумке с инструментами, я взял хирургическую пилу и ножи.

– Обождите-ка, док. – Макканн внимательно наблюдал за всеми моими действиями. – Вы вроде как собираетесь вскрыть эту штуку?

Я кивнул.

Макканн сунул руку в карман, достал большой охотничий нож и, прежде чем я успел его остановить, отрубил кукле голову одним ударом. Срез вышел очень аккуратным. Взяв голову куклы, Макканн покрутил ее в руках. Щелкнула пружина. Громила отбросил голову куклы на стол и передал ее туловище мне. Тем временем голова покатилась по столешнице и угодила в «ведьмину петлю». Мне почудилось, что ее глаза смотрят на нас, и на мгновение в них вспыхнул красный огонек, черты исказились, злоба усилилась – как усиливалось это выражение на лице Петерса... «Всего лишь игра света», – одернул себя я.

– Зачем вы это сделали? – напустился я на Макканна.

– Вы для босса вроде как ценнее, чем я, – непонятно ответил он.

Я принялся разбирать обезглавленное тело куклы. Как я и подозревал, оловянная кукла была сделана из проволоки. Сняв верхний слой материала, я обнаружил, что пружины, сплетенные из проволоки, безукоризненно повторяют очертания человеческого скелета! Сходство с живым человеком было потрясающим – как внутри, так и снаружи. Конечно, это был макет, но точность исполнения ошеломляла. Я не видел внутри сочленений и крепежей, а материал, из которого была сделана кукла, оказался на удивление мягким и гибким. Даже ее крошечные пальцы можно было согнуть и разогнуть. Мне казалось, что я провожу вскрытие на анатомическом манекене. И это было страшно...

Я посмотрел на отрубленную игрушечную голову. Макканн склонился над ней, глядя кукле прямо в глаза. Его нос был всего в паре дюймов от блестящих голубоватых кристаллов. Ирландец вцепился в столешницу, будто прикладывая колоссальные усилия, чтобы отстраниться. Когда он бросил голову куклы на стол, она упала рядом с покрытой узелками нитью – но сейчас эта нить обвивалась вокруг шеи куклы, змеилась вокруг ее лба!

И я видел, как Макканн склоняется к ней... все ближе... ближе к узелкам... точно его что-то притягивает... На крошечном личике куклы отражалась дьявольская злоба – а черты Макканна сковала маска ужаса.

– Макканн! – воскликнул я и, обхватив рукой его шею, дернул назад его голову.

В этот момент – я мог бы поклясться, что так и было! – глаза куклы скосились в мою сторону, губы дернулись.

Макканн отпрянул назад. Он огорошенно уставился на меня, а потом, подскочив к столу, схватил голову куклы, швырнул на пол и принялся топтать ее, словно пытался раздавить ядовитого паука. И он не остановился, пока игрушечная голова не превратилась в бес-

форменную массу, лишенную какого-либо сходства с человеком. Вот только кристаллы все еще поблескивали, а «ведьмина петля» все еще обвивала остатки игрушки.

– О господи! Оно... оно притягивало меня!

Макканн подкурил сигарету. Его била крупная дрожь. Не затушив спичку, громила отбросил ее в сторону. Она упала на остатки кукольной головы – и вдруг в комнате что-то вспыхнуло, послышался протяжный стон, и я почувствовал, как в лицо мне пахнуло жаром.

На том месте, где лежала растоптанная голова, осталось только темное пятно на паркете. А в центре этой кляксы лежали голубые кристаллы – потухшие, покрытые копотью. «Ведьмина петля» исчезла. А тело куклы на столе растеклось тошнотворной черной лужей, из жижи торчал проволоочный скелет.

Зазвонил телефон, и я, еще не придя в себя от случившегося, взял трубку.

– Да, слушаю вас.

– Мистер Рикори, сэр. – Звонили из флигеля. – Он вышел из комы. Он проснулся, сэр!

Я повернулся к Макканну.

– Рикори очнулся.

Громила вдруг обнял меня, но потом отстранился. Я видел неподдельную радость на его лице.

– Вот, значит, как? – прошептал Макканн. – Да. Он очнулся, когда «ведьмина петля» сгорела! Это его освободило! А нам с вами теперь нужно быть вроде как поосторожнее, так-то, док!

Глава 8

Дневник медсестры Уолтерс

Я отвел Макканна к Рикори. Я полагал, что встреча с боссом станет главным испытанием для Макканна. Именно она поможет мне отбросить все сомнения в его неискренности. Я понимал, что, сколь бы странными ни были события, о которых я уже поведал, каждое из них могло быть частью сложного замысла, в чем я, собственно, и обвинял телохранителя Рикори. Обезглавливание куклы, возможно, представляло собой просто впечатляющий жест, призванный потрясти мое воображение. Макканн рассказал мне о загадочном смысле нити с узлами. Макканн нашел булавку. Его влечение к кукольной голове могло быть лишь проявлением актерской игры, а брошенная спичка – тщательно продуманным способом уничтожить улику.

Мне казалось, что не стоит доверять собственным ощущениям в этой ситуации. Тем не менее мне сложно было поверить в то, что Макканн окажется таким талантливым актером и коварным заговорщиком. Впрочем, он мог следовать указаниям какого-то более одаренного злоумышленника. Мне хотелось верить Макканну. Я надеялся, что он пройдет испытание. Очень надеялся.

Но моим надеждам не суждено было сбыться. Рикори пришел в себя, он был в сознании, в здравом уме. Но он ничего не мог сказать. Его разум освободился, но не его тело. Паралич так и не отступил, не давая мышцам двигаться. Работали только безусловные рефлексy, необходимые для поддержания жизнедеятельности организма. А вот речевой аппарат не функционировал. В ясных глазах Рикори светился ум, но вот лицо ничего не выражало. При виде Макканна в его глазах ничего не изменилось.

– Он может нас слышать? – шепнул громила.

– Полагаю, что да. Только ответить не может.

Телохранитель опустился на колени рядом с кроватью и взял Рикори за руку.

– Все в порядке, босс, – громко сказал он. – Мы все работаем, как полагается.

Ничто в его поведении не говорило о вине – но, с другой стороны, я же предупредил его, что Рикори ничего не может сказать.

– Вы быстро идете на поправку. Вы пострадали от сильного шока, и причина мне известна, – сказал я своему пациенту. – Осмелюсь предположить, что вы пробудете в таком состоянии еще около суток, потом способность двигаться к вам вернется. Не волнуйтесь, не нервничайте, постарайтесь не думать ни о чем неприятном. Вам нужно расслабиться. Сейчас я вколю вам слабое снотворное. Не боритесь со сном. Отдых пойдет вам на пользу.

Я сделал ему укол. Вскоре лекарство подействовало. Рикори быстро уснул – видимо, он действительно не прилагал никаких усилий, чтобы воспротивиться этому. Значит, он меня услышал.

Затем мы с Макканном вернулись в мой кабинет. Я напряженно размышлял, что же делать. На самом деле я не знал, как долго Рикори будет парализован. Он мог проснуться через час и полностью восстановиться или провести в кровати еще несколько дней. Тем временем мне нужно было уладить три проблемы. Во-первых, необходимо было следить за местом, где Рикори взял куклу. Во-вторых, узнать как можно больше о двух женщинах, описанных Макканном. В-третьих, выяснить, что же заставило Рикори отправиться туда. Я намеревался принять на веру рассказ Макканна о случившемся в кукольной лавке – по крайней мере пока что. В то же время я не хотел делиться с южанином своими размышлениями больше, чем необходимо.

– Макканн, вы установили круглосуточное наблюдение за лавкой кукольницы, как мы договорились вчера?

– Еще бы, док. Там и блошка не проскочит.

– Есть новости?

– Ну, парни вроде как окружили лавку около полуночи. В самой лавке было темно. Задняя дверь выходит во двор, там есть еще одна халабуда. Окно одно, со ставнями, но под ними парни углядели полоску света. Часа в два пришла та бледная девица – и в халабуду. Парни, следившие за двором, услышали оттуда какой-то гвалт. Потом свет потух. Утром девица открыла лавку. Через какое-то время пришла и та толстуха. За ними следят, точно вам говорю, док!

– Что вам удалось выяснить о них?

– Толстуха называет себя мадам Мэндилип. Рыбомордая девица – ее племянница. Так она, по крайней мере, говорит. Они приехали в город около восьми месяцев назад. Никто вроде как не знает откуда. По счетам платят в срок. Похоже, денег у них много. В лавке торгует племянница, старуха сама там особо не показывается. Они с той девицей вроде как неразлучны, а с другими общаться не хотят. Соседей всячески избегают. У старухи много особых клиентов – в основном богачей. Парням показалось, что в лавке продают как простые куклы, так и какие-то необычные. Говорят, их толстуха сама делает, мол, в этом она мастерица. Соседи их терпеть не могут. Парням даже нашептали, что старуха толкает дурь. Пока вроде как все.

Необычные куклы? Богачи? Такие как Бейли и банкир Маршалл?

Простые куклы – для акробата и каменщика? Но и их куклы могли оказаться в каком-то смысле «необычными».

– Кроме лавки, в том доме еще вроде как две или три комнаты, – продолжил Макканн. – А на втором этаже – большое помещение, может, склад. Толстуха и ее племянница взяли весь дом в аренду, живут в комнатах на первом этаже.

– Отличная работа! – воскликнул я. Помедлив, я осторожно поинтересовался: – Макканн, а эта кукла вам случайно никого не напомнила?

Громила прищурился.

– Ну, вы, док, и скажете...

– Видите ли, мне показалось, что она немного похожа на Петерса.

– «Показалось»?! «Немного похожа»?! – взорвался он. – Какого черта, док?! Самый что ни на есть вылитый Петерс!

– Но вы мне об этом ничего не сказали. Почему? – подозрительно осведомился я.

– Да будь я проклят... – начал Макканн, но сдержался. – Я ж вроде как увидел, что вы его узнали. И подумал, мол, Шевлину-то о том знать без надобности. Ну и смолчал. А потом вы мне такой допрос с пристрастием устроили, что не до того было, верно я говорю?

– Человек, сделавший эту куклу, должен был хорошо знать Петерса, – невозмутимо продолжил я, решив не развивать пока эту тему. – Более того, Петерс должен был позировать перед ее создателем, как модели позируют перед художником или скульптором. Зачем он это делал? Когда он этим занимался? Почему кто-то вообще захотел сделать такую куклу?

– Дайте мне поговорить с каргой часок, и я вам все расскажу, – мрачно заявил Макканн.

– Нет. – Я покачал головой. – Ничего такого, пока Рикори не заговорит. Но, возможно, вам удастся пролить свет на произошедшее. Рикори отправился в ту лавку с какой-то целью. У меня есть причины полагать, что Рикори что-то выяснил у сестры Петерса. Вы достаточно хорошо с ней знакомы, чтобы навестить ее и узнать, что именно она сообщила вчера вашему боссу? Это нужно сделать осторожно и тактично, не рассказывая ей о состоянии Рикори.

– Нет уж, я туда не пойду, пока вы мне не скажете, что у вас на уме, док, – отрезал Макканн. – Молли не дура, ее так просто вокруг пальца не обведешь.

– Хорошо. Не знаю, говорил ли вам Рикори, но соседка Молли, Дарнли, мертва. Мы с Рикори полагаем, что ее смерть и смерть Петерса связаны. Мы полагаем, что и Дарнли, и Петерс любили детей. Дарнли умерла точно так же, как и Петерс.

– То есть с ней творилась такая же... чертовщина?

– Да. У нас была причина полагать, что и Дарнли, и Петерс заразились этой болезнью в одном месте. Рикори собирался поговорить с Молли о таком месте. Месте, куда и Дарнли, и Петерс могли ходить, не обязательно в одно и то же время. Месте, где они могли... м-м-м... быть инфицированы. Может быть, их намеренно заразил какой-то недоброжелатель. Представляется очевидным, что Рикори что-то узнал у Молли, именно поэтому он и отправился к Мэндилип. Но тут есть одно щекотливое обстоятельство. Если Рикори вчера ничего не сообщил Молли, то она не знает о смерти своего брата.

– Точно. – Макканн кивнул. – Он вроде как распорядился на этот счет.

– Если он ей не сказал, вам тоже следует умолчать об этом обстоятельстве.

– Что-то вы много чего скрываете, верно говорю, док? – Громила поднялся, собираясь уходить.

– Да, – честно ответил я. – Но я рассказал вам достаточно.

– Да? Ну, может, и так, – угрюмо согласился Макканн. – Ладно, я все равно скоро узнаю, огорошил ли босс Молли этим известием. Ежели он ей сказал, то оно в разговоре-то всплывет, верно говорю? А если нет – ну что, поболтаю с ней, а потом вам позвоню, расскажу, что мне удалось выведать. Бывайте, док!

После такого – вполне обычного для Макканна – прощания громила ушел.

Я осмотрел то, что осталось от куклы. Тошнотворная жижа застыла, приобретя очертания расплющенного человеческого тела. То было весьма неприятное зрелище. Особое отвращение у меня вызвали миниатюрные ребра и тугая пружина позвоночника, поблескивавшие над черной массой. Собравшись с духом, я как раз взял образцы этого вещества на анализ, когда пришел Брейль.

Я был настолько потрясен пробуждением Рикори и другими событиями этого утра, что не сразу заметил, насколько мой ассистент взволнован. Отбросив мысли о причастности Макканна к покушению на Рикори, я спросил Брейля, что случилось.

– Сегодня утром, проснувшись, я подумал о Гарриет, – сказал он. – Я знал, что буквы Д-Н-Е – если вообще она пыталась передать нам именно это – не могли указывать на Днейру, ее племянницу. А потом меня осенило. Д-Н-Е – дневник! Я никак не мог отбросить эту мысль. При первой возможности я договорился с Роббинс и пришел в квартиру Уолтерс. Мы там все обыскали. И я нашел дневник Гарриет. Вот он. – Брейль вручил мне небольшую книжицу в красном переплете. – Я его уже просмотрел.

Открыв ее дневник, я пролистнул страницы.

3 ноября

Сегодня со мной приключилось кое-что странное. Я прогулялась в Бэттери-парк и полюбовалась новыми рыбками в аквариуме. У меня оставалось около часа свободного времени, и я решила побродить по старым улочкам в поисках гостинца для Днейры. Наткнулась на удивительнейший крошечный магазинчик. Ветхий домик, витрина – а на ней престелестные куклы в очаровательных платьицах. Залюбовавшись этими затейливыми игрушками, я остановилась у витрины и заглянула внутрь. В магазинчике была какая-то девушка. Она стояла спиной к витрине, но в какой-то момент повернулась и посмотрела на меня. Я замерла от изумления. Лицо у девушки было белым-белым, без кровинки, глазищи огромные и какие-то испуганные, длинные белокурые волосы собраны в пучок на затылке. Я тогда подумала, что никогда таких странных девушек не видела. Она смотрела на меня целую

минуту, а я – на нее. А потом она вдруг покачала головой и замахала руками, будто отгоняя меня. Я глазам своим не поверила. Я уже собиралась войти в магазинчик и спросить, что случилось, когда взглянула на часы и поняла, что мне пора возвращаться в больницу. Но я не удержалась и еще раз заглянула в окно. Дверь с другой стороны магазина начала медленно открываться. Девушка все махала руками, на ее лице промелькнуло отчаяние. Было что-то такое в ее жесте, отчего мне захотелось сбежать оттуда. И я ушла. Но мысли об этом магазинчике весь день не дают мне покоя. Мне любопытно, а еще я немного злюсь: куклы и их наряды такие красивые. Почему та девушка не захотела мне ничего продать? Чем я ей не приглянулась? Ничего, скоро я все узнаю.

5 ноября

Сегодня я опять ходила в магазин с куклами. Поведение той девушки стало еще загадочнее. Только я не думаю, что тут сокрыта какая-то тайна. Наверное, бедняжка просто немного сумасшедшая. Я не стала останавливаться перед витриной и сразу вошла в магазин. Бледная девушка стояла за прилавком. Увидев меня, она задрожала, в ее глазах вспыхнул страх. Когда я подошла к ней, она прошептала:

– И зачем вы только вернулись? Я же велела вам уходить!

Я не смогла сдержать смех.

– Мне еще не приходилось встречать таких странных продавцов, – сказала я. – Разве вы не хотите, чтобы к вам в магазин приходили покупатели?

– Теперь уже слишком поздно! – горячо зашептала она. – Вы уже не можете уйти! Главное, ни к чему не прикасайтесь! Не прикасайтесь ни к чему, что она вам даст. И не прикасайтесь ни к чему, на что она укажет! – Вдруг выражение ее лица изменилось, и она любезно сказала: – Может быть, вам что-то показать? У нас в магазине найдутся куклы на любой вкус.

Эта перемена в ее поведении была столь внезапна, что я опешила. Потом же я заметила, что дверь в противоположной стене магазина открылась – как и в прошлый раз. В дверном проеме стояла какая-то женщина и смотрела на меня. Сама не знаю, как долго я не могла отвести от нее глаз. Удивительная женщина. Шести футов роста, полная, с огромной грудью. Но не жирная. Очень сильная. У нее вытянутое лицо и темная кожа, волосы седые, под носом видны усики. Но больше всего меня поразили ее глаза. Огромные, черные – и такие жизнерадостные! Сразу видно, что ее переполняет жажда действия. А может быть, сказался контраст с той бледной девчушкой, из которой будто высосали всю жизненную силу. Нет, я уверена, ее воля к жизни огромна. Когда эта женщина взглянула на меня, я почему-то испугалась. Мне вспомнилась фраза из детской сказки:

– Бабушка, почему у вас такие большие глаза?

– Чтобы лучше видеть, дитя мое.

– Бабушка, почему у вас такие большие зубы?

– А это чтоб скорее съесть тебя, дитя мое!⁹

Глупости, конечно. Но почему-то это не кажется такой уж чушью.

А у нее и правда были большие зубы, крепкие, желтые.

– Здравствуйте, – чувствуя себя глупо, пробормотала я.

Женщина улыбнулась и коснулась моего плеча. И вновь у меня мурашки побежали по спине. У нее были потрясающе красивые руки. Настолько красивые, что это даже немного пугало. Тонкие длинные пальцы, белоснежная кожа. Такие руки мог бы рисовать Эль Греко. Или Боттичелли. Наверное, это меня и ошеломило. Они так не вязались с ее огромным мужи-

⁹ Цитата из «Красной Шапочки» Шарля Перро приведена в переводе С. Маршака. (Примеч. пер.)

коватым телом. Как и ее глаза. А вот ее руки и глаза – да, они могли бы принадлежать одному человеку.

– Вам нравятся красивые вещи. – Ее голос тоже подходил к рукам и глазам. Глубокое бархатное контральто.

Я чувствовала, как звуки ее голоса задевают во мне какую-то струну, как бывает, когда слушаешь орган.

Я кивнула.

– Тогда вы их увидите, дорогая. Пойдемте. – Не обращая внимания на девушку за прилавком, она повернулась к двери.

Я последовала за ней. В дверном проеме я оглянулась. Девушка казалась совсем испуганной, и я увидела, как она одними губами произнесла: «Помните».

Женщина провела меня в комнату... Я не могу ее описать. Комнату под стать ее глазам, рукам, голосу. Когда я вошла туда, мне почудилось, будто я уже не в Нью-Йорке. Не в Америке. Даже не на этой планете. Будто в мире существует только эта комната – и ничего больше. Это было страшно. Комната показалась мне больше, чем она могла быть, судя по размерам дома. Возможно, из-за освещения... Ее заливал мягкий слабый свет.

Там все украшено изящной антикварной лепниной, даже потолок. Одна стена обшита темным деревом с чудными резными узорами. В углу – камин, в нем горит огонь. Там было очень жарко, но жара мне не докучала. В воздухе чувствовался едва заметный странный запах – наверное, от горящих дров. Мебель тоже антикварная, роскошная, но мне так и не удалось понять, какой она эпохи. На другой стене висели древние гобелены. Странно, но мне трудно вспомнить, что именно было в той комнате. Помню только, что она была удивительно красива. Четко припоминается огромный стол – увидев его, я подумала о столах в тронных залах королей. А еще – круглое зеркало, но мне не хочется о нем думать.

Я вдруг начала рассказывать той женщине о себе, о Днейре, о том, как моя малышка любит красивые вещи. Женщина выслушала меня и сказала:

– У нее будет красивая вещь, дорогая моя.

Какой же у нее все-таки глубокий нежный голос!

Она подошла к шкафу и достала оттуда чудесную куклу. У меня дух захватило от восхищения, а также я представила, в какой восторг придет Днейра. Маленький пупс, совсем как живой.

– Ей бы такое понравилось? – спросила меня женщина.

– Но я не могу позволить себе такое сокровище. Мой заработок очень скромный.

Она рассмеялась:

– Зато мой скромностью не отличается. Я отдам вам куклу, когда сошью ей наряд.

Пожалуй, это было очень грубо, но я не сдержалась:

– Вы, наверное, очень богаты. У вас столько дорогих вещей. Зачем вам этот магазинчик?

– Чтобы встречаться с такими очаровательными людьми, как вы, моя дорогая.

И тогда случилось кое-что очень странное. Я взглянула на то круглое зеркало и никак не могла отвести от него взгляд, все стояла там и смотрела. И мне чудилось, что это и не зеркало вовсе, а кристально чистая вода. Диковинные узоры на его раме из бурого дерева отражались в зеркале и, казалось, подрагивали, как качается трава на берегу лесного озера, когда ее колышет ветер. Желание дотронуться до этой водной глади стало непреодолимым. Подойдя, я увидела, что в зеркале отражается вся комната, и я будто смотрела не на собственное отражение, а вглядывалась в другую такую же комнату, с другой, пусть и такой же, мной. И та, другая я тоже смотрела на меня. А потом по поверхности зеркала словно прошла рябь и отражение комнаты подернулось дымкой, хотя свое отражение я видела четко. Наконец в зеркале осталось только мое отражение, и оно вдруг начало уменьшаться, пока

не стало размером с куклу. Я придвинулась ближе – и крохотная голова повторила мое движение. Я улыбнулась. На крохотном личике проступила улыбка. Да, это было мое отражение – только очень маленькое! И вдруг меня охватил ужас. Я зажмурилась. А когда я открыла глаза, в зеркале было все как прежде. Посмотрев на часы, я обомлела – сколько же времени я тут провела? Когда я собралась уходить, все еще чувствуя подступающую к горлу панику, та женщина сказала:

– Навестите меня завтра, моя дорогая. Кукла для вас будет готова.

Поблагодарив ее, я согласилась. Она провела меня к выходу из магазина. Бледная девушка за прилавком даже не посмотрела в мою сторону.

Ту женщину зовут мадам Мэндилип. И я не пойду к ней ни завтра, ни когда-либо еще. Да, я восхищаюсь ею, но она меня пугает. И мне не понравилось то, что произошло со мной перед тем круглым зеркалом. Когда я заглянула в него и увидела всю комнату, почему там не было отражения мадам Мэндилип? А его там не было! Несмотря на то, что в комнате было светло, я не помню там ни ламп, ни окон. А еще та девушка! И все же Днейре так пришлось бы по душе та кукла!

7 ноября

Удивительно, как трудно мне далось решение не возвращаться к мадам Мэндилип. Оно меня так растревожило, что прошлой ночью мне приснился кошмар.

Я в той комнате. Я ее отчетливо вижу. И вдруг я понимаю, что смотрю на комнату из зеркала. И я размером с куклу. Мне страшно. Я начинаю биться в зеркало всем телом, как мотылек бьется об оконное стекло. Ко мне тянутся две великолепные белокожие руки. Они проходят сквозь поверхность зеркала, подхватывают меня. Я сопротивляюсь, отбиваюсь, пытаюсь высвободиться.

Когда я проснулась, мое сердце билось так сильно, что чуть не выскочило из груди. Днейра сказала, что я кричала во сне: «Нет! Нет! Не буду! Не стану!» Она бросила в меня подушкой – от этого я, видимо, и проснулась.

Сегодня я ушла из больницы в четыре часа, намереваясь сразу отправиться домой. Не знаю, о чем я задумалась, но, похоже, эти мысли поглотили меня целиком и полностью – я очнулась в метро, когда садилась на электричку до станции Боулинг-Грин. На ней я доехала бы до Бэттери-парка. Наверное, я по рассеянности чуть не отправилась в магазинчик мадам Мэндилип. Меня это так испугало, что я выскочила из метро и остановилась только на улице. Мне кажется, я веду себя глупо. Я всегда гордилась своим здравомыслием. Нужно поговорить с доктором Брейлем. Мне кажется, у меня начинается нервное расстройство. Нет никаких разумных причин не ходить к мадам Мэндилип. Она очень интересный человек и ясно дала мне понять, что я ей симпатична. Так щедро с ее стороны было предложить мне ту чудесную куклу. Должно быть, она сочла меня грубой и неблагодарной. А ведь Днейра так обрадовалась бы. Когда я думаю о той истории с зеркалом, я чувствую себя Алисой в Стране Чудес. Вернее, Алисой в Зазеркалье. Иногда в зеркалах мерещится всякое. Да еще и жара и тот странный запах на меня повлияли. Я на самом деле не думаю, что мадам Мэндилип не отражалась в зеркале. Наверное, я просто засмотрелась на свое собственное отражение. Глупо вот так убегать и прятаться. Будто ребенок, который боится злой ведьмы. Да, я веду себя как глупый ребенок. Если бы не та девушка в магазине... Но она, безусловно, сумасшедшая! Мне очень хочется пойти к мадам Мэндилип, и я не понимаю, почему так себя веду.

10 ноября

Что ж, я рада, что отбросила свои нелепые предубеждения. Мадам Мэндилип – замечательный человек. Конечно, есть в ней что-то странное и непонятное, но это все потому, что она так отличается от всех людей, которых я знаю. А еще потому, что у нее в комнате жизнь кажется совсем другой. Уходя оттуда, я будто покидаю зачарованный замок и оказываюсь в пресном мирке серых будней. Сегодня я решила, что вечером схожу к ней прямо после работы.

И в тот момент, когда я приняла это решение, у меня стало так легко на душе. У меня будто гора с плеч свалилась. Мне уже неделю не было так радостно.

Когда я вошла в магазин, та белокожая девушка – ее зовут Лашна – посмотрела на меня так, будто вот-вот расплачется. И сказала странным сдавленным голосом:

– Помните, что я пыталась спасти вас!

Мне это показалось таким смешным, что я начала смеяться и никак не могла остановиться.

А потом мадам Мэндилип открыла дверь, и, когда я взглянула в ее глаза и услышала ее голос, я поняла, почему мне было так легко на сердце – я словно вернулась в родную страну, исстрадавшись от тоски по отчужденному дому. Ее прелестная комната уже ждала меня. Буквально. Только так я могу описать свои ощущения. Мне показалось, что эта комната живая, она исполнена бурлящей энергии, как и сама мадам Мэндилип. Комната будто была продолжением ее самой – вернее, ее глаз, рук и голоса. Мадам Мэндилип не спросила меня, почему меня так долго не было. Она принесла мне куклу. Та оказалась еще чудеснее, чем прежде. Но мадам Мэндилип сказала, что ей еще кое-что предстоит доделать. Мы сидели и болтали, и вдруг она сказала:

– Моя дорогая, я хочу превратить вас в куклу.

Именно так она и выразилась, и на мгновение я испугалась, вспомнив свой кошмар, в котором я очутилась в зазеркалье и никак не могла оттуда выбраться. А потом я поняла, что это была всего лишь фигура речи и мадам Мэндилип имела в виду, что хочет сделать куклу, которая была бы похожа на меня. Я рассмеялась и ответила:

– Ну конечно, вы можете превратить меня в куклу, мадам Мэндилип.

Интересно, кем были ее предки? Каков ее народ?

Она рассмеялась, и ее глаза показались мне еще ярче и выразительнее, чем прежде. Мадам Мэндилип принесла воск и начала лепить из него мою голову. Ее прекрасные длинные пальцы так и мелькали в воздухе, будто каждый жил своей, отдельной жизнью. Я с восторгом наблюдала за ней. И вдруг мне захотелось спать.

– Дорогая моя, вы не откажетесь раздеться, чтобы я могла вылепить тело куклы? Не смущайтесь, я ведь всего лишь старая женщина.

Я не возражала, вот только в сон клонило невыносимо.

– Я не против. Конечно, не откажусь.

И я встала на небольшой табурет, наблюдая, как воск приобретает четкие очертания женского тела. Я знала, что они идеально повторяют мои формы, хотя чувствовала себя настолько сонной, что едва могла разлепить глаза. настолько сонной, что мадам Мэндилип пришлось помочь мне одеться. Наверное, я все-таки уснула – я вскинулась оттого, что мадам Мэндилип потрепала меня по руке.

– Мне жаль, что я так утомила вас, милая. Оставайтесь, если хотите. Но если вам нужно домой, то уже вечерет.

Я взглянула на часы – все еще очень хотелось спать, и я едва разглядела стрелки на циферблате, но поняла, что действительно уже очень поздно. А потом мадам Мэндилип коснулась моих век и я мгновенно проснулась.

– Приходите завтра и заберите куклу, – сказала она.

– Я должна заплатить вам, сколько смогу.

– О, вы уже все оплатили сполна, дорогая. Вы ведь позволили превратить вас в куклу. Мы обе засмеялись, и я поспешно вышла. Белокожая девушка за прилавком говорила с каким-то покупателем, но я крикнула ей:

– Прощайте!

Наверное, она не услышала, потому что ничего не ответила.

11 ноября

Я забрала куклу. Днейра в восторге! Я так рада, что не прислушалась к своим глупым предчувствиям. Днейрочка еще никогда не была так рада моим подаркам. Она обожает новую игрушку! Сегодня вечером я опять ходила к мадам Мэндилип, чтобы она могла доделать куклу. Она гений. Правда, гений! Так странно, что она держит эту маленькую лавку, ведь она могла бы прославиться на весь мир своим творчеством. Кукла – вылитая я! Мадам Мэндилип попросила у меня прядь волос, чтобы наклеить их кукле на голову, и, конечно же, я согласилась. Она сказала, что эта кукла не та, в которую она меня превратит. Мол, та будет намного больше. Это всего лишь модель, с которой она будет работать. Я сказала, что и эта кукла кажется мне идеальной. Но мадам Мэндилип говорит, что та, другая, кукла будет намного долговечнее. Может быть, она подарит мне куклу-модель, когда завершит работу? Мне так хотелось отдать пупса Днейре, что я не стала задерживаться в магазине. Уходя, я с улыбкой попрощалась с Лашной, но девушка лишь равнодушно кивнула мне в ответ. Мне даже подумалось, что она ревнует меня к мадам Мэндилип.

13 ноября

Сегодня я впервые села за дневник с того дня, как одиннадцатого ноября столь ужасная смерть забрала мистера Петерса. В тот день я только сделала заметку о кукле Днейры, как мне позвонили из больницы и сказали, что мне придется выйти на ночное дежурство. Конечно же, я согласилась. А зря! Я никогда не забуду тот ужасный случай. Никогда! Мне не хочется ни писать, ни думать об этом. Вернувшись домой тем утром, я не могла уснуть, все бродила по комнате, стараясь выбросить из головы лицо бедняги. Я думала, что за годы работы научилась не сопереживать пациентам. Но что-то было в этом случае такое... А потом я подумала, что если кто-то и поможет мне отвлечься, так это мадам Мэндилип. Около двух часов дня я отправилась к ней в магазин. Мадам была в зале вместе с Лашной. Она удивилась, увидев меня так рано. И не была рада моему приходу – или мне так только показалось из-за моего взвинченного состояния. Как только я вошла в ее чудесную комнату, мне сразу стало легче. Мадам что-то мастерила из проволоки, но я не смогла разглядеть, что именно, поскольку она усадила меня в большое уютное кресло и сказала:

– Вы выглядите усталой, дорогая. Посидите здесь и отдохните. Полистайте этот старый альбом, а я пока закончу работу.

Она дала мне странную старую книгу, длинную, узкую. Должно быть, книга действительно была очень старой, листы в ней были из тонкой-претонкой бумаги, а изображения напоминали картины средневековых монахов. Там были только репродукции картин – изображения лесов и садов. Какие же там были странные растения и деревья! Люди на картинах отсутствовали, но у меня возникло удивительное ощущение, будто если присмотреться,

то все-таки можно заметить укрывшихся на рисунках людей. Они точно прятались за деревьями и цветами, скрывались среди них, выглядывали оттуда. Я все старалась их разглядеть, узнать, что же это за дикий народ, но тут меня позвала мадам Мэндилип.

Все еще держа книгу в руках, я подошла к столу.

— Это для куклы, в которую я вас превращу. Посмотрите, какой хитроумный механизм. — Мадам Мэндилип указала на конструкцию из проволоки.

Я протянула к столу руку и вдруг увидела, что это скелет. Он был маленьким, как скелет ребенка, и мне почему-то вспомнилось лицо мистера Петерса. Я вскрикнула — меня вдруг охватила какая-то безумная паника. Книга вывалилась у меня из рук и упала на маленький скелет. Послышался щелчок, скелет будто дернулся. Я сразу же пришла в себя и увидела, что конец проволоки отогнулся и, взрезав переплет книги, застрял в нем. На мгновение мадам Мэндилип очень разозлилась. Она схватила меня за руку и сжала мое запястье так сильно, что мне стало больно. В ее глазах вспыхнула злость.

— Зачем вы так поступили? — странным голосом произнесла она. — Ответьте мне. Зачем?

Она даже толкнула меня. Сейчас я ее не виню — она подумала, что я сделала это намеренно. Но тогда ее поведение меня очень испугало.

А потом она увидела, что я вся дрожу, и ее глаза и голос снова стали добрыми.

— Что-то тревожит вас, моя дорогая. Расскажите мне, может быть, я вам помогу.

Она уложила меня на диван и, сев рядом, принялась гладить мои волосы и лоб. И хотя я никогда не обсуждаю с посторонними пациентов, я обнаружила, что уже рассказываю ей о деле Петерса. Мадам Мэндилип спросила, что это был за человек и кто привез его в больницу. Я сказала, что доктор Лоуэлл называл его Рикори, поэтому я подумала, что это тот самый всем известный гангстер. Рядом с ней мне было так спокойно и хорошо, что я рассказала ей о докторе Лоуэлле и о том, что я тайно влюблена в доктора Б. И мне опять захотелось спать. Сейчас я сожалею о том, что рассказала ей о пациенте. Нельзя было так поступать. Но я была так потрясена случившимся, что, похоже, все ей разболтала. Мой разум так помутился, что, когда я подняла голову, мне почудилось, будто от мадам Мэндилип исходит какое-то свечение. Вот в каком я была состоянии! Когда я договорила, она велела мне полежать и поспать — мол, она разбудит меня, когда нужно. Я сказала, что в четыре часа мне нужно уходить. Проснувшись я полностью отдохнувшей. Когда я уходила, крошечный скелет и книга все еще лежали на столе. Я сказала, что мне жаль ее книгу.

— Лучше книга, чем ваша рука, моя дорогая, — ответила мадам Мэндилип. — Пружина могла распрямиться, когда вы взяли бы макет в руку, и тогда вы бы порезались.

Она попросила меня принести мой медицинский халат, чтобы она могла сшить такой же для куклы.

14 ноября

И зачем я только вообще познакомилась с мадам Мэндилип? Тогда я не обожгла бы ногу. Но я сожалею о встрече с ней вовсе не из-за ожога. Сложно выразить словами то, что я сейчас ощущаю. Но мне правда жаль, что я познакомилась с ней.

Сегодня я принесла мадам Мэндилип свой медицинский халат. Она очень быстро сшила такой же для куклы. Мадам Мэндилип была в отличном настроении и спела мне какую-то странную песню. Я спросила, на каком языке она поет, а она ответила:

— На языке того народа, что вы видели на картинках в моей книге, дорогая.

Какие странные слова! И откуда она узнала, что мне на тех рисунках померещились люди? Ох, зачем я только пошла к ней? Она заварила чай, разлила его по чашкам, но случайно толкнула локтем одну из чашек и перевернула ее мне на ногу. Кипяток пролился мне прямо на щиколотку. Было очень больно. Мадам Мэндилип сняла с меня туфлю, стянула чулок

и намазала мне щиколотку какой-то мазью. Сказала, что от нее боль пройдет, а ожог скоро заживет. Боль действительно улеглась, а когда я пришла домой, то глазам своим не поверила. Джо вообще решила, что я ее разыгрываю и никакого кипятка в чашке не было.

Мадам Мэндилип очень расстроилась из-за случившегося – по крайней мере мне так показалось. Интересно, почему она не провела меня до двери, как обычно? Она осталась в комнате. Белолицая девушка, Лашна, стояла у двери, когда я выходила из магазина. Она посмотрела на повязку у меня на ноге, и я рассказала ей о пролитом чае и о том, как мадам Мэндилип дала мне мазь. Лашна ни слова не проронила, даже не пожалела меня. Тогда я посмотрела на нее и немного раздраженно бросила:

– До свиданья!

Ее глаза наполнились слезами, и она очень странно посмотрела на меня, а потом покачала головой и сказала:

– Прощайте.

Закрыв за собой дверь, я заглянула в витрину магазина и увидела, что по щекам Лашны все еще катятся слезы. И я не понимаю почему? Ну зачем я только пошла к мадам Мэндилип!!!

15 ноября

Нога полностью зажила. У меня нет ни малейшего желания возвращаться к мадам Мэндилип. Никогда больше туда не пойду. Мне даже хочется выбросить куклу, которую она дала мне для Днейры. Но этим я разбила бы малышке сердце.

20 ноября

Все еще никакого желания видиться с ней. Мне кажется, я уже начала забывать обо всем этом. Я вспоминаю о мадам Мэндилип, только когда вижу куклу Днейры. Я так рада! Мне хочется петь и танцевать. Я больше никогда не увижу мадам Мэндилип! И я до сих пор не понимаю, почему это приводит меня в такой восторг.

Это была последняя запись о мадам Мэндилип в дневнике Уолтерс. Она умерла двадцать пятого ноября.

Глава 9

Судьба кукольного Петерса

Брейль внимательно наблюдал за мной. Заметив напряжение в его взгляде, я решил не поддаваться эмоциям, вызванным этими записями.

– Я и не знал, что Уолтерс отличалась такой бурной фантазией.

– Вы думаете, она все это выдумала? – вспыхнув, раздраженно спросил мой ассистент.

– Не совсем выдумала. Она пропускала совершенно будничные события сквозь призму воображения – я, наверное, выразился бы так.

– Неужели вы не понимаете, что она, сама того не сознавая, описала действия невероятно талантливого гипнотизера? – возмутился он.

– Ну конечно, я сразу же подумал о гипнозе, – саркастично хмыкнул я. – Вот только я не обнаружил никаких тому доказательств. Из этого дневника я понял, что Уолтерс была не столь уравновешенной особой, как я полагал. Напротив, я вижу в нем признаки ее чрезмерной эмоциональности. По меньшей мере во время одного из ее визитов к мадам Мэндилип с ней случился нервный срыв, что свидетельствует о ее психологической нестабильности. Я имею в виду прямое нарушение профессиональной этики, когда она рассказала о случае Петерса. А ведь я просил ее, как вы помните, никому и ничего об этом не говорить.

– Безусловно, я об этом помню. Более того, именно поэтому, прочитав описание ее разговора с мадам Мэндилип, я больше не сомневался в применении к ней гипноза. Как бы то ни было, прошу вас, продолжайте.

– Рассматривая две возможные причины какого-либо события, следует отдавать предпочтение более рациональной, – сухо заявил я. – Рассмотрите факты, Брейль. Уолтерс встревожена странным поведением и зловещими предупреждениями девушки. Сама Уолтерс признает, что сочла продавщицу в кукольной лавке сумасшедшей. Что ж, судя по описанию, эта продавщица проявляет именно то поведение, которого мы ожидали бы от безумной. Уолтерс очарована куклами и заходит в магазин, чтобы выяснить их стоимость. На ее месте так поступил бы каждый. Она не следует чьей-то чуждой воле. Там она встречает женщину, чья необычная внешность дает толчок бурной фантазии Уолтерс и тем самым влияет на ее эмоциональную сферу. Уолтерс делится с ней своими переживаниями. Похоже, мадам Мэндилип также отличается высокой эмоциональностью. Поддавшись порыву, она дарит понравившейся ей девушке куклу. Эта женщина – человек искусства, она видит в Уолтерс подходящую модель для своего очередного творения. Мадам Мэндилип просит Уолтерс позировать для нее – такая просьба вполне естественна. Уолтерс соглашается. Тут все еще нет никаких признаков навязывания чуждой воли. У этой женщины, как и у любого творческого человека, своя манера работы. В частности, она встраивает в свои куклы пружинный механизм, выполненный в виде скелета. Изящное и вполне понятное решение. Вид скелета напоминает Уолтерс о смерти, в том числе смерти Петерса. Ведь именно этот медицинский случай произвел на нее такое гнетущее впечатление. Уолтерс впадает в истерику, что опять-таки свидетельствует о ее болезненном эмоциональном состоянии. Она пьет чай с мадам Мэндилип и обжигает ногу. Безусловно, хозяйка дома хочет помочь своей гостье и дает ей мазь от ожогов, уверяя Уолтерс в том, что эта мазь творит чудеса. Вот и все. Где во всей этой череде повседневных, ничем не примечательных событий вы усмотрели доказательства того, что Уолтерс действовала под гипнозом? И, наконец, если мы предположим, что Уолтерс действительно загипнотизировали, то с какой целью? Что свидетельствует о наличии какого-либо мотива?

– Мотив озвучила сама Мэндилип. «Я хочу превратить вас в куклу, дорогая».

Мои собственные аргументы помогли мне избавиться от сомнений, потому ремарка ассистента вывела меня из себя.

– Вы хотите убедить меня в том, что Уолтерс заманили в кукольную лавку, каким-то оккультным способом наложили на нее заклятье и так принудили возвращаться туда вновь и вновь, пока дьявольский замысел мадам Мэндилип не был воплощен в жизнь? Что добросердечная девчушка-продащица пыталась спасти Уолтерс от «судьбы, что страшнее смерти», как говорят в мелодрамах? Хотя я и не уверен, что именно такая судьба имеется в виду в этих произведениях... Вы хотите убедить меня в том, что мадам Мэндилип подарила ей куклу для племянницы и эта кукла стала наживкой, чтобы поймать бедняжку на крючок темного колдовства? Что она намеренно обожгла Уолтерс горячим чаем, чтобы нанести на рану ведовское зелье? И именно от этого зелья Уолтерс и погибла? А когда ловушка с куклой захлопнулась, мазь стала завершением коварного плана ведьмы? И теперь душа Уолтерс заключена в ведьмином зеркале, как в ее кошмаре? Мой дорогой Брейль, вы пали жертвой возмутительнейших суеверий!

– То есть такие мысли приходили и вам в голову, верно? – уклончиво ответил мой ассистент. – Значит, ваше сознание не так заострено, как мне показалось минуту назад.

Эти слова разозлили меня еще больше.

– Ваша теория состоит в том, что все события, описанные Уолтерс после ее визита в кукольную лавку, были частью зловещего плана мадам Мэндилип, цель которого – похищение души? И этот план сработал, когда Уолтерс погибла?

– Если вкратце, то да, – колебавшись, ответил он.

– Души? – саркастично переспросил я. – Но я вот никогда не видел душу. Я не знаю ни одного подтвержденного случая, когда кто бы то ни был видел душу. Что такое душа – если она существует? Можно ли ее исследовать? Это материальная сущность? Если ваша теория верна, то душа должна быть материальна. Ведь как можно заполучить что-то нематериальное, не поддающееся наблюдению? Как выяснить, что тебе удалось заполучить чью-то душу, если невозможно проверить факт ее наличия, измерить ее, взвесить, увидеть или услышать? Если душа нематериальна, как можно похитить ее, удержать, присвоить? А ведь вы утверждаете, что мадам Мэндилип похитила душу Уолтерс. Если же душа материальна, то где именно она находится? В мозге? Я провел сотни операций на головном мозге и ни разу не заприметил загадочного вместилища, где могла бы укрыться человеческая душа. Клетки головного мозга со сложнейшим механизмом работы, сложнее, чем что-либо созданное человеком; клетки, изменяющие характер, настроение, способности, эмоции их носителя, изменяющие саму личность человека в зависимости от того, функционируют ли они должным образом. Вот что я обнаруживал в ходе таких операций, Брейль. Но не душу. Медики тщательно исследовали все особенности человеческого организма. И ни одному хирургу не удалось обнаружить в человеческом теле какое-нибудь подобие «храма души». Докажите мне существование души, Брейль, и я поверю в злодеяние мадам Мэндилип.

Молча смерив меня взглядом, мой ассистент кивнул.

– Теперь я понимаю. Вас это тоже задело, правда? Вы и сами сейчас бьетесь о стекло, пытаетесь вырваться из зазеркалья, не так ли? Что ж, мне тоже было нелегко отбросить устоявшиеся представления о мире и признать, что в нем может быть что-то непознанное, но от того не менее реальное. Это не медицинский случай, доктор Лоуэлл. Он находится за пределами доступного нам научного знания. И пока мы не признаем это, мы ничего не добьемся. Но все же я хотел бы предложить вам два аргумента. Петерс и Дарнли умерли по одной и той же причине. Рикори выяснил, что и Петерс, и Дарнли имели дело с мадам Мэндилип. Он отправился в кукольную лавку – и сам чуть не погиб. Гарриет тоже была в этой лавке – и умерла. Разве это не указывает на связь магазина мадам Мэндилип и таинственной болезни, сразившей всех четверых?

– Безусловно, – согласился я.

– Значит, из этого мы можем сделать вывод, что у Гарриет были причины для опасений. Причиной ее страха было не только нестабильное эмоциональное состояние и бурная фантазия – хотя Гарриет и не было известно об описанных мной обстоятельствах.

Только сейчас я понял, в какую ловушку я себя загнал. Действительно, в умозаключениях Брейля была своя логика. Я не мог не согласиться с ним.

– В качестве второго аргумента мне хотелось бы указать на тот факт, что Гарриет утратила всякое желание вновь приходить в лавку мадам Мэндилип после эпизода с пролитым чаем. Вам не показалось это странным?

– Нет. Учитывая ее нестабильное эмоциональное состояние, мы можем предположить, что боль от ожога впечаталась в ее память, вызвав бессознательный протест против повторения подобного опыта.

– Вы обратили внимание на слова Гарриет о том, что после неудачного чаепития мадам Мэндилип не провела ее до двери магазина? И что это произошло впервые?

– Нет, а что?

– Если нанесение мази было последним шагом к достижению цели мадам Мэндилип и после этого смерть Уолтерс стала неизбежной, то мадам Мэндилип было бы невыгодно принимать у себя в лавке жертву, отравленную ее же ядом. Припадок мог начаться даже в то время, когда Уолтерс находилась в ее магазине. Это могло бы навлечь на мадам Мэндилип подозрения. Таким образом, разумный ход в такой ситуации – заставить ничего не подозревающую жертву утратить всякий интерес к лавке, более того, внушить ей отвращение к мадам Мэндилип или вообще стереть всю эту историю из ее памяти. Всего этого можно добиться гипнотическим внушением. У мадам Мэндилип имелась такая возможность. Разве это не будет столь же логичным объяснением поведения Гарриет, как и бурное воображение или эмоциональное нарушение?

– Да, – вынужден был признать я.

– Кроме того, это объясняет отказ мадам Мэндилип провести Гарриет до двери магазина. Ее план сработал. Все было кончено. Гипноз она уже провела. Ей больше не требовался контакт с Гарриет. И мадам Мэндилип просто отпускает ее. Подумайте о символическом значении такого поступка! – Брейль помолчал. – Ей больше не нужна была Гарриет. Вплоть до самой ее смерти! – прошептал он.

– Что вы имеете в виду? – опешил я.

– Не важно.

Брейль подошел к обгоревшему участку пола и поднял потрескавшиеся от жара кристаллы. Они были размером с маслиновую косточку, и я так и не понял, из чего же они сделаны. Затем Брейль направился к столу и осмотрел гротескный проволоочный позвоночник и ребра.

– Как вам удалось расплавить куклу? – спросил он, с трудом отделяя проволоку от застывшей темной массы.

Остов куклы не поддавался, и мой ассистент с силой дернул за проволоку. Послышался пронзительный звук, будто лопнула туго натянутая струна. Выругавшись, Брейль выпустил проволоку, и она упала на пол. Пружина распрямилась, змеясь по полу, и наконец замерла. Мы перевели взгляд на стол. Темная бугрящаяся масса, очертаниями напоминавшая человеческое тело, опала, рассыпавшись в прах. На столе остался тонкий слой сероватой пыли – но через мгновение и он, подхваченный нежданным дуновением ветра, исчез. А дуновения этого я так и не ощутил.

Глава 10

«Ведьмина петля» в шапочке медсестры

– А она знает, как избавляться от улик! – Брейль горько рассмеялся.

Я промолчал. Когда голова куклы исчезла, я подумал, что это Макканн уничтожает улики. Но сейчас Макканн явно был непричастен к случившемуся. Избегая дальнейших разговоров о мадам Мэндилип, мы с Брейлем пошли проводить Рикори.

Телохранители опять сменились. Эти также были безукоризненно вежливы. Открыв дверь, мы с Брейлем бесшумно вошли в палату. Действие снотворного закончилось, и Рикори погрузился в естественный здоровый сон. Я услышал его ровное спокойное дыхание – признак того, что ему стало лучше. Палата размещалась на втором этаже флигеля у задней стороны дома, ее окна выходили в небольшой сад. И основное здание, и мой флигель выглядят старомодными, их возвели в те времена, когда Нью-Йорк еще был тихим и спокойным местом. Стены обоих домов оплетает дикий виноград. Я приказал медсестре вести себя тихо и повернуть лампу так, чтобы на Рикори не падал свет. Выйдя, я также предупредил телохранителей, чтобы они не шумели, заверив их, что скорейшее выздоровление их босса возможно только в тишине и покое.

Было уже около шести. Поужинав вместе с Брейлем, я попросил ассистента навеститься в больницу и узнать, как дела у других моих пациентов. Брейль обещал позвонить мне, если потребуется мое присутствие в больнице. Сам же я решил остаться дома и дожидаться пробуждения Рикори – я предполагал, что это произойдет в ближайшие часы.

Едва мы закончили ужин, как зазвонил телефон. Трубку взял Брейль.

– Это Макканн, – позвал он.

– Здравствуйте, Макканн, – поприветствовал я громилу, подойдя к аппарату. – Это доктор Лоуэлл.

– Как босс?

– Лучше. Он может проснуться в любую минуту. И заговорить. – Я прислушался, стараясь определить реакцию южанина на мои слова.

– Отлично, док! – В его голосе звучало облегчение. – Послушайте, док, я тут вроде как с Молли повидался, есть новости. Заглянул к ней сразу, как от вас ушел, так-то. Гилмор – ее муженек – был дома, так что все удачно обернулось. Я ее позвал прогуляться, вот она и обрадовалась, что можно из четырех стен вырваться, оставив Гила с ребенком.

– Она знает о смерти Петерса? – перебил его я.

– Не-а. Ну, я-то ей рассказывать не стал. Да вы послушайте, док. Я вам, кажись, рассказывал, что Горти... Что? Ну, та цыпочка, Дарнли, девушка Джеймса Мартина... Так вот. Слушайте, дайте договорить, док! Значит, Горти обожала дочурку Молли. Они ж по соседству живут, да. В начале прошлого месяца Горти принесла малышке расфуфыренную куклу. А у самой на руке – ожог. Горти сказала, что руку обожгла, когда чай пила в лавке, где она куклу достала. И она такая говорит... Что? Чай она пила, чай. Слушайте, док, я что, неясно выражаюсь, а? Ага, так вот. Значит, руку обожгла в той лавке, где куклу достала. Так я и сказал. А женщина в лавке ей руку чем-то намазала. Она вроде как Горти эту куклу задаром отдала, подарила, значит. Сказала, мол, Горти такая красотка. И попросила попозировать для нее. Ну да, попозировать, статую с нее лепить решила или что-то в этом роде. Ну, тут она вроде как по адресу обратилась. Горти покрасоваться не дура, да еще и женщина, говорит, эта «такая лапотусечка». Что? Ну да, так и сказала. «Лапотусечка». В смысле, по душе ей пришлось. Так-то. И вот неделю назад приходит к Молли Том – Петерс, стало быть. А Горти как раз с малявкой нянчится. Том видит эту новую куклу – а он же племяшку обожал. Ну и вроде как приревновал, что девчонка к Горти тянется. Том у Горти и спрашивает, мол,

где она куклу достала. Горти говорит: «В лавке мадам Мэндилип», а также рассказывает, как туда пройти. А Том ей отвечает, что, мол, это ж кукольная девчонка, ей в пару кукольный пацан нужен. И где-то через неделю Том заваливается к сестре с новой куклой – в точности такой, как Горти принесла, только у Горти кукла-деваха была, значит, а у Тома кукла-пацан. Молли у него спрашивает, сколько он за куклу деньжат отвалил – больше, чем Горти? Она ж ему не сказала, что Горти той Мэндилип ни гроша не заплатила, только, значит, позировала. Молли говорит, Том вроде как смутился немного, но ответил, мол, не разорится. Молли его еще хотела спросить, не сказала ли ему эта Мэндилип, что он красавчик и ему бы на скульптуру позировать. Подтрунить над братцем захотела, значит. Да только тут ребята-нок новую куклу увидел – ну и пошло-поехало, у нее все из головы и вылетело. Потом Том пришел в первых числах ноября. Молли вроде как у него на руке повязку увидела и ляпнула в шутку, мол, что, в кукольной лавке обжегся? Том аж обомлел и говорит: «Как догадалась?» Да-да, так и сказал. Что? Давала ли ему эта Мэндилип мазь? Мне-то откуда знать, док? Наверное ж. Молли не сказала, ну, я и не спросил. Слушайте, док, я ж вам говорил, что Молли не дура. Я вам сейчас все за пару минут вывалил, а сам с Молли часа два проболтал – о том о сем, все ходил вокруг да около, чтобы ее на нужную мне тему разговора вроде как вывести. Боюсь, как бы я палку не перегнул. Что? Да, док, не то слово. Да не, с чего мне обижаться? Чушь и есть. Вот только верно вам говорю, все я опасаюсь, как бы я палку не перегнул. Молли у нас башковитая. Рикори к ней вчера заходил, поди, тем же способом воспользовался, что и я. В общем, все куклу нахваливал, спросил у Молли, где такую взяла, сколько стоит, все такое. Помните, я ж вам говорил, что я сидел в машине, пока босс там был. А потом домой пошел, все кому-то названивал. А уж после к той карге Мэндилип поехал. Так-то. Ага, все, выходит. Это важно? Да? Ну ладно.

Он немного помолчал, но я так и не услышал щелчка в трубке.

– Вы еще там, Макканн?

– Ага, вроде того. Задумался я, – пробормотал он. – Я б хотел там с вами быть, когда босс в себя придет. Но нужно ж вроде как проверить, что там с этими двумя бабенками. Я поговорю с нашими парнями и перезвоню вам, ежели еще не шибко поздно будет. Все, бывайте, док.

Я вернулся к Брейлю, обдумывая услышанное. Чтобы упорядочить разрозненные мысли, я поделился рассказом Макканна с моим ассистентом. Он выслушал меня, не перебивая, а потом сказал:

– Гортензия Дарнли идет к мадам Мэндилип, та дает ей куклу, просит позировать. Дарнли обжигается и получает мазь. Потом умирает. Петерс идет к мадам Мэндилип, та дает ему куклу, он обжигается и, возможно, получает мазь. Он умирает точно так же, как и Гортензия. Вы видели куклу, для которой он позировал. Гарриет делает то же самое. И умирает, как Петерс и Гортензия. Что теперь?

Внезапно на меня навалилась усталость. Непросто пережить крушение собственного представления о мире: раньше все казалось мне логичным и упорядоченным, я жил во вселенной, где действовали законы причины и следствия. И вдруг все пошло прахом.

– Я не знаю, – едва разлепив губы, пробормотал я.

Встав, Брейль потрепал меня по плечу.

– Отправляйтесь спать, доктор. Медсестра позовет вас, если Рикори проснется. Мы со всем этим разберемся.

– Мы будем отважно идти вперед, какие бы преграды ни стояли на нашем пути, – в шутку сказал я.

– Да. Мы будем отважно идти вперед, какие бы преграды ни стояли на нашем пути, – без тени улыбки повторил Брейль.

Когда мой ассистент ушел, я надолго погрузился в раздумья. Чтобы отогнать от себя неприятные мысли, я решил почитать. Но мне никак не удавалось сосредоточиться на тексте, и я оставил эту затею. Как и палата, в которой лежал Рикори, мой рабочий кабинет находился в пристройке с задней стороны дома, окна выходили в сад. Я подошел к окну и выглянул во двор. И вновь меня охватило ощущение, будто я застыл перед дверью, которую необходимо отпереть, но у меня нет ключа. Отвернувшись от окна, я с изумлением обнаружил, что уже десять часов вечера. Решив не переходить в спальню, я выключил свет и прилег на диван. Почти сразу я провалился в глубокий сон.

Среди ночи я вдруг проснулся – мне почудилось, будто кто-то позвал меня. Я сел на диване, прислушиваясь. В комнате царила тишина. И внезапно я понял, что это странная, гнетущая, чуждая тишина. Густая, как кисель, она заполнила весь мой кабинет, не давая ни единому звуку извне прорваться сюда. Вскочив на ноги, я включил свет. Тишина отступила, будто вытекая из комнаты – медленно, неспешно. Затикали часы – словно с них сдерживали поглощающее звук покрывало. Помотав головой, я подошел к окну и выглянул наружу, ловя прохладный ночной воздух. Перегнувшись через подоконник, я посмотрел на окно палаты Рикори, схватившись рукой за виноградную лозу. И вдруг я почувствовал, что лоза дрожит, будто по ней карабкалось какое-то мелкое животное. В палате Рикори вспыхнул свет. В кабинете за моей спиной включился сигнал тревоги – это означало, что больному срочно требуется моя помощь. Я выбежал из комнаты. Очутившись в коридоре, я увидел, что телохранителей перед палатой нет, а дверь широко распахнута. Добежав до порога комнаты, я застыл в дверном проеме. Один телохранитель ползал перед окном, сжимая в руке пистолет. Второй припал на одно колено рядом с телом на полу, дуло его оружия было направлено на меня. А за столом в палате сидела медсестра. Ее голова безвольно свисала на грудь – девушка то ли спала, то ли потеряла сознание. В постели никого не было. Рикори лежал на полу!

Охранник опустил пистолет, и я метнулся к Рикори. Гангстер лежал ничком, вытянувшись в паре футов от кровати. Я перевернул его. Лицо Рикори было бледным, но сердце билось ровно.

– Помогите мне переложить его на кровать, – сказал я телохранителю. – И запирайте дверь.

Он молча повиновался.

Мужчина у окна, не сходя со своего поста, спросил:

– Босс мертв?

– Нет еще, – ответил я. А потом напустился на охранников, браня их на чем свет стоит: – Да что ж вы за телохранители такие?!

Мужчина, закрывший дверь, грустно хохотнул.

– Не те вы вопросы задаете, док.

Я посмотрел на медсестру. Она все еще была без сознания. Или спала. Стянув с Рикори пижаму, я приступил к осмотру. Ни одной отметины на теле. Введя ему адреналин, я подошел к медсестре и потряс ее за плечо. Она не проснулась. Я поднял ее веки. Узкие зрачки не реагировали на свет. Пульс и дыхание были слабыми, но не настолько, чтобы это представляло опасность для здоровья.

Оставив на время девушку в покое, я повернулся к охранникам.

– Что произошло?

Они напряженно переглянулись. Телохранитель у окна махнул рукой, будто перекладывая всю ответственность за разговор на своего товарища.

– Мы сидели у двери, – начал свой рассказ второй охранник. – И вдруг в доме стало чертовски тихо. Я сказал Джеку: «Слушай, они будто глушилку включили». А он мне: «Ага». Сидим мы, слушаем. А потом вдруг из палаты какой-то стук доносится. Будто на пол что-то

упало. Мы вламываемся в комнату. Босс лежит на полу – ну, вы видели. Медсестра спит – вот как сейчас. Мы нашли кнопку тревоги и нажали ее. И стали ждать, пока вы придете. Вот так все и было, верно, Джек?

– Ага, – с деланным равнодушием ответил телохранитель у окна. – Наверное, все так и было.

Я с подозрением уставился на него.

– Наверное? В каком смысле – наверное?

Они опять переглянулись.

– Ты б ему рассказал, что ли, Билл, – предложил Джек.

– Черт, да он же мне не поверит.

– И никто не поверит. Рассказывай давай.

– Когда мы выбили дверь, – смирившись, продолжил Билл, – мы увидели, что у окна будто две кошки дерутся. Босс лежал на полу. Мы выхватили пистолеты, но стрелять побоялись – мы ж помнили, что вы сказали нам, как важна для босса сейчас тишина. И услышали, как снаружи какой-то звук доносится. Будто на свирели кто-то играет. И эти две твари прекратили драться, запрыгнули на подоконник – да только мы их и видели. Ну, мы к окну. А там ничего нет.

– Вы разглядели тех существ у окна? Как они выглядели? – осведомился я.

– Ты ему скажи, Джек. Я не стану.

– Как куклы!

У меня мурашки побежали по коже. Я ждал такого ответа – и страшился его. Они выпрыгнули из окна! Я вспомнил, как подрагивала виноградная лоза, когда я оперся на нее. Билл всмотрелся в мое лицо и ахнул от удивления.

– О господи, Джек! Да он же нам верит!

– Какие куклы? – Лишь с трудом мне удалось заставить себя задать этот вопрос.

– Первую мы не разглядели, – приободрившись, ответил Джек. – А вторая походила на одну из ваших медсестер, тех, что были в больнице. Только размером в два фута!

Походила на одну из моих медсестер... Он имел в виду Уолтерс... Ноги у меня подкосились, и я присел на край кровати.

И тогда я заметил что-то белое на полу. Присмотревшись, я нагнулся и подобрал вещьцу – это оказалась шапочка медсестры, крошечная копия тех, которые носит медперсонал в больнице. Она как раз подошла бы кукле размером в два фута...

Но под шапочкой было что-то еще. Нить, сплетенная из длинных светло-пепельных волос с девятью странными узлами...

Телохранитель по имени Билл все еще с тревогой смотрел на меня.

– Может, позвать кого-то из ваших, док?

– Постарайтесь связаться с Макканном, – распорядился я. – А вы, Джек, закройте окна, закройте их на все щеколды и опустите шторы. А потом закройте дверь.

Пока Билл говорил по телефону, я спрятал шапочку и «ведьмину петлю» в карман, а сам подошел к медсестре. Ее дыхание и пульс постепенно нормализовались, и через пару минут мне удалось привести ее в чувство. Вначале она недоуменно посмотрела на меня, затем обвела взглядом освещенную палату с двумя телохранителями, и недоумение сменилось испугом.

– Я не видела, как вы вошли! – Медсестра вскочила на ноги. – Я уснула? Что произошло? – В ужасе она зажала ладонью рот.

– Я надеялся, что вы нам расскажете, – мягко сказал я.

Девушка в замешательстве посмотрела на меня.

– Не знаю... – сбивчиво начала она. – Вдруг стало очень тихо... Мне показалось, что я заметила какое-то движение у окна. А потом я почувствовала странный запах. Следующее, что я помню, – вы наклонились надо мной.

– Постарайтесь вспомнить, что вы увидели у окна? Мне может помочь даже самая мелкая деталь или впечатление.

– Там было что-то белое... – поколебавшись, ответила медсестра. – Мне показалось, что кто-то смотрит на меня... А потом появился запах... цветочный такой... И все.

Билл повесил трубку.

– Дело сделано, док. С Макканном скоро свяжутся. Что теперь?

– Мисс Батлер, – я повернулся к медсестре, – на сегодня я освобождаю вас от дежурства. Идите спать. Сон вам сейчас необходим, я вам как врач говорю. И примите пару таблеток. – Я перечислил ей названия препаратов.

– Вы не сердитесь? И не думаете, что я проявила халатность?

– Нет, ни в коем случае. – Улыбнувшись, я потрепал ее по плечу. – Этот медицинский случай принял неожиданный оборот, вот и все. Прошу вас, не задавайте вопросов. – Я провел девушку до двери. – И в точности выполните мои указания.

Заперев за ней дверь, я сел на стул рядом с кроватью Рикори. «Пережитый шок – чем бы он ни был вызван – либо излечит его, либо убьет», – мрачно подумал я.

По телу гангстера прошла дрожь, и он сжал руку в кулак, а потом медленно поднял ее. Губы зашевелились, он что-то произнес на итальянском. Я не понял ни слова. Рука упала на одеяло.

Паралич прошел. Рикори мог двигаться и говорить. Но сможет ли он вновь прийти в сознание? Это решится в ближайшие несколько часов. Я как врач больше ничем не мог ему помочь.

– Послушайте меня внимательно. – Я обратился к двум телохранителям. – То, что я вам сейчас скажу, может показаться странным, но я хочу, чтобы вы в точности выполнили мои указания. От этого зависит жизнь Рикори. Один из вас должен сесть рядом с Рикори в изголовье его кровати и все время оставаться между ним и мной. Если я усну, а он придет в себя, разбудите меня. Если вы заметите какие-то перемены в его состоянии, разбудите меня. Вам ясно?

– Да. – Оба кивнули.

– Замечательно. А теперь главное. Вы должны следить и за моим состоянием. Пока один сидит рядом с Рикори, второй пусть не сводит с меня глаз. Если мне понадобится подойти к вашему боссу, я могу сделать это только по трем причинам: прослушать его сердце, проверить реакцию зрачков или измерить температуру. Безусловно, если его состояние не изменится. Если вам покажется, что я проснулся и пытаюсь сделать что-то другое, – остановите меня. Если я буду сопротивляться – обездвигьте меня. Свяжите и заткните рот кляпом... Впрочем, нет, рот не затыкайте. Послушайте, что я буду говорить, и запомните это, а потом позвоните доктору Брейлю. Вот его номер. – Записав на бумаге цифры, я передал ее охранникам. – И старайтесь причинить мне как можно меньше вреда. – Я рассмеялся.

Телохранители недоуменно переглянулись.

– Как скажете, док... – с сомнением протянул Билл.

– Именно так. Не волнуйтесь. Если вы ошибетесь, я не стану вас обвинять.

– Док знает, что говорит, Билл, – согласился Джек.

– Ну ладно, – нехотя кивнул Билл.

Я выключил свет, кроме ночника на столе медсестры, и, вытянувшись в кресле, повернул абажур ночника так, чтобы свет падал мне на лицо. Эта белая шапочка, найденная на полу, произвела на меня неизгладимое впечатление, будь она неладна! Я положил ее в ящик стола. Джек сел в изголовье кровати Рикори. Билл пододвинул стул и устроился

напротив меня. Я сунул руку в карман и сжал нить с узлами, закрыл глаза, постарался очистить свой разум от всех мыслей и расслабился. На время отказавшись от собственных представлений об устройстве мироздания, я был намерен предоставить мадам Мэндилип возможность действовать.

Пробил час ночи. Я уснул. Где-то завывал сильный ветер. Он приближался, кружил, затем налетел, подхватил меня и понес прочь. У меня не было тела, не было формы, и все же я существовал – бесформенное, сознающее, чувствующее Я. Затерянное в вихре сознание. Ветер нес меня прочь, прочь, прочь. Бестелесный, незримый – я обретал жизнь в этом ветре, нездешнюю беспредельную силу, переполнявшую меня восторгом. А потом буйный ветер швырнул меня обратно, изгнал из того чуждого пространства...

Я словно очнулся, но отзвуки нечеловеческого ликования еще гремели во мне... О, вот же оно, его я должен уничтожить... Там, на кровати... Должен убить, чтобы животворящая сила ликования вернулась... Должен убить, чтобы ветер подхватил меня вновь, унес прочь, наделил силой... Но нужно быть осторожным... осторожным... Ударить туда... в горло, прямо под ухом... И тогда меня подхватит ветер... Ударить прямо в пульсирующую жилку на горле... Но что держит меня? Осторожно... осторожно... «Мне нужно измерить его температуру»... Да, вот что нужно сказать... осторожно... «Мне нужно измерить его температуру»... А теперь – один прыжок, удар... прямо в пульсирующую жилку на горле... «Ну уж нет, с этим вы никуда не пойдете!» Кто это сказал? Что-то все еще удерживает меня... Ярость... Всепоглощающая беспощадная темнота... Завывания ветра стихают...

– Влепи-ка ему еще раз, Билл. Только не так сильно. Он приходит в себя.

Я ощутил острую боль в щеке. Туман, заставший мне глаза, рассеялся. Я стоял между столом медсестры и кроватью Рикори. Джек прижимал мои локти к бокам. Билл занес ладонь для очередной пощечины. А я что-то сжимал в правой руке. Скальпель, острый как бритва!

Я отбросил скальпель.

– Все в порядке, можете меня отпустить, – тихо сказал я.

Билл промолчал. Его товарищ не ослабил хватку. Повернувшись, я увидел, что вся кровь отхлынула от его лица.

– Именно этого я и ожидал, – объяснил я. – Вот почему я проинструктировал вас подобным образом. Все уже завершилось. Можете направить на меня оружие, если хотите.

Державший меня охранник опустил руки.

– Вы довольно сильно меня ударили, Билл. – Я осторожно коснулся своей щеки кончиками пальцев.

– Видели бы вы свое лицо, док, вы бы удивились, что я не прибил вас на месте... – Он пожал плечами.

Я кивнул, вспоминая, какая дьявольская ярость охватила меня в момент помутнения рассудка.

– Что я делал?

– Вы проснулись. С минуту сидели за столом, глядя на босса, – начал Билл. – Потом что-то взяли из ящика и встали. Сказали, мол, вам нужно измерить его температуру. Двинулись к нему. И мы увидели, что у вас в руке. «Ну уж нет, с этим вы никуда не пойдете!» – закричал я. Джек вас схватил. А потом вы точно с ума сошли. Пришлось навернуть вам пару раз. Вот и все.

Я опять кивнул. Достав из кармана нить из женских волос, я поднял ее над подносом для инструментов и чиркнул спичкой. Нить загорелась, извиваясь, точно маленькая змейка: казалось, что узлы развязываются, когда их касается пламя. Бросив ее на поднос, я увидел, как она превратилась в пепел.

– Я думаю, проблем сегодня больше не будет. Но оставайтесь начеку, как и прежде.

Сев обратно в кресло, я закрыл глаза.

Что ж, Брейль не показал мне душу, но теперь я поверил в силы мадам Мэндилип.

Глава 11

Кукла убивает

Остаток ночи я проспал без сновидений и проснулся, как всегда, в семь утра. Охранники все еще наблюдали за мной. Я спросил, не объявлялся ли Макканн. Они сказали, что нет. Меня это немного удивило, но им отсутствие южанина не показалось чем-то странным. Вскоре Джека и Билла должны были сменить, и я предупредил их, чтобы они не говорили о случившемся этой ночью ни с кем, кроме Макканна, напомнив, что им, скорее всего, в любом случае никто не поверит. Они с серьезным видом заверили меня в своем намерении хранить молчание. Я распорядился, чтобы их сменщики теперь дежурили непосредственно в палате, пока Рикори не поправится.

Осмотрев Рикори, я понял, что его состояние стабилизировалось во всех отношениях. Мужчина крепко спал. Судя по моим наблюдениям, второй шок, как это иногда бывает, снял негативные последствия первого. Когда Рикори проснется, он сможет двигаться и говорить. Сообщив это охранникам, я увидел, что им не терпится засыпать меня вопросами, но не стал им потакать.

В восемь утра пришла дневная медсестра. Она очень удивилась, узнав, что Батлер спит, а я подменил ее ночью. Я ничего не стал ей объяснять, только предупредил, что охрана теперь будет находиться в палате, а не у двери.

В половине девятого Брейль пришел ко мне позавтракать и доложить. Выслушав его отчет о состоянии пациентов в больнице, я вкратце рассказал о случившемся ночью, умолчав о шапочке медсестры и своем странном состоянии.

Собственно, я не стал упоминать об этом по вполне понятным причинам. Во-первых, Брейля могла выбить из колеи новость о шапочке – я укрепился в своих подозрениях, что Брейль был тайно влюблен в Уолтерс. Услышав о шапочке, он мог сразу направиться к мадам Мэндилип. И если обычно мой ассистент был человеком рациональным и сдержанным, в этом вопросе он мог оказаться легко подверженным внушению. Такой визит таил бы опасность для него, к тому же его наблюдения и умозаключения обесценились бы. Во-вторых, если бы он узнал о моем состоянии этой ночью, он, безусловно, установил бы за мной круглосуточное наблюдение. И в первом, и во втором случае я не добился бы своей цели – поговорить с мадам Мэндилип наедине, взяв с собой только Макканна для охраны. И то я намеревался оставить громилу у входа в магазин.

Я не знал, чего ждать от этой встречи. Очевидно, это был единственный способ сохранить самоуважение. Если бы я признал, что случившееся было проявлением ведовства, темной магии, сверхъестественных сил, то поддался бы суеверию. Сверхъестественного не существует. Если мы наблюдаем какое-то явление, оно должно подчиняться законам природы. Материальные объекты должны существовать в рамках определенных закономерностей. Возможно, человечество еще не до конца познало эти закономерности, тем не менее они существуют. Если мадам Мэндилип обладала познаниями в области какой-то неведомой мне науки, то я как ученый должен был выяснить все, что только мог. В особенности, учитывая мой собственный эмпирический опыт этой ночью. Я сумел обыграть ее на ее поле – если, конечно, все случившееся со мной не было результатом самовнушения. Тем не менее это придавало мне приятное чувство уверенности. Я должен был встретиться с мадам Мэндилип.

В тот день мне предстояло консультировать пациентов, я не мог уйти до двух дня. Я попросил Брейля остаться на дежурстве с Рикори на пару часов.

В десять мне позвонила медсестра и сказала, что Рикори пришел в себя и зовет меня. Когда я вошел в комнату, мужчина улыбнулся.

– Я думаю, доктор Лоуэлл, вы не только спасли мою жизнь, вы совершили кое-что намного большее. Рикори благодарит вас. Он никогда не забудет об этом! – Гангстер выразился несколько витиевато, но эти слова вполне соответствовали его характеру.

Я с облегчением вздохнул.

– Мы мигом поставим вас на ноги. – Взяв его за запястье, я прощупал пульс, а потом потрепал его по руке.

– Кто-нибудь еще погиб? – шепотом спросил Рикори.

Я не знал, помнит ли он что-то из случившегося ночью.

– Нет. Но вы потеряли много сил с тех пор, как Макканн привез вас сюда. Вам не следует утомлять себя разговорами. Ничего не случилось. Ах, да. Сегодня утром вы упали, вставая с кровати. Вы помните?

Рикори посмотрел на охранников.

– Я слаб. Я очень слаб. Вам нужно вернуть мне силы как можно скорее.

– Через два дня вы сможете подняться на ноги.

– Через два дня меня здесь уже не должно быть. Мне предстоит кое-что сделать. Это срочно.

Я не хотел, чтобы он волновался, и потому не стал спрашивать, что же случилось в машине.

– Это целиком и полностью зависит от вас, – с нажимом произнес я. – Вам нельзя нервничать. И вы должны выполнять все мои указания. Сейчас мне нужно уходить – необходимо обсудить с медсестрой ваш режим питания. Кроме того, я хочу, чтобы ваши охранники находились в этой комнате.

– И при этом вы говорите, что ничего не случилось, – хмыкнул Рикори.

– Я намерен принять все меры предосторожности, чтобы ничего и не случилось. – Я склонился к его уху и прошептал: – Макканн установил слежку за Мэндилип. Ей не бежать.

– Но ее слуги более расторопны, чем мои, доктор Лоуэлл...

Я пристально посмотрел на него. Он ответил мне невозмутимым взглядом.

Погрузившись в раздумья, я вернулся в свой кабинет. Что было известно Рикори?

В одиннадцать мне позвонил Макканн. Я был так рад услышать его голос, что даже немного разозлился.

– Где, черт побери, вы... – начал я.

– Послушайте, док. Я у Молли, сестры Петерса, – перебил он. – Немедленно приезжайте сюда.

Такое резкое требование только разожгло мой гнев.

– Не сейчас, – отрезал я. – У меня сегодня приемный день. Я не освобожусь до двух.

– А вы не можете отменить прием? Кое-что случилось. Я вроде как не знаю, что делать! – В его голосе звучало отчаяние.

– Что произошло? – спросил я.

– Это не телефонный... – Его голос изменился, в нем зазвучала нежность. – Ну, не плачь, Молли. Слезами тут не поможешь... – Помолчав, он вернулся к разговору со мной: – В общем, приезжайте, как сможете, док. Я вас подожду. Это, адрес-то запишите.

Пока я писал, я услышал, как он говорит с Молли:

– Ну-ну, я ж тебя не брошу, ну...

Он бросил трубку. Обеспокоенный, я вернулся за стол. Макканн не спросил меня о Рикори. Это само по себе внушало тревогу. Молли? Сестра Петерса, ну конечно! Она узнала о смерти брата, и у нее случился нервный срыв? Я вспомнил слова Рикори о ее беременности. Нет, что-то тут не так. Паника Макканна вызвана вовсе не состоянием Молли. Тревога во мне нарастала. Я просмотрел свои консультации на сегодня. Срочных пациен-

тов не было. Вдруг приняв решение, я велел секретарю позвонить пациентам и отменить их визит на сегодня. Затем я вызвал такси и поехал по указанному Макканном адресу.

Громила встретил меня у двери квартиры. Щеки у него ввалились, глаза бегали. Взяв меня под руку, он потащил меня по коридору. Дойдя до двери комнаты, я увидел женщину с хныкающим ребенком на руках. Но мы с Макканном прошли мимо — он вел меня в спальню.

Там на кровати лежал накрытый одеялом мужчина. Вскоре я понял, что он скончался много часов назад.

— Это муж Молли, — сказал Макканн. — Осмотрите его, как вы осматривали босса, док.

У меня появилось неприятное ощущение, будто чья-то неумолимая рука толкает меня от одного зловещего случая к другому: Петерс, Уолтерс, Рикори, этот бедняга... Когда же эта череда событий прекратится?

Я раздел мертвеца, достал из сумки увеличительное стекло и зонды для обследования ран и начал дюйм за дюймом осматривать тело, начав с груди. Никаких следов насилия... А потом я перевернул тело... и сразу увидел крошечный след от укола в основании черепа.

Взяв самый тонкий зонд, я ввел его в рану. У меня возникло ощущение дежавю. Осторожно поведя зондом, я понял, что пострадавшего ударили длинной тонкой иглой в основание черепа, именно в ту точку, где спинной мозг соединяется с головным. Иголку провернули в ране, повредив нервную ткань, что привело к параличу дыхания и почти мгновенной смерти.

Убрав зонд, я повернулся к Макканну.

— Этого человека убили тем же оружием, при помощи которого совершили покушение на Рикори. Но в этом случае нападавший довел свое дело до конца. Этот человек уже не очнется.

— Да? — тихо сказал Макканн. — В машине с Рикори сидели только я и Паоло, верно я говорю, док? А тут, с этим бедолагой, были только его жена и ребенок. Что вы теперь скажете, а, док? Скажете, что вроде как Молли или ее дочурка его укололи? Будете подозревать их, как нас подозревали?

— Что вам известно о случившемся, Макканн? — осведомился я. — И как вы оказались здесь? Случайно?

— Меня тут не было, когда его убили, ежели вы на то намекаете, док, — спокойно ответил громила. — А ежели вы спросите, когда это стряслось, так было два часа ночи. Молли до меня дозвонилась с час назад, ну, я сразу вроде как и приехал.

— Что ж, ей повезло больше, чем мне, — сухо заметил я. — Люди Рикори пытались связаться с вами с прошлой ночи.

— Это да. Но я ж о том не знал, пока они меня не нашли. А тут и Молли позвонила. Я как раз к вам идти собирался. А ежели вам хочется узнать, где я всю ночь ошивался, так я вам расскажу. Я занимался делом босса. Ну, и вашим. В основном, пытался понять, куда эта чертовка племянница задевала свою машину. Ну, и узнал. Да только поздно было.

— Но люди, которых вы поставили следить...

— Слушайте, док, вы бы с Молли поговорили, а? — перебил он. — Я за нее вроде как боюсь. На вас одна надежда была.

— Пойдемте к ней, — бросил я.

Мы перешли в соседнюю комнату. На вид женщине было лет двадцать семь — двадцать восемь. При других обстоятельствах она выглядела бы настоящей красавицей. Теперь же миловидное личико осунулось, под глазами пролегли круги, на ее прелестных чертах лежала печать ужаса, будто женщина была на грани помешательства. Она глядела на меня, не видя, кончики пальцев терли губы, а в ее сознании сейчас не было места ни для чего, кроме горя и страха. Ребенок, девочка лет четырех, тихо плакала.

Макканн легонько встряхнул женщину за плечо.

– Ну же, Молли. – В его обычно грубом голосе слышалось неподдельное сочувствие. – Док пришел.

Взгляд женщины сфокусировался на мне. Медленно тянулись мгновения.

А потом она спросила, будто хватаясь за последнюю соломинку надежды:

– Он мертв?

Ответ она прочла на моем лице.

– О, Джонни! – вскрикнула она. – Джонни умер! – Молли прижала к себе дочку. – Папочки больше не будет с нами. Ему пришлось нас оставить. Не плачь, солнышко, скоро мы с ним увидимся! – Ее голос стал спокойным, монотонным.

Я ждал, что она разрыдается, но страх сковывал все другие чувства, не давал проявиться скорби. Я понимал, что ее сознание не сможет долго выдерживать такое напряжение.

– Макканн, – шепнул я, – сделайте что-нибудь. Нужно вывести ее из ступора. Разозлите ее. Или заставьте заплакать. Что-нибудь.

Он кивнул. Забрав у нее ребенка, он усадил девочку на стул у себя за спиной, а потом приблизил свое лицо к лицу женщины.

– Нечего тут комедию ломать, Молли! – рявкнул он. – Говори, зачем ты Джона убила?

Вначале женщина будто не поняла его слов. Потом по ее телу прошла дрожь, страх отступил, сменившись яростью. Она набросилась на Макканна, принялась избивать его кулаками. Громила перехватил ее запястья и прижал женщину к себе. Дочь Молли завизжала.

Тело женщины расслабилось, она опустила руки и, рухнув на колени, прижалась лбом к полу. Ее сотрясали рыдания. Макканн попытался поднять ее, утешить, но я остановил его.

– Пусть выплачется. Так ей будет легче.

Через какое-то время Молли посмотрела на Макканна и потрясенно произнесла:

– Ты правда так думаешь, Дэн? Что я убила его?

– Нет. Я ж знаю, что это не ты, Молли. Но тебе нужно вроде как взять себя в руки и поговорить с доком. Нам многое предстоит сделать.

– Вы хотите допросить меня, доктор? – уже спокойно спросила она. – Или мне просто объяснить вам, что случилось?

– Ты расскажи ему, как мне рассказывала, – посоветовал Макканн. – Начни с куклы.

– Именно так, – согласился я. – Расскажите мне о произошедшем, а если у меня возникнут какие-то вопросы, то я задам их позже.

– Вчера вечером Дэн позвал меня прогуляться, – начала Молли. – Обычно Джон не приходит... не приходил с работы раньше шести. Но вчера он решил прийти пораньше, часа в три – волновался, что я сижу тут без присмотра. Ему нравится... нравился Дэн, вот Джон и уговорил меня пойти проветриться. Я вернулась около шести. «Пока тебя не было, Молли, пришла посылка. Подарок для малышки, – сказал он мне. – Еще одна кукла. Могу поспорить, Том прислал». Том – мой брат. Я увидела большую коробку на столе и открыла ее. Там лежала удивительная кукла – маленькая девочка, не пупс, а школьница лет десяти-двенадцати, в форме, с рюкзачком. Идеальная кукла, прямо как настоящий человечек, только с фут высотой. И личико у нее было такое прелестное – прямо ангелочек. «Посылка предназначалась тебе, но я подумал, что там цветы, и открыл ее, – сказал Джон. – Смотри, кажется, что эта малышка вот-вот заговорит, да? Это прямо не кукла, а портрет, произведение искусства. Уверен, какая-то девчушка позировала для создания этой вещицы». Я сразу поняла, что куклу прислал Том, потому что он подарил нашей Молли-младшей куклу, а до того моя соседка... она умерла недавно... так вот, моя соседка подарила малышке другую куклу и сказала, что купила ее в магазине, где владелица попросила ее попозировать. Вот я и поняла, что это Том куклу купил. Но я все равно спросила у Джона: «А при ней не было открытки или чего-нибудь в этом роде?» «Нет, – сказал он. – Только какая-то странная штука. Где же она? Наверное, в карман сунул». Он принялся рыться в карманах и достал шнур с узелками,

и мне показалось, что этот шнур сделан из волос. «И что это Том только выдумал?» – удивилась я. Джон сунул этот шнурок обратно в карман, и я о нем больше не думала. Малышка Молли спала. Мы положили куклу рядом с ней, чтобы она увидела ее, когда проснется. Она пришла в восторг. Мы сели ужинать, а Молли все играла с куклой. Уложив дочь, я хотела забрать игрушку, но малышка так расплакалась, что пришлось позволить ей спать с куклой. Мы еще немного поиграли с Томом в карты, а в одиннадцать легли спать. Молли беспокойно спит, поэтому мы не опускаем на ночь стенки кровати. Кровать стоит в углу нашей спальни, рядом с одним из окон. Между окнами стоит мое трюмо. Мы спали ногами к окнам. Перед сном мы еще посмотрели на Молли-младшую – мы всегда так делаем. Во сне дочка прижимала к себе куклу. Джон сказал: «Господи, Молли, эта игрушка похожа на настоящего живого ребенка. Я бы не удивился, если бы она ходила и говорила. И какая хорошенькая девчушка позировала». Это правда. У куклы было такое миленькое, доброе личико. Ох, доктор Лоуэлл... От этого еще страшнее. Это так ужасно...

Я увидел, как страх вновь разгорается в ее глазах.

– Спокойно, Молли, – прервал ее Макканн.

– Я попыталась забрать у малышки куклу. Она была такой красивой, я боялась, что дочка ее придавит или повредит, – поспешно продолжила женщина. – Но Молли очень крепко ее к себе прижимала, а мне не хотелось будить ребенка. Поэтому куклу я там и оставила. Когда мы разделись, Джон достал шнурок с узлами из кармана. «Какие странные узлы, – сказал он. – Как Том придет, спроси у него, зачем эта штука». Он бросил шнурок на прикроватный столик и вскоре уснул. А потом и я заснула. Я проснулась среди ночи... или мне показалось, что я проснулась... Не знаю, был это сон или нет. Наверное, просто кошмар, и все же... О господи, Джон мертв... Я слышала, как он умирает... – Молли опять расплакалась. – Если это был не сон, то меня разбудила тишина. И все-таки из-за этой тишины я и думаю, что спала. Не бывает такой тишины. Разве что в кошмаре. Мы живем на втором этаже, с улицы всегда доносятся какие-то звуки. А тогда их не было. Как будто... как будто весь мир отгородился от нас толстой стеной. Я села в кровати, прислушиваясь, пытаюсь хоть что-то уловить. Но я не слышала даже дыхания Джона. Я испугалась – было в этой тишине что-то страшное! Живое! Злое! Я хотела повернуться к Джону, дотронуться до него, разбудить. Но я больше не могла пошевелиться! Не могла и пальцем шелохнуть! Я попыталась закричать – и не вышло! Мы не зашториваем окна на ночь, и с улицы лился слабый свет. И вдруг он погас. В комнате стало темно. Совсем темно. А потом появилось какое-то синевато-зеленое свечение, вначале слабое, тусклое. И свет лился не снаружи, его источник был в самой комнате. Свечение усиливалось и затухало, всякий раз вспыхивая все ярче. Зеленое, как светлячок. Или как луна, если смотреть на нее со дна подернувшейся илом реки. Мигание прекратилось, теперь свет был ровным. Правда, не знаю, можно ли назвать его светом. Будто и свет, а будто и нет. Не яркий, сумрачный, он был повсюду – под трюмо, под стульями... Я имею в виду, без теней. Я видела все в спальне. Молли спала в кровати, голова куклы лежала на ее плече... И вдруг кукла дернулась! Она повернула голову, словно прислушиваясь к дыханию ребенка. И, дотронувшись пальцами до руки Молли, высвободилась, садясь в кровать! В тот момент я была уже уверена, что сплю, – странная тишина, свечение, а теперь еще и это... Кукла перебралась через стенку кровати и спрыгнула на пол, а потом вприпрыжку побежала к нашей постели, помахивая рюкзаком. Она вертела головой, осматривая спальню, как любопытный ребенок. Заметив трюмо, она остановилась, глядя в зеркало, а потом забралась на табурет перед трюмо. Перепрыгнув с табурета на столик перед зеркалом, она отбросила рюкзак в сторону и начала любоваться своим отражением, крутясь в разные стороны и жеманничая. У меня мелькнула мысль: «Какой странный сон!» Кукла приблизила лицо к зеркалу и поправила прическу. «Какая самовлюбленная куколка! – подумала я. – Мне это снится, ведь Джон сказал, мол, он бы не удивился, если бы она ходила

и говорила. Но как я могу обдумывать свой сон во сне?» Эта мысль показалась мне настолько абсурдной, что я рассмеялась. Я знала, что я не издала ни звука, не могла ничего произнести, что засмеялась только мысленно. Но кукла словно услышала. Она повернулась и посмотрела прямо на меня. Мое сердце замерло. У меня бывают кошмары, доктор Лоуэлл, но таких ужасных еще никогда не случалось. Глаза этой куклы были глазами самого дьявола! Они светились красным... то есть... правда, светились... как светятся глаза животных в темноте. И от этого адского свечения будто чья-то ладонь сжала мое сердце! Эти дьявольские глаза – на ангельском лице. Не знаю, сколько кукла стояла там, глядя на меня. Но затем она уселась на край трюмо, болтая ногами, как ребенок. Медленно-медленно она подняла руку и что-то достала из-за спины. Длинную булавку... похожую на шпагу. Она прыгнула с трюмо на пол, двинулась в мою сторону. На время я потеряла ее из виду – но уже через пару секунд она забралась на кровать и встала у ног Джона, все еще глядя на меня, – глаза красные, горят! Я пыталась кричать, пошевелиться, разбудить Джона. Я молилась Богу: «О Господи, пусть он проснется! Боже, пусть он проснется!» Кукла отвернулась. Она стояла там, глядя на Джона. А потом поползла к его голове. Я попыталась повернуться, но не смогла. Кукла скрылась из моего поля зрения. Я услышала ужасный стон. Джон вздрогнул, потом начал корчиться в судороге... Я услышала, как он испустил последний вздох. Я знала, что Джон умирает, но ничего не могла поделать... в этой тишине, в этом зеленом сумрачном свете... А потом с улицы, из-под окон, донеслась игра свирели. Рядом послышалось какое-то копошение, кукла прыгнула с кровати и забралась на подоконник. Она посидела там немного, глядя на улицу. Я увидела: она что-то держит в руке – тот шнурок с узлами, который Джон оставил на столе. Я опять услышала музыку. Кукла выпрыгнула из окна: взгляд ее красных глаз, крошечные ручки, держащиеся за край подоконника... И она исчезла. Зеленое свечение угасло, замерцав. Свет фонаря опять упал в комнату. А тишина... ее словно... словно высосали. А потом меня накрыла волна тьмы, и я забылась глубоким сном. Перед этим я успела услышать, как часы пробили два. Когда я проснулась... или очнулась от обморока... я увидела, что Джон лежит неподвижно. Я прикоснулась к нему – а он холодный! Я сразу поняла, что он умер! Доктор Лоуэлл, скажите мне, это был сон? Я знаю, что кукла не могла убить Джона! Может быть, он звал меня, умирая, и от этого я увидела сон? Или это я... я убила его во сне?!

Глава 12

Метод мадам Мэндилип

Боль в ее глазах не позволила мне открыть ей правду. И я солгал.

– В этом я могу вас утешить. Ваш супруг умер по совершенно естественной причине – у него случился инсульт, произошла закупорка сосуда головного мозга. Я уже осмотрел тело и могу заверить вас в этом. Вы ни в чем не виноваты. Что касается куклы – у вас был необычайно яркий сон, вот и все.

Судя по ее виду, бедняжка готова была на все, чтобы это оказалось правдой.

– Но я слышала, как он умер! – сказала она.

– Это вполне возможно. – Я решил прибегнуть к сугубо медицинскому и научному объяснению, которое Молли могла и не понять, не будучи специалистом, но тем не менее я надеялся, что мои доводы будут убедительными. – Вы могли пребывать в пограничном состоянии между сном и явью, в медицине это называется катаlepsия пробуждения. Существует высокая вероятность того, что весь увиденный вами сон был вызван тем, что вы услышали в реальности. Ваше бессознательное пыталось объяснить звуки и создало рассказанное вами фантастическое видение. Во сне вам казалось, что прошло несколько минут, на самом же деле речь шла о доле секунды – так работает механизм сновидений. Это довольно распространенное явление. К примеру, захлопывается дверь или раздается другой резкий звук. Человек просыпается. Полностью переходя в состояние бодрствования, он вспоминает удивительно яркий и длинный сон, сюжетным завершением которого выступает этот звук. На самом же деле сон начался с этого звука. Ему кажется, что события в сновидении заняли несколько часов. В реальности же успело пройти несколько секунд с момента звука и до полного пробуждения.

Женщина вздохнула, боль в ее глазах притупилась.

– Кроме того, вы должны учитывать еще один факт – ваше состояние. Многие женщины в такое время видят яркие, реалистичные сны, обычно неприятного содержания. Иногда они даже подвержены галлюцинациям.

Молли поколебалась, я увидел, как тень сомнения скользнула по ее лицу.

– Но кукла! Кукла же пропала!

Я мысленно выругался, не находя ответа. Это застало меня врасплох.

Зато Макканн был готов к такому повороту событий.

– Ну конечно, пропала, Молли. Я ж ее в мусорку выбросил. Ты мне как рассказала, что случилось, я вроде как подумал, что лучше б тебе эту куклу больше не видеть.

– Где ты ее нашел? – резко спросила Молли. – Я ее искала.

– Наверное, ты была не в том состоянии, чтобы искать, – ответил громила. – Я ее нашел за кроватью, она вся в простыне запуталась. И помялась. Похоже, малая на ней всю ночь провалялась.

– Да, она могла туда упасть... – с сомнением протянула Молли. – Там я, кажется, не смотрела.

Чтобы женщина не догадалась, что мы с Макканном сговорились, я напустился на южанина:

– Нельзя было так делать, Макканн. Если бы вы показали куклу миссис Гилмор, она бы сразу поняла, что все это был только сон. Это избавило бы ее от мучительных сомнений.

– Ну, я ж не доктор. – Макканн угрюмо пожал плечами. – Я ж думал, так лучше будет.

– Так сходите и верните ее, – резко приказал я.

Макканн внимательно посмотрел на меня. Я едва заметно кивнул, надеясь, что он меня поймет.

Громила вернулся через пару минут.

– Мусор вроде как забрали только с четверть часа назад, – мрачно сообщил он. – Куклы и след простыл. Зато я вот что нашел. – Он протянул игрушечный рюкзачок с пятью крошечными книжками.

– Тебе приснилось, будто кукла бросила эту штуку на трюмо, верно говорю, Молли?

Уставившись на игрушечные книги, женщина отпрянула.

– Да, – прошептала она. – Пожалуйста, убери это, Дэн. Не хочу этого видеть.

– Ну вот, я вроде как прав был, когда ту куклу выкинул, так-то, док.

– Как бы то ни было, теперь миссис Гилмор уверена, что все это был лишь сон. Поэтому ничего страшного. А теперь вам стоит прислушаться к совету врача. – Я осторожно сжал ее холодную руку. – Я не хочу, чтобы вы оставались здесь. Вам нужно уехать как можно быстрее. Соберите вещи, которые понадобятся вам и вашей дочери в течение недели, и уезжайте. Я думаю о вашем состоянии – о будущем ребенке. Я сам улажу все необходимые формальности. В остальном вы можете высказать свои пожелания Макканну. Но я считаю, что вам необходимо уехать. Вы сможете это сделать?

К моему облегчению, женщина согласилась. Ей нелегко далось прощание с усопшим, но уже вскоре они с Макканном уехали к ее родственникам. Малышка Молли хотела взять своих кукол, но я не позволил – даже рискуя вновь навлечь на себя подозрения матери. Я не желал, чтобы у них были при себе вещи мадам Мэндилип, когда они уедут. Макканн поддержал меня, и кукол оставили в квартире.

Я позвонил знакомому работнику похоронного бюро и еще раз осмотрел тело. Я был уверен, что никто не заметит крошечный прокол в основании черепа. Вскрытие тоже делать не станут – я выписал справку о причине смерти, а мое экспертное мнение никто не подвергнет сомнению. Когда приехал представитель похоронного бюро, я объяснил отсутствие супруги ее беременностью: мол, роды могут начаться в любой момент, и я как врач посоветовал ей уехать, чтобы не подвергать себя излишней эмоциональной нагрузке. Записывая в справке диагноз «тромботический инсульт», я вспомнил о лечащем враче банкира и моих собственных мыслях по этому поводу.

Когда тело забрали, я остался в квартире, ожидая приезда Макканна и раздумывая о фантазмагории, уже долгое время разыгрывавшейся вокруг меня. Я старался освободить свой разум от всех предрассудков, от любой предвзятости в отношении того, что может или не может существовать. Прежде всего, я признал, что мадам Мэндилип может обладать какими-то познаниями, неизвестными современной науке. Я отказывался называть эту совокупность знаний колдовством или ведовством. Эти слова ничего не означали, поскольку много веков применялись для обозначения совершенно естественных феноменов, чьи причины просто были не поняты. К примеру, еще недавно зажженная спичка казалась «колдовством» многим диким племенам.

Нет, мадам Мэндилип не была «ведьмой», как назвал ее Рикори. Она понимала какие-то неизвестные мне законы природы – вот и все. А раз это законы природы, их можно изучить научными методами, пусть я еще не понимаю закономерностей, лежащих в основе таких явлений. Пусть мне кажется, что действия Мэндилип нарушают логические законы причины и следствия, это лишь значит, что в их случае законы причины и следствия имеют некую специфику. В этих феноменах нет ничего сверхъестественного, только я, как тот дикарь, не знаю, отчего загорается спичка. Но кое-какие закономерности в этих явлениях, что-то в методе кукольницы – а под методом я в данном случае понимаю последовательность неких действий, направленных на достижение поставленной цели, – я начал понимать. Нить с узлами, «ведьмина петля», судя по всему, была необходима для начала действий куклы. Первую такую нить подбросили в карман Рикори перед первым нападением на него. Вторую я нашел у его кровати после невероятных событий той ночи. Я уснул, держа «ведьмину

петлю» в руке, – и попытался убить своего пациента! Третья такая нить сыграла свою роль в убийстве Джона Гилмора.

Очевидно, нить была частью метода для управления действиями кукол. Однако же этой гипотезе противоречил тот факт, что у подвыпившего франта на бульваре не было «ведьминой петли», когда на него напал кукольный Петерс. Тем не менее нить могла лишь активировать этих кукол, а после активации они продолжали действовать еще какое-то время.

Сам процесс создания кукол также позволял выявить некоторые закономерности. Во-первых, требовалось добровольное согласие жертвы на роль модели. Во-вторых, в лавке жертвы получали некое ранение, требовавшее применения мази, которая и приводила к необъяснимой с медицинской точки зрения смерти. В-третьих, кукла должна была представлять собой точную копию жертвы. Сходные симптомы указывали на одну и ту же причину смерти во всех восьми случаях. Но были ли эти смерти связаны с необычайными способностями кукол? Были ли они необходимы для «оживления» кукол? Мэндилип могла считать именно так. Более того, она, безусловно, именно так и считала.

В отличие от меня.

Я признавал, что кукла, ударившая Рикори, являлась точной копией Петерса. Что кукла, увиденная охранниками у окна палаты, могла быть копией медсестры Уолтерс. Что кукла, проколовшая основание черепа Гилмора, была копией одиннадцатилетней школьницы Аниты. Но мой разум отказывался признать, что какая-то часть Петерса, Уолтерс, Аниты оживляла эти куклы. Что после смерти жизненная сила этих людей, их рассудок, их «души» были украдены и преобразованы в некую злую сущность, а потом заключены в этих куклах с пружинными скелетами... Я не мог заставить себя даже рассматривать такую возможность.

Мои размышления прервало возвращение Макканна.

– Ну что, с этим хоть расправились, верно говорю, док?

– Скажите, Макканн... Вы случайно не сказали правду, когда заявили, что нашли куклу?

– Нет, док. Куклы в комнате не было.

– Но где вы взяли рюкзак с книжками?

– На трюмо. Молли ж сказала, что кукла туда его бросила. Я их забрал, когда она мне все рассказала. Молли рюкзак не видела. Вот я и подумал, что пригодится. И ведь пригодилось-то, верно?

– Да, вы меня, признаться, удивили, – ответил я. – Не знаю, чтобы мы делали, если бы она спросила о нити с узлами.

– Ну, про нить-то Молли особо не подумала... – Макканн поколебался. – Но как по мне, то она чертовски много значит, док. Мне вроде как кажется, что ежели б я ее тем вечером не вывел прогуляться или ежели б Джона дома не было и Молли сама открыла ту коробку... Мне кажется, это Молли умерла б, а не он.

– Вы хотите сказать...

– Я вроде как хочу сказать, что куклы идут к тому, у кого этот чертов шнурок! – мрачно заявил он.

В сущности, именно так думал и я.

– Но зачем кому-то убивать Молли?

– Может, кто-то решил, что она слишком много знает. И тут я вспомнил, док, что вроде как собирался вам кое-что рассказать. Этой карге Мэндилип известно, что за ней хвост!

– Что ж, ее подручные лучше, чем наши. – Мне вспомнилась похожая мысль Рикори.

Я рассказал Макканну о втором нападении и о том, почему я искал его.

– Так-то. Это и доказывает, что Мэндилип знает о слежке. Она ж, выходит, пыталась избавиться и от босса, и от Молли. А теперь наш черед, док.

– Но куклами управляют, – сказал я. – Музыка за окном подала им сигнал. И они не растворяются в воздухе. Они слышат мелодию свирели и идут к тому, кто на ней играет. Кукол нужно было вывезти из магазина. Это сделала либо Мэндилип, либо ее племянница. Как им удалось проскользнуть мимо ваших людей?

– Не знаю.

Я видел тревогу на его лице.

– Это белесая девка делает. Давайте я расскажу вам, что узнал, док. Я когда прошлой ночью от вас ушел – так сразу к парням, узнать, что там да как. Они мне много чего пона-рассказали. Мол, вроде как в четыре девка пошла из зала в комнату, а старуха засела в лавке. Мои парни ничего такого не подумали. Но в семь – кого они видят? Топают по дороге к лавке эта самая деваха. Парни мои давай чехвостить ребятушек, которые стоят, значит, с другой стороны дома. Вот только те ребятушки не видели, как девка выходила. И всю вину валят на парней со стороны магазина. В одиннадцать к ним приходит один парнишка – сменщик. И говорит, что шел по Бродвею, глядь – а из-за угла двухместная легковушка вырывается. А в ней – наша белесая деваха. И парнишка не мог ошибиться, потому что на ту девку уже в лавке посмотрелся. Едет она по Бродвею, а парнишка наш просек, что за ней хвоста нет. Думает такси поймать – но ни одного такси вокруг нет, даже машинки, чтоб угнать, не припарковано. И он идет к нашим разбираться, какого черта. И опять никто не углядел, как та деваха вышла из дома. Я беру пару ребят, и мы, значит, прочесываем квартал, думаем, может, найдем, где она машину оставляет. Только все без толку. В четыре один из парней, приглядывавших, значит, за домом, подходит ко мне. Говорит, мол, часа в три видел, как деваха – по крайней мере, он думает, что то была она, – шла по улице с другой стороны лавки. Мол, тащила огромные чемоданы, но то ей особо не мешало. Шла быстро – но в другую сторону от лавки. Парнишка-то, ясное дело, за ней пошел, да только она как сквозь землю провалилась. Он повынюхивал в окрестностях, там, говорит, и мышь не проскочит, только темнотища. Он подергал ручки дверей в домах, но везде вроде как заперто. Ну, он и струхнул. Пошел за мной. Я иду с ним, все там осматриваю. Пропала девица в трех домах от лавки. Там как бы в основном магазины да склады. Никто там не живет. Дома все как есть старые. Я, знай, круги наворачиваю да думаю, как же она в свою лавку-то пробралась? Может, парнишка мой ошибся? Увидел кого-то другого, вот бес и попутал. Бродили мы там, бродили и нашли местечко, где можно машину припрятать. Ну, ломать – не строить, да и дверь хлипкая попалась, так что вскоре вот уж она перед нами стоит, родимая, легковушка двухместная, а мотор еще теплый. И марка машины, по словам парнишки, совпадает. Я там все запираю и иду к ребятушкам. Дежурю с ними до конца ночи. В лавке темно. А утром, в восемь, эта гадина белобрысая заявляется в зал лавки и открывает дверь изнутри!

– Однако же у вас нет никаких доказательств того, что девушка уходила ночью, – возразил я. – Ваш человек мог ошибиться.

Макканн с жалостью посмотрел на меня.

– Она уже вроде как выбиралась тем вечером, а мои парнишки того не заметили, верно я говорю, док? Так что ее ночью остановило бы? Ее видели ночью в легковушке, верно говорю? И мы нашли такую же легковушку рядом с местом, где та девка скрылась из виду.

Я задумался. У меня не было причин не доверять Макканну. И если учитывать время, когда девушку видели вне магазина, то едва ли это было зловещим совпадением.

– Время, когда ее видели на улице вечером, совпадает со временем доставки куклы. А время, когда ее видели на улице ночью, совпадает с примерным временем смерти Гилмора и нападением на Рикори.

– В точку, док! – воскликнул Макканн. – Она, значит, выбирается наружу, отправляет куклу для Молли и возвращается. Потом спускает кукол на босса. Ждет, пока они вернутся. Забирает куклу, которая вроде как убила Джонни. И домой. А в чемоданах – куклы.

– Да уж. И вы полагаете, что из дома она улетела на метле. – Я был сыт по горло всеми этими мистификациями.

– Нет, – с серьезным видом ответил Макканн. – Там же все дома старые, я вот и думаю, может, там проход какой есть. Вроде как тайный ход, через который она выбраться может. В общем, сейчас мои парни стерегут улицу, где ее машина спрятана. Так что второй раз ей этот фокус не провернуть. А насчет метлы, док, я б на вашем месте не зарекался, – угрюмо добавил он. – Сдается мне, она и так может.

Я принял решение.

– Макканн, я хочу поговорить с этой мадам Мэндилип. И мне нужно, чтобы вы пошли со мной.

– А то, док! Уж у меня рука не дрогнет, поверьте!

– Нет. Я хочу поговорить с ней наедине. Но мне нужно, чтобы вы на всякий случай остались у лавки и подождали меня.

Макканну это не понравилось, он долго спорил, но в конце концов неохотно сдался.

Я позвонил домой, пообщался с Брейлем. Оказалось, что Рикори с потрясающей скоростью набирается сил. Я попросил Брейля присмотреть за всем в клинике до конца рабочего дня, сказав, что у меня срочный вызов. По моей просьбе Брейль переключил разговор на телефон в палате. Трубку взяла медсестра. Я велел ей передать Рикори, что мы с Макканном собираемся заняться исследованием, результаты которого я непременно сообщу ему после своего возвращения, и, если Рикори не возражает, я хотел бы, чтобы Макканн сопровождал меня сегодня весь день. Пока я ожидал на линии, медсестра переговорила с Рикори. Тот поручил Макканну выполнять мои распоряжения как его собственные. Он хотел встать с постели и сказать мне что-то лично, но я, сославшись на спешку, повесил трубку.

Мы с Макканном пообедали вместе. Я выбрал наиболее вкусные и питательные блюда в меню – мне казалось, что сытный обед поможет мне вернуться к реальности и развеять туман иллюзий. За едой Макканн хранил молчание. Он явно был обеспокоен.

Часы пробили три, когда я отправился на встречу с мадам Мэндилип.

Глава 13

Встреча с мадам Мэндилип

Стоя перед витриной с куклами, я пытался подавить острое нежелание входить в это здание. Я знал, что Макканн будет оставаться начеку. Я знал, что люди Рикори наблюдают за домом со всех сторон – кто-то затаился в доме напротив, кто-то временами проходил по улице. Вдалеке дребезжали трамваи, урчали моторы проезжавших мимо машин, царила обычная городская жизнь, но магазинчик с куклами казался неприступной крепостью. И я не мог перешагнуть порог, словно вновь замер у двери, ведущей в неведомый мир.

На витрине виднелось всего несколько кукол, зато столь обворожительных, что они привлекли бы и детей, и взрослых. Да, они были не столь совершенны, как кукла, которую подарили Уолтерс, или куклы маленькой Молли, но все же могли сыграть роль приманки. В зале было сумрачно, я разглядел лишь стройную девушку, стоявшую за прилавком. Несомненно, то была племянница мадам Мэндилип. Судя по размеру дома, вряд ли там таилась загадочная комната, описанная в дневнике Уолтерс. Тем не менее дом был старым, а значит, со стороны двора могло быть еще одно крыло.

Взяв себя в руки, я нетерпеливо распахнул дверь и вошел в зал.

Девушка повернула ко мне голову и не сводила с меня глаз, пока я приближлся к прилавку. Она молчала. За это короткое время я увидел у нее все конституциональные признаки, характерные для истерии, – мне еще не приходилось сталкиваться с такими четкими медицинскими проявлениями этого недуга. Я видел ее бледно-голубые глаза навывкате, затуманенный взгляд, расширенные зрачки, длинную тонкую шею и пальцы, мягкие черты лица, болезненно бледную кожу. Ее руки были судорожно сжаты, и я отметил неестественную белизну ладоней – синдром Ленель-Лавастина. В другое время и при других обстоятельствах эта девушка была бы жрицей, служащей проводником воли богов, или святой. Страх стал ее вечным попутчиком, в этом не было никаких сомнений. И я был уверен, что сейчас она напугана не из-за меня, скорее, ею владел иной страх, глубокий, чужеродный, свернувшийся кольцами в самом средоточии ее личности, страх, поглощавший ее жизненную силу, – духовный страх. Я взглянул на ее волосы. Пепельно-русые... Из них свили те нити с узлами!

Она увидела, как я смотрю на ее волосы, и взор ее выцветших глаз прояснился.казалось, только сейчас она поняла, что в лавке кто-то есть.

– Я увидел куклы у вас на витрине, – нарочито буднично сказал я. – У меня маленькая внучка, думаю, ей понравится такой подарок.

– Эти куклы продаются. Если какая-то вам приглянется, вы можете ее купить. По ее цене.

Девушка говорила очень тихо, почти шептала, ее голос звучал равнодушно, но мне показалось, что она пристально следит за мной.

– Я всегда полагал, что именно так и может поступить любой покупатель. – Я притворился раздраженным. – Но так уж случилось, что эта девочка – моя любимица, и я хочу преподнести ей самый лучший подарок. Коль скоро вас не затруднит, возможно, вы продемонстрировали бы мне другие куклы, лучше этих?

Ее глаза вновь затуманились – мне почудилось, что она прислушивается к какому-то звуку, недоступному мне. И вдруг ее равнодушие сменилось подчеркнутой благожелательностью. В тот же миг я ощутил на себе чей-то взгляд – изучающий, пристальный взгляд. Это чувство было настолько сильным, что я невольно оглянулся. В зале не было никого, кроме меня и этой девушки. За прилавком была еще одна дверь, но она оставалась закрытой. Я покосился на окно – может быть, это Макканн наблюдал за мной? Но и там никого не было.

А потом, будто щелкнул затвор фотокамеры, закрывая объектив невидимого для меня фотографа, наваждение развеялось.

Я повернулся к девушке. Она уже разложила на прилавке с полдюжину коробок.

— Ну конечно же, вы можете посмотреть всю продукцию, выставленную на продажу, — горячо заверила девушка. Теперь она приветливо улыбалась. — Мне жаль, что вам показалось, будто я не хочу вас обслуживать. Эти куклы делает моя тетя. Она обожает детей. Безусловно, она не допустит, чтобы чья-то любимая внучка осталась без подарка.

Ее речь показалось мне слишком высокопарной для простой девушки, к тому же она произносила предложения так, будто повторяла их за каким-то невидимым диктором. Но больше меня удивило то, как девушка переменилась. Теперь в ее голосе не слышалось томных ноток истерика, в нем звенела жизненная энергия. К девушке будто вернулись силы и желания, она говорила оживленно, даже задорно, щеки залил румянец, глаза весело блестели — чуть насмешливо и с едва заметной искоркой злобы.

Я осмотрел кукол.

— Они очаровательны, — заявил я. — Но нет ли чего-нибудь лучше? Скажу вам прямо, мне нужен необычный подарок — сегодня моей внучке исполняется семь лет. Цена не имеет значения, в пределах разумного, естественно.

Девушка вздохнула. Страх вернулся в ее глаза, жизненная сила исчезла, кровь отлила от лица. И вновь я внезапно ощутил на себе чужой взгляд — еще сильнее, чем прежде.

Ощущение прошло, и дверь с другой стороны прилавка распахнулась.

Невзирая на то, что я читал описание мадам Мэндилип в дневнике Уолтерс, ее внешность потрясла меня. Маленькие куклы вокруг и хрупкая девушка за стойкой лишь подчеркивали высокий рост и тучность хозяйки магазина. В дверном проеме стояла настоящая великанша. Крупная голова, скуластое широкое лицо, усики на верхней губе, плотоядный рот. Фигурой она походила на мужчину, что гротескно контрастировало с ее пышной грудью.

Но я взглянул в ее глаза и позабыл обо всех уродствах ее лица и тела. Огромные глаза, черные, ясные, потрясающе живые. Они славили жизнь. И они смотрелись совершенно неуместно на этом уродливом лице. Они лучились чистой радостью, и при виде этого мне стало тепло на сердце, ибо в том взгляде не было ничего зловещего — тогда.

С трудом заставив себя отвести взгляд, я посмотрел на ее руки. Женщина была в черном пышном платье и прятала ладони где-то в складках юбки. Я вновь засмотрелся на ее глаза — и на этот раз в ее взгляде читались презрение, злоба и насмешка, как мгновение назад в глазах у продавщицы. Она заговорила, и я понял, что задор и порыв в голосе девушки были лишь эхом этих звучных певучих тонов.

— Вам не понравились куклы, показанные моей племянницей?

Я едва собрался с мыслями.

— Они прекрасны, мадам...

— Мэндилип, — спокойно сказала она. — Мадам Мэндилип. Вам известно это имя, не так ли?

— Видите ли, я оказался в затруднительной ситуации. — Я уклонился от ответа на этот вопрос. — У меня есть внучка, и мне хотелось бы подарить ей что-то особенное на ее седьмой день рождения. Все эти куклы прекрасны, но я хотел бы узнать, нет ли у вас чего-нибудь...

— Особенного. — Она будто смаковала это слово. — Прекрасного. Что ж, может быть, и есть. Но если мне нужно продать что-то «особенное»... — Я не был уверен, действительно ли она подчеркнула это слово. — Если мне нужно продать что-то особенное, я должна знать, с кем имею дело. Вы, должно быть, сочтете это причудой для продавца?

Она рассмеялась, и я невольно заслушался ее смехом — заливистым, серебряным, искристым, таким добрым.

Сосредоточившись, я заставил себя вернуться к реальности. Нужно было оставаться настороже.

Я достал из сумки визитную карточку. Я не хотел, чтобы мадам Мэндилип меня узнала, поэтому свою карточку ей давать было нельзя. Безусловно, я не желал привлечь ее внимание к кому-то другому, кому она могла бы навредить. Поэтому я заранее нашел визитку одного моего давно умершего коллеги.

– О, значит, вы врач, – сказала мадам Мэндилип. – Что ж, теперь, когда мы познакомились, вы можете пройти за мной. Я покажу вам своих лучших кукол.

Выйдя за дверь у прилавка, я очутился в длинном, тускло освещенном коридоре. Мадам Мэндилип дотронулась до моей руки, и я вновь ощутил это странное биение жизни. Остановившись у двери в конце коридора, великанша повернулась ко мне.

– Здесь я храню свои лучшие куклы. Свои... особенные куклы. – Рассмеявшись, она распахнула дверь.

Перешагнув порог, я остановился, в недоумении рассматривая комнату. Она была вовсе не такой большой и роскошно обставленной, как описывала Уолтерс. Да, она действительно оказалась чуть длиннее, чем можно было ожидать. Но где же изящная антикварная лепнина, где древние гобелены, где волшебное зеркало – «и не зеркало вовсе, а кристально чистая вода»? Где все то, что превращало для Уолтерс эту комнату в настоящий рай?

Приспущенные гардины пропускали свет, из окна открывался вид на маленький закрытый дворик, поросший травой. Стены и потолок были обшиты обычным деревом. Одну стену комнаты полностью закрывал деревянный шкаф со множеством мелких ящиков. На стене висело зеркало – оно действительно было круглым, но этим его сходство с описаниями Уолтерс ограничивалось.

Имелся там и камин – такой можно увидеть в любом старом доме Нью-Йорка. На стенах висело несколько репродукций. Огромный стол, напомнивший Уолтерс «столы в тронных залах королей», оказался вполне обычным столиком, заваленным кукольными платьицами и выкройками к ним.

Моя тревога нарастала. Если Уолтерс выдумала убранство этой комнаты, что еще в ее дневнике было лишь вымыслом? Не зря ведь я, прочитав его, счел историю Уолтерс плодом бурной фантазии.

И все же она не солгала, говоря о глазах и голосе мадам Мэндилип, не преувеличила особенности ее внешности, не ошиблась в описании ее племянницы.

Голос мадам Мэндилип вывел меня из замешательства.

– Вас интересует моя комната? – Она произнесла это мягко, но мне показалось, что в ее голосе прозвучало скрытое веселье.

– Любая комната, где работает истинный творец, интересна. А вы творец, мадам Мэндилип.

– И откуда же вам это известно? – проворковала она.

Похоже, мне не стоило так говорить.

– Я большой поклонник искусства. И я видел ваши куклы. Чтобы признать в Рафаэле гения, не понадобится целая галерея его картин. Достаточно одной.

Она улыбнулась, лучась доброжелательностью.

Закрыв за мной дверь, женщина указала на кресло у стола.

– Вы не против подождать несколько минут, прежде чем я покажу вам кукол? Мне нужно завершить работу над платьем. Я обещала доделать куклу сегодня, и скоро придет малышка, которой не терпится ее купить. Это не займет много времени.

– Нет, что вы. – Я опустил в кресло.

– Тут так тихо, – мягко сказала она. – А вы, похоже, устали. У вас тяжелая работа, верно? Вы устали...

Я откинулся на спинку кресла и вдруг понял, что действительно устал. На мгновение я потерял бдительность и зажмурился. Открыв глаза, я увидел, что мадам Мэндилип села за стол.

И я увидел ее руки. Длинные холеные белые пальцы. Я никогда не видел такой красоты. Ее глаза, казалось, жили своей жизнью, вот и ее руки словно не были связаны с телом. Мадам Мэндилип опустила их на стол.

— Как приятно побывать иногда в такой тишине. — Ее голос убаюкивал меня. — В месте, где царит мир и покой. Мы все иногда так устаем... Так устаем... Усталость наваливается на нас... Наваливается...

Она взяла со стола кукольное платье и начала шить. Тонкие белые пальцы мелькали, иглолка поблескивала, вторая рука все поворачивала, поворачивала платье... Какое удивительное движение... ритмичное... как мелодия... сколько в нем покоя...

— Ничто из внешнего мира не побеспокоит вас... Тут можно отдохнуть... уснуть... — нашептывала мадам Мэндилип.

Я с трудом заставил себя оторвать взгляд от танца этих рук, этих холеных чудесных пальцев. Как ритмично они двигались... навевая покой...

Мадам Мэндилип не сводила с меня глаз, она говорила так нежно, и меня обьяло чувство безмятежности.

Ничего страшного, если я позволю себе немного отдохнуть, наберусь сил перед предстоящим боем. Ведь я так устал. Я даже не понимал раньше, насколько я устал!

Мой взгляд вновь устремился к ее рукам. Странные руки — они не принадлежат этому огромному мерзкому телу. Как и глаза. И голос.

Может, так и есть! Может, исполинские тела были лишь прикрытием, способом утаить настоящее тело мадам Мэндилип. Каково же оно? Неужели оно столь же прекрасно, как эти руки, эти глаза, этот голос?

Мадам Мэндилип напевала какую-то странную песню — она нагоняла сон, баюкала, мелодия успокаивала мои взбудораженные нервы, утоляла жажду покоя, обволакивала усталое сознание, как баюкали эти мерные движения рук... Как баюкал этот взгляд: «Усни... усни...»

Но что-то внутри меня отчаянно сопротивлялось. Рванувшись вперед, я сумел стряхнуть наваждение. Ловя воздух ртом, я сумел вынырнуть на поверхность сознания и только тогда понял, насколько далеко прошел по дороге сна. На мгновение, уже на пороге пробуждения, я увидел комнату такой, какой ее видела Уолтерс: огромную, залитую мягким слабым светом, с изящной антикварной лепниной, гобеленами, резными узорами, в которых, казалось, сновали какие-то тени — и смеялись, смеялись надо мной! На стене висело зеркало — верно, не зеркало, а кристально чистая вода в раме, и были узоры на ней, и их отражение подрагивало; все, как описывала Уолтерс, ведь эта дрожь и мне напомнила, как качается трава на берегу лесного озера, когда ее колышет ветер.

А потом словно рябь прошла по всей этой колоссальной комнате — и видение исчезло.

Я стоял перед перевернутым стулом в той комнате, куда меня привела мадам Мэндилип. А сама женщина возвышалась прямо передо мной. Она смотрела на меня — озадаченно и, как мне показалось, с досадой. Будто я внезапно прервал ее...

Прервал? Когда она успела встать из-за стола? Как долго я спал? От чего спасся, чудовищным усилием воли вырвавшись из паутины навеянного ею сна?

Я попытался заговорить — и не смог.

Так и стоял там — онемевший, униженный, разозленный. Я понял, что попал в ее ловушку, как жалкий профан, а ведь я должен был оставаться начеку, я как врач должен был понять, что это гипноз! Но я поддался ее внушению, слушал звук ее голоса, смотрел на ее глаза и движения рук, и она ввела меня в транс, говоря, что я устал, что тут царит покой и мне

хочется спать... спать... спать... Что она сделала со мной, пока я спал? Почему я не мог пошевелиться? Будто тот рывок из паутины сна лишил меня всех сил. Я стоял – оцепеневший, тихий, измотанный. Ни одна мышца моего тела не повиновалась мне. Ослабленная воля пыталась управлять телом, но тщетно.

Мадам Мэндилип рассмеялась. Она подошла к шкафу у стены. Я беспомощно следил за ее действиями, не способный преодолеть паралич. Женщина повернула ручку, и дверца одного из ящиков распахнулась. В нем была кукла – маленькая девочка, школьница с ангельским личиком и доброй улыбкой. Я почувствовал, как что-то ледяной хваткой сжало мое сердце. В руке школьница сжимала игрушечную шпагу, и я знал, что это та самая кукла, которая спала в объятиях маленькой Молли... затем выбралась из детской кровати... вприпрыжку подбежала к постели ее родителей... залезла на одеяло... а потом вонзила...

– Вот одна из моих особенных кукол! – Во взгляде мадам Мэндилип читалась жестокая насмешка. – Отличная кукла. Конечно, иногда она бывает такой невнимательной. Забывает свой рюкзачок в гостях. Зато она очень послушная. Может быть, купите ее для своей внучки?

И вновь она засмеялась – но теперь в ее молодом звонком смехе слышалась злоба.

Тогда я понял, что Рикори был прав. Эту женщину нужно убить. Я собрал всю свою волю, чтобы наброситься на мадам Мэндилип... но не смог и пальцем пошевелить.

Изящные белые руки открыли другую дверцу – и хватка, сжимавшая мое сердце, усилилась. Из ящика на меня смотрела Уолтерс. И она была распята! Копия была настолько точной, что казалось, будто я смотрю на живую девушку.

Я не мог думать о ней как о кукле. Только как о девушке. Она была одета в форму медсестры, но без шапочки, черные волосы растрепались и свисали на лицо. В каждой ладони вытянутых рук виднелся крошечный гвоздь, удерживавший куклу у задней стенки ящика. Босые ноги были сведены, щиколотки тоже пронзали гвозди. А в дополнение к этому богохульному жуткому зрелищу над головой куклы висел маленький плакат: «Сожженная мученица».

– Эта кукла плохо себя вела. – Голос мадам Мэндилип сочился медом – медом из пыльцы, собранной на полях в преисподней. – Она не повиновалась мне. Я наказываю моих кукол, когда они не слушаются. Но я вижу, что ее вид неприятен вам. Что ж, она уже понесла достаточное наказание – пока что, по крайней мере.

Белые тонкие пальцы вытащили гвозди из рук и ног куклы Уолтерс. Женщина усадила куклу в ящике, прислонив ее спиной к задней стенке шкафа, а потом повернулась ко мне.

– Может быть, вы хотели бы купить ее своей внучке? Увы, эта кукла не продается. Ей нужно усвоить урок, прежде чем я позволю ей разгуливать на свободе. – Ее голос изменился, утратил зловещую слащавость. В нем прозвучала угроза. – А теперь послушайте меня внимательно, доктор Лоуэлл! Вы думали, что я не узнаю вас? Я узнала вас с первого взгляда! Вам тоже предстоит усвоить кое-какой урок! – Ее глаза сверкнули. – Да, я преподам вам урок! Глупец, какой же вы глупец! Вы вообразили, будто можете исцелять больное сознание, но вы ничего, говорю вам, ничего не знаете о самой природе сознания. Вы считаете его частью сложного механизма из плоти и крови, нервной ткани и костей и ничего не знаете о самой его сути. Вы не признаете существование того, что вы не можете измерить, подвергнуть анализу, увидеть в микроскопе. Вы считаете жизнь совокупностью химических реакций, а сознание – продуктом жизнедеятельности мозга. Глупец! И все же вы и этот дикарь осмелились противостать мне, мешать мне, досаждать мне своими жалкими соглядатаями! Осмелились угрожать мне – *мне!* – носителю древней мудрости, по сравнению с которой ваша наука – «то же, что треск тернового хвороста под котлом»¹⁰. Глупцы! Я знаю, кто обитает в пределах сознания и какие силы являют себя миру в этих пределах. Знаю и тех, кто обитает вовне.

¹⁰ Цитата из Библии приведена в синодальном переводе, Книга Экклезиаста, 7:6. (Примеч. пер.)

Они приходят на мой зов. И вы думали, что сможете обратить против меня вашу презренную науку? Глупцы! Вы поняли меня, доктор Лоуэлл? Отвечайте! – Она ткнула в мою сторону пальцем.

Мое горло расслабилось, я вновь мог говорить.

– Ведьма! – прохрипел я. – Проклятая убийца! Вы отправитесь на электрический стул! Великанша вновь рассмеялась.

– Вы хотите передать меня в руки закона? Но кто поверит вам? Никто! Невежество, порожденное вашей же наукой, защитит меня. Тьма ваших заблуждений – вот моя неприступная крепость. Идите играть в бирюльки, глупцы, забавляйтесь своими машинами! Но не смейте больше докучать мне! – Она понизила голос до шепота. – Вот что я скажу вам. Если вы хотите жить, если вы хотите, чтобы жизнь сохранили те, кто дорог вам, – уберите слежку. Рикори вам не спасти. Он мой. Но вы – вы больше никогда не вспоминайте обо мне. Не вмешивайтесь в мои дела. Я не боюсь вашей слежки, но она оскорбляет меня. Уберите ее. Немедленно. Если к ночи я замечу здесь ваших соглядатаев... – Она схватила меня за плечо и толкнула к двери. – Убирайтесь!

Я изо всех сил пытался вернуть контроль над своим телом, поднять руки... Если бы я смог, я бы убил ее, как бешеного зверя. Но я не мог пошевелинуться. Будто робот, я прошел к двери комнаты.

Мадам Мэндилип распахнула ее. Из-за моей спины донесся какой-то шорох. Я едва повернул голову – это стоило мне чудовищных усилий.

Кукла Уолтерс упала ничком, перевесившись через край ящика. Ее руки были протянуты ко мне, словно она умоляла меня забрать ее оттуда. Я видел отметины от гвоздей на ее ладонях. Кукла смотрела мне в глаза.

– Уходите! – сказала мадам Мэндилип. – И помните!

Все так же цепenea, я прошел по коридору и очутился в зале. Девушка за прилавком наблюдала за мной, в ее глазах плескался страх. А меня будто подталкивали чьи-то незримые руки, давили на плечи, не позволяя остановиться. Вскоре я оказался за дверью.

И все еще, казалось, слышал этот презрительный, злобный и звонкий смех мадам Мэндилип!

Глава 14

Месть мадам Мэндилип

В тот момент, когда я очутился на улице, воля, способность двигаться, голос – все вернулось ко мне. Охваченный яростью, я повернулся к двери магазина... и в футе от нее будто натолкнулся на невидимую стену. Я не мог продвинуться дальше ни на шаг, не мог поднять руку, чтобы коснуться двери. Будто в этой точке пространства моя воля отказывалась служить мне. Или мое тело отказывалось служить воле. Я понимал, что со мной происходит, это было результатом необычайно мощного постгипнотического внушения, того же феномена, который не позволил мне двигаться в присутствии мадам Мэндилип и заставил выйти за дверь. Что бы ни сделала мадам Мэндилип, пока я спал, ее установки влияли на мое поведение после выхода из транса.

Я увидел, как ко мне подходит Макканн, и на мгновение в моем сознании промелькнула безумная идея: можно просто велеть Макканну, чтобы он вошел в лавку и всадил в мадам Мэндилип пулю. Но здравый смысл подсказывал мне, что я не смог бы объяснить в суде причины этого убийства, опираясь на рациональные доводы, и нас с Макканном ждала бы казнь, уготованная мной для мадам Мэндилип.

– Я уж было заволновался, док, – сказал Макканн. – Как раз собирался вломиться туда.

– Пойдемте, Макканн. Я хочу как можно быстрее добраться домой.

Присмотревшись ко мне, громила присвистнул.

– Вы, док, похоже, в сущей мясорубке побывали.

– Именно так. И победа в этом сражении досталась мадам Мэндилип – пока что.

– Но вы ушли без скандала, верно говорю? Не то что босс. Будто эта карга вам прогулку по аду устроила. Что приключилось-то?

– Я вам позже расскажу. Позвольте мне пока помолчать. Мне нужно обдумать случившееся.

На самом же деле я хотел восстановить силы. Мое сознание будто до сих пор действовало вслепую, пытаясь нащупать закономерности невероятного. Словно паутина того прозрачного мира опутала его липкими нитями, и, хотя мне удалось высвободиться, обрывки этих нитей еще не опали с моего бедного рассудка. Мы сели в машину и некоторое время ехали молча.

– Ну ладно, – не утерпел Макканн. – Вы о ведьме-то что думаете?

К этому моменту я успел принять решение. Еще никогда в жизни я не испытывал такого омерзения, холодной ненависти, жгучего желания убивать, как при столкновении с этой женщиной. И дело было не в уязвленной гордости, хотя мадам Мэндилип и удалось унижить меня. Нет, надо мною довлело осознание того, что в той комнате за кукольной лавкой скрывалось истинное зло. Зло чуждое, нечеловеческое, точно мадам Мэндилип действительно была порождением преисподней, как считал Рикори. Нельзя идти на переговоры с таким злом. Или с женщиной, являвшей собой его средоточие.

– Макканн, в этом мире нет ничего злее этой женщины. Не позволяйте девушке улизнуть. Как вы полагаете, вчера она заметила, что за ней следят?

– Не знаю. Это вряд ли.

– Немедленно усилийте наряды с лицевой и тыльной стороны здания. И не скрывайтесь, чтобы Мэндилип и ее племянница непременно вас заметили. Если девушка не поняла, что за ней следили вчера, они подумают, что мы не знаем о втором выходе. Они решат, будто мы считаем, что ей удалось выйти незамеченной с переднего или заднего входа. Поставьте по машине с двух сторон улицы, где девушка держит свой автомобиль. Будьте осторожны, чтобы не вызвать ее подозрений. Если девушка появится, проследите за ней... – Я помедлил.

– А потом что, док? – осведомился Макканн.

– Я хочу, чтобы вы ее схватили. Похитили, или как там это называется. Все нужно сделать очень тихо. Как именно – это решение я предоставляю вам, поскольку сам не разбираюсь в подобных вопросах. Главное, чтобы все было сделано быстро. И тихо. Как можно дальше от лавки. Заткните девушке рот и свяжите ее, если будет такая необходимость. Но доставьте ее мне. Затем тщательно обыщите машину. Привезите девушку ко мне домой вместе с тем, что вы обнаружите в ее автомобиле. Вы меня поняли?

– Пусть только сунется из лавки, и мы ее сцапаем, не сомневайтесь. Хотите устроить ей допрос с пристрастием?

– И это тоже. Я хочу посмотреть, что станет делать Мэндилип. Возможно, нам удастся спровоцировать ее на какие-то поступки, которые позволят нам избавиться от нее, не нарушая закона. Нам нужно перевести ее в правовое поле. Кроме того, вероятно, у нее есть и иные прислужники, невидимые, незримые. Я намерен лишить ее видимой приспешницы. И тогда, возможно, незримые слуги покажутся нам. Или это ослабит ее.

– А она вас, знать, неплохо так приложила, а, док? – Макканн с любопытством посмотрел на меня.

– Так и есть, – немногословно ответил я.

Громила замялся.

– А боссу расскажете? – наконец спросил он.

– Возможно. Сегодня вечером. Это зависит от его состояния. А что?

– Ну, если мы собираемся вроде как проверить похищение, то босс, я думаю, должен знать.

– Макканн, Рикори ведь велел вам выполнять мои распоряжения как его собственные. Я беру на себя полную ответственность.

– Хорошо.

Я видел, что он все еще сомневается.

Что ж, если Рикори будет хорошо себя чувствовать, то у меня не останется никаких причин утаивать от него случившееся при моей встрече с мадам Мэндилип.

С Брейлем ситуация была иной. Я все больше подозревал, что он и Уолтерс любили друг друга, а потому я не мог рассказать ему о распятой кукле – пусть даже сейчас я думал о ней не как о кукле, а как об Уолтерс. Я знал, что, если расскажу Брейлю об этом, ничто не удержит его от нападения на мадам Мэндилип. А этого мне не хотелось.

Но в то же время я ощущал острое нежелание рассказывать Рикори подробности. То же касалось и Брейля, а ведь ему я мог открыть все, кроме истории о кукле Уолтерс. И почему то же чувство возникало у меня и в отношении Макканна? Я списал это на поправанное самолюбие.

Мы остановились перед моим домом. Было около шести. Прежде чем выйти из машины, я повторил свои инструкции. Макканн кивнул:

– Ладно, док. Если она выйдет, мы ее возьмем.

Войдя в дом, я обнаружил записку от Брейля: мой ассистент ушел по делам до вечера. Я был этому рад, страхась его расспросов. Медсестра сообщила, что Рикори спит. Его состояние значительно улучшилось. Я попросил медсестру сказать ему, если он проснется, что я зайду к нему после ужина. Перед едой я решил немного отдохнуть и прилег на диван, надеясь подремать.

Но сон не шел. Стоило мне немного расслабиться, как перед моим внутренним взором возникало лицо мадам Мэндилип, и я вскидывался в холодном поту.

В семь я плотно поужинал, намеренно выпив в два раза больше вина, чем я себе обычно позволяю. Потом я заварил себе крепкий кофе. После ужина мне стало намного лучше – мой разум работал безукоризненно, никто не влиял на мою волю. Или мне так казалось?

Я решил рассказать Рикори о моих планах по похищению девушки. Я понимал, что придется отвечать на вопросы Рикори о визите в лавку кукольницы, но я продумал историю, которую расскажу ему... И тут я с ужасом осознал, что рассказать другую историю у меня не получится! Осознал, что я вообще не могу разговаривать с остальными на эту тему, даже если бы пожелал. Осознал, что это проявление постгипнотического внушения. Пока я был в трансе, мадам Мэндилип наложила ограничения на мою волю, те же ограничения, которые заставили меня оцепенеть, а потом выйти из ее магазина, точно робот. Те же ограничения, которые теперь не пускали меня в ее лавку. Когда я погрузился в сон под воздействием ее гипноза, мадам Мэндилип повелела мне: «То-то и то-то вы не должны рассказывать. Это и это вы рассказывать можете».

Я не мог говорить о кукле-школьнице с ангельским личиком и шпагой размером с булавку, кукле, оборвавшей нить жизни Гилмора. Я не мог говорить о кукле Уолтерс и ее распятии. Не мог говорить о том, что мадам Мэндилип фактически взяла на себя ответственность за убийства, расследование которых и привело нас к ней.

Тем не менее осознание сути происходящего придало мне сил. Речь, по крайней мере, шла о чем-то понятном, достоверном, никаких темных сил или ведовства. Все укладывалось в представления моей же науки. Я сам много раз работал с пациентами подобным образом, исцеляя их сознание таким же постгипнотическим внушением.

Кроме того, существовал способ избавить свое сознание от установок, навязанных мадам Мэндилип, если бы я захотел. Следует ли мне поступить именно так? Из упрямства я решил не делать этого. Так я признал бы, что боюсь мадам Мэндилип. Я ненавидел ее, да. Но я ее не боялся. Теперь, понимая ее метод, я не мог отказаться от наблюдения за результатами ее действий. Это нарушило бы чистоту эксперимента. Я сказал себе, что преодолел ее установки, – что бы она ни пыталась мне внушить, я остановил ее, силой воли пробудившись от гипноза. Ах, тогда я еще не понимал, что мадам Мэндилип говорила правду, называя меня глупцом!

Когда пришел Брейль, я уже полностью успокоился. Едва я поприветствовал своего ассистента, как позвонила медсестра и сказала, что наш пациент проснулся и желает встречи со мной.

– Какая удача, – сказал я Брейлю. – Пойдемте со мной, так мне не придется дважды рассказывать о случившемся.

– О чем? – переспросил Брейль.

– О моем разговоре с мадам Мэндилип.

– Вы ее видели! – потрясенно воскликнул мой ассистент.

– Я провел у нее этот вечер. Она весьма интересная личность. Пойдемте, я все расскажу.

Мы прошли во флигель. По дороге Брейль засыпал меня вопросами, но я не отвечал.

Рикори сидел в кровати. Я осмотрел его. Невзирая на некоторую слабость, он уже полностью поправился, и его можно было выписывать. Я поздравил его со столь быстрым и удивительным выздоровлением.

– Я видел вашу ведьму и говорил с ней. Мне о многом нужно вам рассказать. Распорядитесь, чтобы ваши охранники вышли за дверь, а я пока отпущу медсестру.

Когда все посторонние ушли, я обрисовал Рикори и Брейлю события сегодняшнего дня, начиная с происшествия в квартире Гилмора. Рикори мрачно выслушал историю Молли.

– Вначале ее брат, теперь муж! Бедная, бедная Молли! Но я отомщу за них! *Si!* Месть не заставит себя ждать! Да!

Рассказал я и о встрече с мадам Мэндилип, упуская детали. Я чувствовал, что мои товарищи заметят непоследовательность в этом изложении. Затем я поведал Рикори о моем предложении Макканну.

– По крайней мере сегодня мы сможем спать спокойно. Если девушка выйдет с куклами, Макканн задержит ее. Если не выйдет – ничего не случится. Я уверен, что без нее мадам Мэндилип не сможет нанести удар. Надеюсь, вы одобряете мой план, Рикори.

Гангстер пристально посмотрел на меня.

– Безусловно, я его одобряю, доктор Лоуэлл. Это в высшей степени разумно. Вы поступили именно так, как поступил бы я. Однако же мне кажется, что вы рассказали нам не все из того, что произошло между вами и ведьмой.

– Вот и мне так кажется, – согласился Брейль.

Я поднялся.

– Как бы то ни было, я рассказал вам все необходимое. И я очень устал. Сейчас я намерен принять ванну и отправиться спать. Уже половина десятого. Если девушка и выйдет из лавки, это случится не раньше одиннадцати, а может быть, и позже. Я посплю до возвращения Макканна. Вот и все. А ваши вопросы вы сможете задать завтра утром.

Рикори не сводил с меня глаз.

– Почему бы вам не лечь спать здесь? Разве так не будет безопаснее?

Во мне поднялась волна жгучего раздражения. Моя гордость и так пострадала при встрече с мадам Мэндилип – ведь этой женщине удалось меня перехитрить! Мысль о том, что я стану прятаться за спинами телохранителей, вновь открыла эту рану.

– Я не ребенок, – раздраженно ответил я. – Я способен сам о себе позаботиться. И мне не пристало искать защиты у гангстеров...

Я осекся, сразу же пожалев о сказанном. Но Рикори не выказал обиды. Кивнув, он откинулся на подушки.

– Я узнал то, что хотел. Но вы играете в опасную игру с этой ведьмой, доктор Лоуэлл. И вы вовсе не рассказали нам все необходимое.

– Простите меня, Рикори! – воскликнул я.

– Вам не за что извиняться. – Впервые за все это время он улыбнулся. – Я вас прекрасно понимаю. Я ведь тоже не чужд познаний в области психологии. Но я вам вот что скажу: не важно, привезет сегодня Макканн ту девушку или нет. Завтра ведьма умрет. И девчонка вместе с ней.

Я не ответил. Позвав медсестру, я пригласил в комнату телохранителей. Сколь бы я ни был уверен в нашей безопасности, я не собирался проявлять халатность в отношении Рикори. Я не сказал ему о том, что ведьма угрожала убить его, но не забыл об этой угрозе.

Брейль последовал за мной в кабинет.

– Я понимаю, что вы чертовски устали, Лоуэлл, и мне не хотелось бы обременять вас, – виновато произнес он. – Но вы не возражаете, если я посижу у вас в комнате, пока вы будете спать?

– О господи, Брейль, неужели вы не слышали, что я сказал Рикори? – раздраженно осведомился я. – Я ценю вашу заботу, но мои слова касаются и вас тоже. – Не знаю, какое упрямство толкнуло меня на это.

– Тогда я посижу в соседней комнате. Не буду спать, пока Макканн не вернется. Или пока не рассветет. Если я услышу из вашей комнаты какие-то подозрительные звуки, я войду. Если мне захочется проверить, все ли с вами в порядке, я войду. Не запирайте дверь, иначе я ее выломаю. Вам понятно?

Мое раздражение нарастало.

– Я серьезно, – заявил Брейль.

– Ну хорошо. Делайте, что хотите, черт возьми!

Я вошел в спальню, хлопнув дверью. Но запирать ее на замок не стал. Я действительно вымотался, в этом не было никаких сомнений. Даже час сна пойдет мне на пользу. Ванну я решил все-таки не принимать и начал раздеваться. Я как раз снимал рубашку, когда заме-

тил крошечную булавку, закрепленную на ткани точно напротив моего сердца. Посмотрев на тыльную сторону рубашки, я обнаружил там «ведьмину петлю»!

Я шагнул к двери, собираясь позвать Брейля, но затем остановился. Нельзя показывать ее моему ассистенту! Это приведет к бесконечным вопросам. А мне хотелось спать... Господи, как же мне хотелось спать...

Нужно сжечь эту нить. Я нашел спички и как раз собирался ее поджечь, когда у двери послышались шаги. Я поспешно сунул «ведьмину петлю» в карман.

– Что вам нужно? – крикнул я.

– Просто хотел проверить, все ли с вами в порядке. – Брейль заглянул в комнату.

Несомненно, он желал удостовериться в том, что дверь не заперта. Я молча продолжил раздеваться.

Спальня у меня большая, с высокими потолками. Она находится на втором этаже моего дома, рядом с кабинетом, окна выходят во двор с небольшим садиком, по стене вьется виноград. Под потолком висит люстра – массивная, старинная, с хрустальными подвесками в шесть рядов и подсвечниками. Она похожа на чудесную люстру в колониальном стиле в Индепенденс-холле в Филадельфии, и когда я купил дом, то запретил снимать ее, даже не стал подводить к ней электричество. Кровать стоит в углу комнаты, и когда я поворачиваюсь на левый бок, то вижу, как слабый свет льется в окна и бликует на подвесках, точно люстру окружает туманное свечение, успокаивающее, навевающее сон. В саду растет старая груша – все, что осталось от фруктового сада. Весной, когда в Нью-Йорке царят безмятежные деньки, дерево тянет к солнцу усыпанные цветами ветви. Люстра висит прямо за изножьем кровати, выключатель обычной лампы находится у меня в изголовье. У противоположной стены – старый камин, украшенный резным мрамором, над ним расположена широкая полка. Чтобы вы могли представить себе дальнейшие события, необходимо помнить об этих деталях.

К тому времени как я разделся, Брейль, удостоверившись в моей безопасности, закрыл дверь и устроился в кабинете. Достав из кармана «ведьмину петлю», я презрительно бросил ее на стол. Полагаю, была какая-то бравада в этом поступке: не будь я уверен в Макканне, я непременно сжег бы ее. Приняв снотворное, я выключил свет и лег спать. Вскоре лекарство подействовало.

Я все глубже нырял в океан сна – глубже... глубже...

И вдруг проснулся.

Я оглянулся. Как я очутился в этом странном месте? Я стоял в неглубокой круглой яме, поросшей травой. Край ямы едва достигал моих колен. Она находилась в центре круглой плоской полянки где-то в четверть мили в диаметре. Поляна тоже была покрыта травой. Странная это была трава, она отливала пурпурным. Со всех сторон поляну обступали незнакомые мне деревья с разноцветной листвой – от изумрудно-зеленой до алой. Ветви клонились к земле, их листья по форме немного напоминали папоротник, а по стволам змеились тонкие лозы. Деревья окружали поляну, внимательные, настороженные... Они наблюдали за мной... Только и ждали, когда же я шелохнусь...

Нет, это не деревья следили за мной! Что-то скрывалось там, среди ветвей... таилось там... зловещее... жуткое... Это оно наблюдало за мной, ждало моих действий!

Но как я попал сюда? Я осмотрелся, вытянул руки. На мне была та же голубая пижама, в которой я лег спать... у себя дома, в Нью-Йорке... У себя дома, в Нью-Йорке! Как же я очутился здесь?! Однако мне казалось, что я не сплю.

Теперь я увидел, что от углубления в центре поляны ведут три тропинки: каждая тянулась в свою сторону. Но все пути отсюда вели в лес. И вдруг я понял, что должен выбрать одну из этих тропок, и невероятно важно, чтобы я сделал правильный выбор... Ибо только

один путь безопасен, другие же приведут меня к тому неведомому злу, что скрывалось в листве.

И вдруг яма начала сжиматься. Я почувствовал, как земля вспучивается у меня под ногами. Яма выталкивала меня!

Я выпрыгнул на тропинку справа и медленно пошел к деревьям, но затем невольно перешел на бег. Я мчался все быстрее и быстрее и вскоре увидел, что тропинка, прямая, как полет стрелы, взрезала деревья, освобождая пространство шириной фута в три, и скрывалась в зеленой дымке. Быстрее, быстрее... Я был уже в лесу, и незримые твари съежились на ветвях на краю тропы, толпились там, стекались со всего леса. Что это были за твари, что они сделали бы со мной, если бы поймали, мне неведомо. Знаю лишь, что мне трудно даже вообразить себе ту боль, которую я пережил бы.

Я мчался и мчался по лесу, преодолевая ужас с каждым шагом. Я чувствовал, как невидимые руки тянутся ко мне, слышал зловещие шепоты и шорохи...

Дрожа, я выбежал из леса и помчался по огромной голой пустоши, раскинувшейся до самого горизонта. Там не было ни тропок, ни деревьев, только жухлая бурая трава поскрипывала под ногами. Мне подумалось, что эта пустошь чем-то напоминает степь в пьесе «Макбет», степь, где встретились три ведьмы. Не важно... На этой иссохшей равнине все же лучше, чем в зачарованном лесу. Остановившись, я оглянулся на деревья и ощутил на себе взгляд множества злобных глаз. Отвернувшись, я пошел по пустоши. Надо мною простиралось туманное зеленое небо, где-то в вышине вспыхнули две тучи... два черных солнца... Но нет, это были глаза. Глаза мадам Мэндилип!

Эти глаза взирали на меня с зеленого неба, подернутого дымкой тумана. А над горизонтом этого странного мира медленно поднимались две гигантские руки... Они двигались ко мне, чтобы схватить меня, зашвырнуть обратно в лес... Белоснежные руки с длинными тонкими пальцами... И каждый палец казался отдельным живым существом... Руки мадам Мэндилип! Все ближе ее глаза, все ближе руки... С неба громыхнули раскаты ее хохота, хохота мадам Мэндилип!

Ее смех все еще звенел у меня в ушах, когда я проснулся – или мне почудилось, что я проснулся. Я вскинулся в кровати, сел. Кожа покрылась потом, сердце натужно билось в груди, и от этого биения словно сотрясало все мое тело. Я видел, как поблескивают хрустальные подвески на люстре, точно звезды в далекой туманности. Видел очертания окон. Было очень тихо...

У одного окна что-то шевельнулось. Я хотел встать, чтобы проверить, все ли в порядке, но я не мог двигаться!

Комнату залило слабое зеленоватое свечение, что-то фосфоресцировало там, разлагающееся, гниlostное... Свечение нарастало и ослабевало, но с каждым разом становилось ярче. Хрусталь подвесок вспыхнул, точно изумруд...

В окне показалось крошечное лицо! Лицо куклы! Мое сердце сжалось от страха, а затем затрепетало от отчаяния. «Макканн потерпел неудачу! Это конец!»

Кукла глядела на меня, ухмыляясь. Она была выполнена в виде мужчины лет сорока, гладко выбритого, с длинным носом, широким ртом и тонкими губами. Близко посаженные глаза прятались под кустистыми бровями. И они светились багряным, поблескивали, будто рубины.

Кукла перебралась через подоконник и соскользнула на пол – головой вниз. Какое-то время она стояла на голове, болтая ногами, а потом, сделав двойное сальто, опустилась на ноги и послала мне воздушный поцелуй, глядя мне в глаза – будто ожидая аплодисментов! Она была одета в трико. Кукла-акробат поклонилась и размашистым жестом указала на окно. Там уже появился другой незваный гость – кукла-банкир. Строгий, хладнокровный мужчина лет шестидесяти с бакенбардами смерил меня презрительным взглядом – должно быть,

при жизни он так смотрел на ненавистных клиентов, вымаливающих у него заем. Эта мысль странным образом показалась мне смешной. Но потом мне стало не до смеха. Кукла-акробат! Кукла-банкир! Копии тех, кто умер так же, как Петерс!

Банкир с достоинством прошел по подоконнику. Он был одет во фрак с фалдами, рубашку, похоже, долго крахмалили. Кукла повернулась ко мне и столь же нарочитым жестом указала на другой край подоконника.

Там стояла новая кукла – ровесница банкира. Она пришла в вечернем платье.

Старая дева!

Она жеманно оперлась на руку банкира и спрыгнула на пол.

А в оконном проеме уже показалась четвертая кукла – тоже в трико, но на этот раз украшенном блестками. Подпрыгнув высоко в воздух, она приземлилась рядом с акробатом, с улыбкой взглянула на меня и поклонилась.

Четыре куклы двинулись в мою сторону – акробат и гимнаст впереди, за ними – медленно и степенно – старая дева и банкир.

Да, это было гротескное, фантастическое зрелище – но в нем не было ничего смешного, видит Бог! Должно быть, над таким мог бы посмеяться лишь дьявол.

«Брейль прямо за дверью! – подумал я. – Если бы я только мог позвать его!»

Четыре куклы остановились, будто советуясь о чем-то. Акробаты, выполнив пируэт, достали из-за спины булавки. Такое же оружие появилось в руках банкира и старой девы. Они направили острия булавок на меня, точно мечи, и продолжили свой путь.

Взгляд алых глаз гимнаста остановился на люстре. Кукла замерла, рассматривая ее. Вернув шпагу-булавку в ножны, он согнул колени и сложил руки. Акробат кивнул, задумавшись: похоже, он пытался определить высоту люстры и расстояние до нее. Гимнаст указал на каминную полку, и странная парочка полезла по выступам на мраморе. Пожилая пара с интересом наблюдала за ними. Они не убрали своего оружия.

Акробат нагнулся, и гимнаст поставил ногу на его сложенные руки. Первая кукла выпрямилась, и вторая пролетела от каминной полки к люстре, схватилась за подвеску и начала раскачиваться. Вторая кукла совершила прыжок и повисла рядом со своим товарищем.

Я видел, как старая люстра подрагивает. На пол посыпались подвески. Звон хрусталя нарушил тишину.

Я услышал, как Брейль подбежал к двери и, распахнув ее, остановился на пороге. Сейчас я уже ясно видел его в зеленоватом свечении. Но я знал, что он не может меня увидеть, – для него комната погрузилась во тьму.

– Лоуэлл! С вами все в порядке? Включите свет!

Я попытался закричать, попытался предупредить его – но тщетно! Брейль метнулся вперед, к кровати, к выключателю. Думаю, в этот момент он увидел кукол и замер в центре комнаты – прямо под люстрой.

Кукла над ним освободила одну руку, выхватила шпагу из ножен и прыгнула Брейлю на плечо. Резким движением она вонзила клинок ему в горло!

Брейль еще успел вскрикнуть, но его вопль тут же сменился гортанным бульканьем. Люстра качнулась вновь, старые крепежи сорвались, и она обрушилась на голову Брейля и дьяволенка, терзающего его горло. Грохот сотряс стены во всем доме.

Зеленое свечение угасло, послышался топот крошечных ножек – будто крысы пробежали. Паралич прошел, и я сумел включить свет.

Когда я выскочил из постели, куклы убегали через окно. Послышались четыре приглушенных выстрела, и я увидел у двери Рикори. В руках его спутников были пистолеты с глушителями. Охранники стреляли в окно.

Я склонился над Брейлем. Мой ассистент был уже мертв. Упавшая люстра проломила ему череп. Но Брейль умер еще до того – кукла вспорола ему сонную артерию. И скрылась!

Глава 15

Приспешница мадам Мэндилип

– Вы были правы, Рикори. Ее подручные лучше, чем ваши, – горько сказал я.

Он не ответил, с жалостью глядя на Брейля.

– Если все ваши люди с такой же точностью выполняют данные им распоряжения, как Макканн, то чудо, что вы еще живы.

– Макканн умен и предан мне до конца, – твердо заявил Рикори. – Я не стану осуждать его, не выслушав. И должен сказать вам, доктор Лоуэлл, что если бы вы были более откровенны со мной сегодня вечером, то доктор Брейль остался бы жив.

Я вздрогнул, услышав эти слова, – Рикори говорил правду. Меня охватили раскаяние, скорбь, бессильная ярость. Если бы я не позволил гордыне возобладать надо мной, если бы я рассказал им все о моей встрече с мадам Мэндилип, если бы я объяснил, почему не могу сообщить им подробности, если бы я попросил Брейля провести со мной сеанс гипноза и снять постгипнотическое внушение мадам Мэндилип, если бы я принял предложение Рикори или согласился бы, чтобы Брейль ночевал в моей комнате, – этого не случилось бы.

Выглянув в кабинет, я увидел там сиделку Рикори. За дверью кабинета кто-то шептался – слуги, медсестры, сиделки, все они слышали грохот от падения люстры.

– Доктор Брейль стоял у моей кровати и говорил со мной, когда люстра упала, – нарочито спокойным тоном сказал я сиделке. – Он погиб. Не говорите об этом остальным. Сообщите лишь, что люстра упала и доктор Брейль ранен. Отправьте их спать. Скажите, что мы везем доктора Брейля в больницу. А потом позовите Портера и вымойте пол. Люстру оставьте как есть.

Когда она ушла, я повернулся к одному из телохранителей Рикори.

– Что вы увидели, когда подняли стрельбу?

– Мартышек, что ли, – протянул один.

– Или карликов? – предположил второй.

По лицу Рикори было понятно, что видел он.

Я стянул с постели покрывало.

– Рикори, пусть ваши люди поднимут тело Брейля и завернут в это. А потом отнесут в палату рядом с кабинетом и положат на койку.

Гангстер кивнул, и тело Брейля вытащили из осколков хрусталя и погнутых подсвечников. На его лице и шее виднелись резаные раны от осколков. По нелепой случайности одна из таких ран оказалась рядом с тем участком шеи, который акробат вспорол булавкой. Рана была глубокой – похоже, осколок пробил сонную артерию второй раз. Я последовал за Рикори в палату. Его люди уложили тело на койку. Рикори велел им вернуться в спальню и присмотреть за сиделками. Закрыв дверь, он повернулся ко мне.

– Что вы намерены делать, доктор Лоуэлл?

Больше всего мне сейчас хотелось разрыдаться, но я держал себя в руках.

– Это случай для коронера, безусловно. Я должен поставить в известность полицию.

– Что вы им скажете?

– Что вы видели у окна, Рикори?

– Я видел кукол!

– Как и я. Но могу ли я рассказать полиции, что убило Брейля еще до падения люстры?

Вы же понимаете, что не могу. Я скажу им, что мы с Брейлем разговаривали, когда люстра внезапно обрушилась ему на голову. Осколки хрустальных подвесок пронзили его горло. А что еще я могу им сказать? В такую историю они поверят. Поверят во что угодно, но не в правду... – Я умолк.

Мое самообладание дало осечку. И впервые за много лет я заплакал.

– Рикори, вы были правы. Не Макканна, а меня следует винить в случившемся. Гордыню старика... Если бы я все вам рассказал, он остался бы жив... Но я не рассказал... не рассказал... Это я его убийца...

– Это не ваша вина, – мягко, будто утешая женщину, произнес Рикори. – Вы не могли поступить иначе. Ведь вы – тот, кто вы есть... Вы думали так, как привыкли думать... И в вашем неверии, вашем вполне естественном неверии ведьма и увидела возможность нанести удар... И все же это не ваша вина. А другой возможности у нее не будет, поверьте. Чаша переполнилась... – Он опустил руку мне на плечо. – Не звоните пока что в полицию – пока не будет новостей от Макканна. Сейчас уже почти полночь, и он позвонит, даже если не придет. Я пойду в свою палату и оденусь. Как только объявится Макканн, я покину вас.

– Что вы намерены делать, Рикори?

– Прикончить ведьму, – спокойно ответил он. – Ее и эту девчонку. Еще до рассвета. Я и так ждал слишком долго. И больше ждать не стану. Она больше никого не убьет.

На меня навалилась слабость, ноги подогнулись, в глазах помутилось. Рикори дал мне воды, и я жадно приник к стакану. Сквозь шум в ушах я услышал, как в дверь постучали.

– Макканн пришел, – крикнул кто-то из людей Рикори.

– Скажите ему, пусть войдет.

Дверь распахнулась.

– Я ее поймал... – Макканн осекся, уставившись на нас. Его лицо исказилось, когда он увидел прикрытое тело на койке. – Что случилось?

– Куклы убили доктора Брейля. Ты слишком поздно поймал девчонку, Макканн. Почему?

– Убили Брейля? Куклы? Господи Боже... – севшим голосом произнес южанин.

– Где девчонка, Макканн?

– Внизу в машине. Связанная. И с кляпом, – заторможенно ответил он.

– Когда ты ее поймал? – спросил Рикори. – И где?

Глядя на Макканна, я ощутил прилив жалости. Мне нравился этот простоватый громила. И в то же время я понимал, что эта жгучая жалость была лишь отражением моего раскаяния и стыда.

– Присядьте, Макканн, – сказал я. – Это я виноват в том, что случилось, не вы.

– Позвольте мне судить об этом, – холодно заявил Рикори. – Макканн, ты поставил машины на каждом конце улицы, как говорил доктор Лоуэлл?

– Да.

– Вот с этого и начни.

– Она, значит, выходит на улицу. Уже почти одиннадцать. Я с восточной стороны, а Паоло с западной. Я говорю Тони: «Не уйти девке!» Она несет два чемодана. Оглядывается и топает к месту, где оставила легковушку. Открывает дверь в гараж. Выезжает – и на запад, в сторону Паоло. Я ж Паоло настрополил, как док мне сказал, чтоб ее около лавки не трогали. Вижу, Паоло сел ей на хвост. Я себе тихохонько на улицу выезжаю – и за Паоло. Ее машина сворачивает на Вест-Бродвей. Паром со Статен-Айленда только причалил, и на улице полно машин. Слева нас обгоняет «форд», Паоло в него въезжает и втемяшивается боком в фонарный столб. Авария, пробка. Мне удастся вырулить оттуда через минуту-две. А легковушки уж и след простыл. Я бегом к телефону, набираю Рода. Говорю, мол, пускай сцапает девку, когда она появится, даже ежели им придется ее скрутить прямо у карги под носом. А как сцапают – пускай сюда везут. Еду к вам, док. Думаю, может, она сюда потащилась. Еду я, все на парк поглядываю. Думаю, ежели этой ведьме так везло все время, может, и мне повезет. Так и вышло. Глядь, у парка легковушка остановилась. Ну, мы девку и сцапали. Она вроде как не сопротивлялась, но мы ей все равно рот заткнули.

Тони машинку-то отогнал да обыскал. Только не было там ничего. Два чемодана, да и те пустые. И мы притащили девушку сюда.

— Сколько времени прошло с того момента, как вы поймали девушку, до вашего приезда сюда?

— Минут десять-пятнадцать. Тони эту машинку чуть на винтики не разобрал. А на это ж время ушло.

Я посмотрел на Рикори. Макканн, должно быть, заметил девушку приблизительно в то время, когда умер Брейль.

— Безусловно, она ждала, пока куклы все сделают.

— А с ней-то как поступим? — Макканн смотрел на Рикори, не на меня.

Гангстер промолчал. На его лице промелькнуло странное выражение, и я увидел, как он сжал пальцы левой руки в кулак, а потом расслабил их.

— Ладно, босс. — Макканн направился к двери.

Не нужно было обладать особой проницательностью, чтобы понять значение этого жеста. Рикори отдал своему человеку приказ.

— Стойте! — Я преградил Макканну путь. — Послушайте меня, Рикори. Мне есть что сказать по этому поводу. Доктор Брейль был столь же важен для меня, как для вас был Петерс. И в чем бы ни состояла вина мадам Мэндилип, эта девушка не способна противиться ее приказам. Ее воля полностью контролируется этой кукольных дел мастерицей. Я не забыл о том, как она пыталась спасти Уолтерс, и не позволю вам убить ее.

— Если вы правы, то это еще одна причина, по которой следует немедленно от нее избавиться, — сказал Рикори. — Ведьма не сможет воспользоваться ее помощью.

— Я этого не потерплю, Рикори. К тому же есть и другая причина оставить ее в живых. Я хочу допросить ее. Я могу выяснить, как мадам Мэндилип действует. Могу разгадать тайну кукол, узнать ингредиенты мази, определить, есть ли другие соучастники этого преступления, те, кто тоже обладает знаниями мадам Мэндилип. Девушка наверняка знает обо всем этом, и не только. А если она знает, я заставлю ее все рассказать.

— Да ну?! — цинично прищурился Макканн.

— Каким же образом? — осведомился Рикори.

— Используя те же методы, что и мадам Мэндилип, когда она заманила меня в ловушку, — мрачно ответил я.

Рикори задумчиво смерил меня взглядом.

— Доктор Лоуэлл... Я в последний раз уступаю вам в этом вопросе. Я думаю, что вы ошибаетесь. Уверен, что и сам допустил ошибку, когда не убил ведьму при прошлой встрече. Я убежден, что чем дольше эта девчонка остается в живых, тем большей опасности мы себя подвергаем. Тем не менее я готов уступить — в последний раз.

— Макканн, приведите девушку в мой кабинет. Подождите, пока я не разгоню по комнатам всех, кто еще не лег спать.

Я спустился на первый этаж, но все уже разошлись, и я смог беспрепятственно приступить к подготовке. Макканн и Рикори последовали за мной. В своем кабинете я поставил на стол изобретение доктора Льюиса, широко применяемое в больнице Сальпетриер в Париже для введения пациента в гипнотический транс. Это устройство состоит из двух параллельных планок, на которых закреплены небольшие зеркала. Планки равномерно вращаются в противоположных направлениях. Источник освещения установлен так, чтобы отражающая поверхность вспыхивала и гасла. Это был весьма полезный механизм, и я полагал, что он быстро подействует на девушку, привыкшую к гипнотическому внушению. Я установил удобное кресло перед зеркалом и приглушил остальные источники света, чтобы они не нарушали работу устройства. Едва я завершил эти приготовления, как Макканн и дру-

гой подручный Рикори привели девушку. Они усадили ее в кресло, и я вытащил из ее рта кляп.

– Тони, возвращайся в машину, – приказал Рикори. – А ты, Макканн, останься здесь.

Глава 16

Смерть приспешницы

Девушка по-прежнему не сопротивлялась. Казалось, она полностью погрузилась в себя: ее глаза затуманились так же, как при моем посещении лавки мадам Мэндилип. Я взял ее за руки. Девушка не вырывалась. Руки у нее были очень холодные.

– Дитя мое, никто не обидит тебя, – мягко, но настойчиво сказал я. – Отдохни, расслабься. Откинься на спинку кресла. Я лишь хочу помочь тебе. Поспи, если хочешь. Спи...

Она словно не слышала меня, ее взгляд не фокусировался на мне. Отпустив ее руки, я взял стул, сел напротив нее и запустил зеркало Льюиса. Ее взгляд сразу же устремился к механизму, в глазах вспыхнул восторг. Я увидел, как ее тело расслабилось, как отяжелели веки.

– Спи... – нашептывал я. – Тут никто не может причинить тебе вред. Пока ты спишь, никто тебя не обидит... Спи... Спи...

Ее глаза закрылись, девушка вздохнула.

– Ты спишь... Ты не проснешься, пока я не прикажу тебе. Ты не можешь проснуться, пока я не прикажу тебе.

– Я сплю... Я не могу проснуться, пока вы не прикажете мне... – пробормотала она. Голосок у нее был тонкий, детский.

Я остановил вращение зеркал.

– Я задам тебе несколько вопросов. Ты выслушаешь меня и ответишь на них честно. Ты не можешь солгать мне. Ты это знаешь.

– Я должна отвечать честно. Я знаю.

Не удержавшись, я с триумфом посмотрел на Рикори и Макканна. Рикори крестился, глядя на меня с сомнением и в то же время с благоговением. Я знал, что он думает, будто сейчас и я применяю колдовские чары. Макканн нервно жевал жвачку. Он не сводил глаз с девушки.

Я начал допрос с темы, которая не должна была ее растревожить:

– Ты действительно племянница мадам Мэндилип?

– Нет.

– Кто же ты тогда?

– Не знаю.

– Когда ты присоединилась к ней и почему?

– Двадцать лет назад. Я была в сиротском приюте в Вене. Она забрала меня оттуда. Научила меня называть ее тетей. Но она мне не тетя.

– Где вы жили с тех пор?

– В Берлине, Париже, Лондоне, Праге, Варшаве.

– Мадам Мэндилип делала кукол и в этих городах?

Девушка не ответила, ее ресницы затрепетали.

– Спи! Помни, ты не можешь проснуться, пока я не прикажу тебе! Спи... Отвечай мне.

– Да, – прошептала девушка.

– И эти куклы совершали убийства в каждом городе?

– Да.

– Спи. Не тревожься. Ничто не навредит тебе...

Ее тревога росла, и я решил пока не говорить о куклах, чтобы она успокоилась.

– Где родилась мадам Мэндилип?

– Не знаю.

– Сколько ей лет?

– Не знаю. Я спрашивала ее, но она рассмеялась и сказала, что время не властно над нею. Мне было пять лет, когда она забрала меня из приюта. С тех пор она ничуть не изменилась.

– У нее есть сообщники? Я имею в виду тех, кто делает таких же кукол?

– Один. Она его обучила. Он был ее любовником в Праге.

– Любовником?! – потрясенно воскликнул я, представляя себе ее гигантское тело, колоссальную грудь, уродливое лошадиное лицо.

– Я знаю, о чем вы думаете, – сказала девушка. – Но у мадам Мэндилип есть и другое тело. Она пребывает в нем, когда захочет. Это прекрасное тело. Столь же прекрасное, как ее глаза, ее руки, ее голос. Когда она пребывает в этом теле, ее красота даже пугает. Я много раз видела ее такой.

Другое тело! Иллюзия, безусловно... Как зачарованная комната, которую описывала Уолтерс... Комната, которую я видел сам, вырвавшись из паутины гипноза... Образ, спроецированный мадам Мэндилип в сознание девушки. Решив пока не думать об этом, я перешел к сути дела.

– Она убивает двумя способами – при помощи мази и при помощи кукол?

– Да. Мазь и куклы.

– Сколько человек она убила при помощи мази с тех пор, как приехала в Нью-Йорк?

– Мадам Мэндилип создала четырнадцать кукол, – уклончиво ответила девушка.

Значит, были и другие такие случаи, о которых мне не сообщили!

– Сколько человек убили куклы?

– Двадцать.

Рикори выругался, и я выразительно посмотрел на него. Гангстер подался вперед, бледный, напряженный. Макканн перестал жевать.

– Как она делает кукол?

– Я не знаю.

– Ты знаешь, как она готовит мазь?

– Не знаю. Она делает это втайне от меня.

– Что активизирует кукол?

– Вы хотите спросить, что их оживляет?

– Да.

– Что-то от мертвеца.

Рикори вновь выругался, но на этот раз тише.

– Если ты и не знаешь, как она делает кукол, ты представляешь себе, как их оживать. Как?

Она не ответила.

– Ты должна отвечать мне. Ты должна подчиниться моей воле. Говори!

– Я не понимаю ваш вопрос. Я уже сказала вам: что-то от мертвеца их оживляет. Что еще я должна сказать?

– Опиши мне процесс. Начни с того, как жертва впервые приходит в магазин мадам Мэндилип. Что происходит перед тем, как кукла – как ты выразилась – оживает?

– Мадам Мэндилип говорит, что человек должен прийти к ней по собственной воле. Он должен без какого-либо принуждения согласиться на создание куклы. То, что он не осознает, на что соглашается, не имеет значения. Ей следует немедленно приступить к созданию первой модели. Прежде чем она завершит вторую – куклу, которой предстоит ожить, – ей нужно найти способ дать человеку мазь. Она говорит, что эта мазь высвобождает то, что живет в сознании. И оно должно вернуться к ней и вселиться в куклу. Мадам Мэндилип говорит, что не только эта сущность обитает в сознании, есть и другие, но они ей безразличны. Также она работает не со всеми, кто приходит к ней. Откуда она знает, с кем

можно иметь дело, что заставляет ее выбрать именно этого человека, мне неизвестно. Итак, она изготавливает вторую куклу. Когда кукла готова, человек, позировавший для ее создания, умирает. Он умирает – а кукла оживает. И кукла подчиняется приказам мадам Мэндилип. Они все подчиняются ей... – Девушка помолчала. – Все, кроме одной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.